

СТОЛИЦА

Перемен,
мы ждем
перемен...

*Путь в заманчивый мир
бизнеса откроет профессия
рекламного агента!*

Позвоните по телефону
(095) 928-70-17,
и мы расскажем Вам об искусстве нового
для Вас дела, которое гарантирует
стабильность в жизни!

Мы платим высокие проценты от суммы
договоров, возможна работа в штате.

Звоните!
(095) 928-70-17

Елена САЛИНА

ОНИ БЫЛИ НОСИТЕЛЯМИ ИНФОРМАЦИИ...

Фото Э.Кудрявцового

Иногда мне начинает казаться, что старый осколок зеркала, который мы привычно называем общественным сознанием, давно пора выбросить на свалку. Он безнадежно закоптился, правда, не настолько, чтобы совсем перестать отражать действительность, но уже до того опасного предела, когда копия выходит чудовищным уродцем, утратив изначальные человеческие черты оригинала. Прет и прет вверх мутная взвесь из должностных инструкций, грядущих пенсий, аттестаций, косых взглядов и прочей белиберды. Силится себя объявить смыслом жизни, а саму жизнь исподтишка отпихивает ботинком в сторону. И, отряхнувшись, бормочет: «А что я? При чем здесь я? Все так живут». Но ведь не все.

17 апреля погиб при невыясненных обстоятельствах оперуполномоченный по особо важным делам МВД РФ Анатолий Свириденко. Машинист проходящего поезда передал по линии, что в трех километрах от станции Бабынино Калужской области между рельсами лежит труп...

Гроб на похоронах не открывали — видеть то, что осталось от Анатолия, было нельзя. Уголовное дело возбуди-

ли только 27 апреля (прошу обратить внимание на эту дату), после ходатайств депутатов и милицейского профсоюза, как раз в последний день из десяти отпущенных по закону для выяснения обстоятельств.

23 мая на перроне Казанского вокзала нашли народного депутата бывшего СССР Сергея Белозерцева с разбитой головой. После 5-часовой операции трепанации черепа Сергей пришел в себя и сказал, что его ударили сзади по голове. На девятый день после случившегося, когда я разговаривала с начальником Московского управления внутренних дел на железнодорожном транспорте Александром Леоновым, еще не были установлены свидетели происшествия и допрошены лица, общавшиеся с Белозерцевым перед происшествием, а уголовное дело по ст. 108 ч. 1 (нанесение тяжких телесных повреждений) было возбуждено крайне неохотно. По словам Леонова, «если бы не политическая подоплека, это был бы откатной материал».

Начальники у нас, как известно, предсказывают будущее куда лучше астрологов, тем более, что выполнять-то указания — подчиненным, поэтому можно смело предположить, что даже и возбужденные дела не принесут результатов и в конце концов тихо прекратятся.

А теперь немножко подробнее.

— Вы изучили содержимое рабочего сейфа Свириденко? — спросила я следователя Московской транспортной прокуратуры Алексея Кудрявцева.

— Там нет ничего особенного, — ук-

лонился от прямого ответа следователь по особо важным делам с 30-летним стажем. — Он выполнял чужие поручения. Он был клерком, понимаете? Клерком.

Не понимаю.

После армии и рабфака Анатолий поступил в МГУ и не стал учиться — романтическая блажь притащила его в милицию. Служил постовым, а закончив с «красным дипломом» Высшую школу милиции, распределился в УБХСС на Петровку. Его безумно увлекла «культурная линия», на которую он попал. За 5 лет работы в его актив можно зачислить несколько крупнейших дел, связанных с контрабандой картин, антиквариата, в том числе громкие дела по «Союзтеатру», антикварному магазину № 15 — это не считая времени, когда его перебросили на дело АНТА.

Очень контактный, увлекающийся, «опер от рождения», как говорят друзья, он обладал колоссальными связями среди подпольных и легальных коллекционеров и держал одновременно множество криминальных ниточек. Не комплексовал перед именами, несколько раз встречался с тогдашним министром культуры Н.Губенко, мог пойти к любому руководителю, если этого требовало дело. Да, был ершист и далеко не все докладывал собственному начальству, но, видимо, имел на то свои веские причины.

Чтобы расширить свои оперативные возможности, Свириденко год назад пре-

Окончание на с. 3

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Г.Горчаков:

Весь ход войны объясняется не просчетами и ошибками, не странной слепотой, а тем, что Сталин вел свою войну...

6

Неизвестное лицо маршала Жукова.

Страницы, вычеркнутые военной цензурой из советского издания мемуаров Дуайта Эйзенхауэра.

10

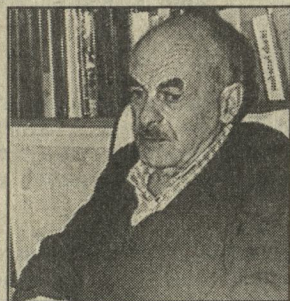

Фото А.Николаева

Б.Окуджава:

Мы по-прежнему не умеем уважать человеческую личность, не умеем видеть в ней высшую ценность жизни, и, пока все это не будет у нас в крови, ничего не изменится, психология большевизма будет и дальше губить нас и наших детей.

11

2 ЭКОНОМИКА

И.Демченко:

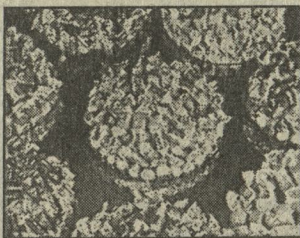
В разделе «Форс-мажор» международных контрактов, где речь идет об обстоятельствах, препятствующих выполнению условий сделки независимо от воли сторон — стихийные бедствия, природные катаклизмы, катастрофы и так далее, — стали записывать: «Решения правительства и Верховного Совета России, а также публичные заявления российских официальных лиц»...

20

Е.Колесникова:

К советским конфетам я равнодушна. Но на майкопских сорвалась, стала жевать одну за одной. В чернослив кладут орешек и обливают ягоду шоколадом. Или: толченые орехи смешивают с медом и маленький шарик опять же обливают шоколадом. «Птичье молоко» тает во рту...

22

3 ЖИЗНЬ

Фото И.Овчина

Е.Степанов:

Люди остаются людьми. Даже в экстремальных условиях. И какая по большому счету разница — в Христа вы верите или в Магомета? В Баку так говорят: лучше спать в одном доме с иноверцем, нежели с неверующим.

38

В.Кичин:

Но что ж это наших замечательных интеллигентов все время кто-нибудь использует не по назначению? То партия-правительство, государство в личных целях. То сильный мира сего чиновник. То рынок. Может, в нашей интеллигентности есть какой-то изъян?

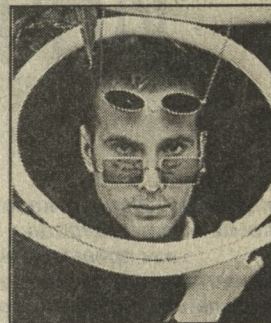
40

4 КУЛЬТУРА

А.Галин:

Если сравнивать нашу жизнь с театром, то можно сказать, что раньше у людей были какие-то закреплённые за каждым роли: этот — тиран, этот — жертва, эти — герой и антигерой. Потом эта пьеса кончилась. Прёжных ролей нет, а есть только замысел, и то не очень ясный.

46

Валерий Плотников — личность легендарная во всех отношениях. Если сказать, что его фотопортреты известны всем, то это не будет большим преувеличением.

51

Валентина Цой:

Виктор никогда не был одинок.

60

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации. № 003.895

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Григорий Вайсман

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов

Отдел экономики и науки: Елена Колесникова

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни: Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Подписку за рубежом осуществляет агентство Econews: box 378
Geneva 1211 Switzerland.
Fax: 41.22 — 349.05.80
Tel: 41.22 — 349.04.50

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 11.06.1992 г.
Тираж 156.300

Над номером работали:
В.Старчевский, О.Проханов, Л.Коновалова

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905-я, д.7. Зак. 2269

Окончание. Начало на с. 1

решил в МВД, тогда еще союзное. Активно занимался Третьяковкой (об обнаруженных там нарушениях и злоупотреблениях сейчас вовсю пишут), а незадолго до гибели вышел на весьма болезненный клубок проблем, связанных с «Загорским архивом», — так в секретных документах всегда именовалась одна из крупнейших трофейных коллекций (16,5 тысячи предметов), вывезенная из Германии по окончании войны и хранящаяся в Пивной башне Троице-Сергиевой лавры.

До последнего времени эта тема считалась запретной, хотя западные немцы неоднократно пытались выяснить судьбу вывезенных с их территории сокровищ и предлагали начать переговоры по обоюдоприемлемым условиям их возвращения. Неожиданно выяснилось, что ВПХО им. Вучетича, курировавшее коллекцию, намерено преобразоваться в акционерное общество и сокровищам может грозить та же участь, что постигла уже более мелкие коллекции. Кстати, Свириденко собирался встретиться с известным специалистом-искусствоведом, экспертом государственной комиссии Алексеем Расторгуевым, чтобы передать ему какие-то материалы по трофейному фонду МГУ, практически полностью разграбленному и разнесенному по частным собраниям.

Разве этого мало, чтобы серьезно покопаться в сейфе трагически погибшего оперативника? Почему же все это не интересует следствие? Почему следователь прямо-таки настаивал, чтобы я записала строки из экспертного заключения о том, что «указанная концентрация этилового спирта в крови (3,6 промилле) при жизни могла соответствовать тяжелой степени алкогольного опьянения»? Не логичнее ли было бы удивиться: когда и где Свириденко, человек, как бы сказать точнее, малопьющий и, уж совсем точно, не теряющий над собой контроля, мог выпить литр водки (именно такому количеству спиртного соответствует указанная концентрация)?

Что ж, давайте анализировать дальше.

13 апреля Свириденко с коллегами едет в командировку в Калугу. На выходные (18—19 апреля, суббота и воскресенье) они решили вернуться домой. Коллеги — в Москву, Анатолий — к родителям, в село Студенки Черниговской области, навестить и заодно прихватить домой деревенских продуктов. 17-го, примерно в 10 вечера, он якобы садится в поезд, а через 20 минут уже лежит между путями с разможенной головой.

На следующий день, ни слова не сказав родным (жена и трое маленьких де-

тей волнуются, они позвонили и узнали, что Анатолий не приехал), три начальника из МВД едут на место происшествия и, удовлетворившись поверхностным осмотром, без следователя, криминалиста и фотографа, выносят свой вердикт: был пьян и случайно выпал из поезда! Начальник Главного управления уголовного розыска В. Колесников так впоследствии и ответит на депутатский запрос: «Собравные в настоящее время материалы расследования позволяют выдвинуть как минимум три версии, две из которых — неосторожное столкновение потерпевшего с тамбурной площадки и выпадение». Скажите, пожалуйста, часто ли на наших железных дорогах происходят «неосторожные столкновения» оперативников, владеющих приемами рукопашной борьбы? И кто же он, «неосторожно столкнувшийся», наконец?

Боюсь, теперь это невозможно установить. Не найти пассажиров того злополучного поезда, других свидетелей. Десять первых дней, когда не проводилось никаких оперативно-разыскных мероприятий, сделали свое черное дело.

Друзья, коллеги Свириденко, народные депутаты — не дилетанты, все опытные оперативники и следователи — бьются как об стену. Просят передать дело в Прокуратуру России, создать следственную бригаду, допустить их к участию в официальном расследовании. Кричат о несурзностях: безграмотно, с искажением линейных мер составлен план места происшествия; в гостиничном номере осталась дорожная сумка Анатолия, с которой он не расставался, зато пропал маленький блокнотик, и так без конца.

Но их как бы не слышат. Их высокомерно щелкают по носу письменными ответами типа: «Выражаю надежду, что в дальнейшем аналогичные публикации будут предварительно согласовываться с органами, проводящими расследование. С уважением...»

Ну почему бы в самом деле не освободить от перебаривания огромного объема информации одного уставшего немолодого транспортного следователя, если есть много энергичных и заинтересованных людей, готовых все свои силы, знания и опыт отдать этому делу? Что это? Все та же пресловутая честь мундира? Или...

Удивительное совпадение. Сергей Белозерцев, человек, известный всей стране своей фанатичной устремленностью докопаться до истины чего бы ему это ни стоило, член комиссии ВС СССР по расследованию дела ГКЧП, предполагаемый свидетель в Конституционном суде по делу КПСС, ярый оппонент Горбачева, обладатель собственного депутатского досье с ог-

ромным количеством фактов злоупотреблений в органах МВД, бывшего КГБ и прокуратуры, абсолютно пьяным (5,0 промилле — почти смертельная доза), хотя всегда был практически непьющим, в течение нескольких часов бродит по Казанскому вокзалу (т.е. в случае чего опять попадает в поле зрения транспортных ОВД и прокуратуры) и в итоге разбивает себе голову — «ударившись о столб» без свидетелей и почему-то без следов на упомянутом столбе. Кроме того, достоверно известно, что Свириденко и Белозерцев были знакомы, общались, что часть своих материалов Анатолий передавал именно Белозерцеву.

Возможно, действительно нелепое совпадение. Но почему взаимосвязь двух событий надо отбрасывать прежде всего? Будет ли вестись неформально формально возбужденное уголовное дело? И главное, существуют ли вообще люди, заинтересованные в результате?

Последняя статья Белозерцева в газете социал-демократической партии «Альтернатива» называлась «Проснись, Президент!». Незадолго до этого он передал Ельцину записку с подробным изложением тех фактов, которые долго и упорно собирал. Люди, чьи имена там упомянуты, занимают сегодня видные должности в государстве и его правоохранительных органах. Интересно, какой реакции он ждал? И КТО мог бы всерьез заняться проверкой его информации?

Бунт одиночек уже тысячу раз описан поэтами. Прозаики предпочитают тему беззаветной российской веры в доброго царя-батюшку, который все может. А на долю журналистов остается лишь констатация фактов.

Мои консультанты при подготовке этой публикации предпочитали для разговора выходить из своих кабинетов, довольно высоких, безвольно разводя руками: прослушивается.

Господи, кому они сегодня-то докладывают?

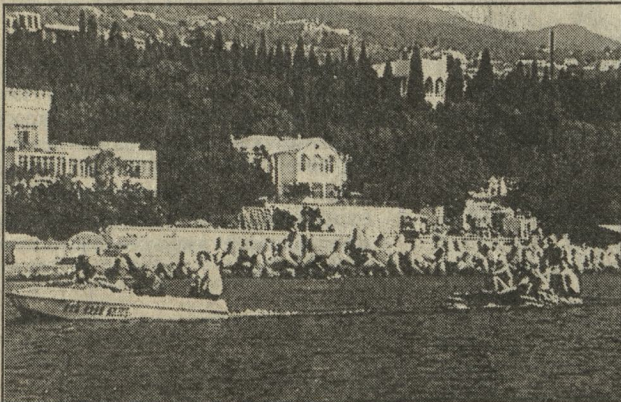
Независимый профсоюз работников милиции Москвы готов принять любую информацию о гибели Свириденко и покушении на Белозерцева по телефону 200-90-46. Тем, кто реально поможет расследованию, Московский фонд поддержки правоохранительных органов гарантирует крупное денежное вознаграждение.

ПОЛУОСТРОВ РАЗДОРА

Могут ли Россия и Украина начать войну из-за Крыма? Вопрос был задан Леониду Кравчуку на пресс-конференции в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. От прямого ответа президент уклонился. Но принятое спустя десять дней решение российского парламента об отмене акта 1954 года возвращает нас к этой страшной возможности.

Исход «крымской кампании» в российском парламенте был предreshен еще до обсуждения. 18 мая на брифинге Руслан Хасбулатов заявил, что независимо от решения о законности передачи Крыма в 1954 году Украине никаких территориальных претензий к украинскому народу Россия выдвигать не будет. Какой же тогда смысл в рассмотрении крымского вопроса на заседании ВС России? А смысл в том, заявил Хасбулатов, что Россия взяла «четкий курс на формирование действительно демократического государства и освобождается от неправовых актов, принятых прежним руководством».

Отмена «неправового акта» почти сорокалетней давности, по мнению Хасбулатова, имеет чисто символическое значение и никакого практического влияния на отношения Украины с Россией, и без того непростые, не окажет. Однако надеяться на это было бы по меньшей мере наивно. Коли уж Крым будет возвращен России де-юре, то можно ли избавиться от сложна (а им явно охвачены некоторые политики) оформить восстановление исторической справедливости факто?

Симферополь. Май 1992 г.

...Заседание российского парламента временами напоминало митинг национал-патриотов. Попытки министра иностранных дел Андрея Козырева найти дипломатический выход из ситуации — осудить акт 1954 года, но не принимать никакого решения — не удались. На министра посыпались обвинения в том, что руководимое им внешнеполитическое ведомство не защищает интересы своей державы. Один из ораторов долго вслух горевал по поводу и без того многочисленных «наших» потерь: «Мы потеряли Восточную Европу, Прибалтику, Афганистан». Другой призвал взглянуть еще шире — на все когда-либо отторгнутые у России территории, включая Казахстан. Бабурин, Исаков и поддержавшее их большинство склонили парламент к решению: считать акт о передаче Крыма Украине не имеющим юридической силы.

Таким образом, заявление Хасбулатова о том, что отмена «неправового акта» не означает наличия территориальных претензий к братскому народу Украины, было понято Кравчуком как раз наоборот: претензии имеются. О чем президент Украины и заявил публично.

Тугой южный узел отчасти ослаблен решением крымского парламента отменить постановление о провозглашении государственной самостоятельности Республики Крым и приостановить решение о проведении референдума. Если в ответ на этот акт доброй воли со стороны Симферополя Киев аннулирует проект закона «О представительстве Президента Украины в Республике Крым», то есть надежда, что хотя бы южные участники

спора договорятся.

Но договорятся ли теперь Украина и Россия?

Чем дальше, тем очевиднее: отмена акта 1954 года — событие не чисто символического значения. Это и способ политического давления на партнера по СНГ, как минимум в переговорах о судьбе Черноморского флота. Это и уступка российским национал-патриотам. Это, наконец, и способ отвлечь внимание народа от новых экономических ударов, связанных с неизбежным повышением цен на энергоносители. (Любопытное совпадение: идея вернуть Крым России впервые прозвучала в январе — сразу после отпуска цен.)

Да, Крым открывает России выход к Черному морю. Но и это геополитическое соображение отнюдь не ново, оно существует века, и обосновывать им сегодняшние расчеты вряд ли уместно.

Имел ли вообще право российский парламента обсуждать крымский вопрос? Вероятно, имел, коли такой вопрос существует, будоражит умы и чувства определенной, не столь уж малочисленной части общества. Вызывает ли возражения идея восстановления исторической справедливости? В абстрактном ее виде — нет, разумеется. Но когда речь идет о давно и прочно устоявшихся административно-территориальных границах (межгосударственными они стали только теперь), любая попытка их перекроить способна привести к братоубийству. Так можно объявить неконституционными и поставить под сомнение едва ли не все границы между бывшими советскими республиками, установленные во многих случаях лишь росчерком сталинского карандаша. Такое «восстановление исторической справедливости», какими бы высокими патриотическими чувствами оно ни диктовалось, означает нарушение хельсинкских договоренностей о недопустимости пересмотра границ и ведет к вооруженным конфликтам. Тревогу тут усиливает и отказ Украины подписать Ташкентский договор о коллективной безопасности.

Поспешным и непродуманным денонсированием акта 1954 года российский парламента поколебал наметившееся сближение Киева и Симферополя. Республи-

канское движение Крыма уже потребовало от крымского парламента отменить решение о приостановке общекрымского референдума. Спровоцировав новое обострение в Крыму, российский парламента, где раздаются речи об оскорбленном национальном чувстве, только усилил антирусские настроения на Украине, укрепил там подозрения в имперских притязаниях соседа. Если это на пользу России, то что же во вред? К тому же Крым хочет сам определить свою судьбу. Даже свободный от обязательств перед Украиной, он вряд ли присоединится к России.

В отличие от российского парламента Борис Ельцин, судя по его интервью «Комсомольской правде», занимает реалистичную и ответственную позицию: «У нас с Украиной тысячелетняя история взаимоотношений, и что же — будем воевать сейчас? Это преступление нам никто не простит. Мое мнение: невозможно принимать решения по тому же Крыму наверху — давайте идти за логикой жизни, а не давить на эту жизнь».

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

ЧЕТКАЯ ЛИНИЯ ПРЕЗИДЕНТА И ВСЕХ, ВСЕХ, ВСЕХ...

С нынешними властью имущими не соскучишься. За изгибами их «четкой политической линии» не уследишь...

...21 апреля, на съезде, президент категорично заявляет, что стремление низложить съезд и Верховный Совет «открывает прямую дорогу политическому беспределу и ведет в тупик». Спустя неделю в городе Череповце тот же президент не менее категорично заявляет, что съезд надо... разогнать, а для этого срочно созвать референдум. Еще через несколько дней, уже в мае, в Ташкенте, в дни встречи руководителей стран СНГ, президент России повторяет ту же свою четкую линию по поводу референдума и судьбы съезда. Спустя еще пару дней, в Сибири и Бурятии, президент снова подтверждает высказанное в Череповце и Ташкенте. И

опять-таки четко и ясно...

В том же мае глава парламента России и председатели палат дают установку прессе: истинным считать то, что президент говорит на съездах. На остальное — внимания не обращать!

В самых первых числах июня заволновались депутатские фракции. Председатель совета этих фракций распространяет среди депутатов текст Обращения к президенту: «Если будет с Вашей подачи разогнан съезд, то и Вы как Президент будете обречены, т.к. республики, края и области побегут и от Вас»... Обращение, по традиции, многословно, не слишком членораздельно и выдержано по отношению к президенту в весьма фривольной форме. Члены одной из фракций — «ДемРоссии», — обсуждавших свое отношение к Обращению, сочли его хамским и присоединиться, естественно, наотрез отказались.

Тут подоспела и вездесущая «оппозиция». Она в те же дни, а именно 3 июня, подготовила свое строгое Заявление: «Политика Президента России и возглавляемого им кабинета привела республику на грань национальной катастрофы... Президент и правительство стали главными факторами дестабилизации общественной жизни... Идет откровенная подготовка к перевороту, антиконституционному захвату власти... Мы требуем возбуждения ходатайства в Конституционный Суд об отрешении от должности Президента Российской Федерации за предательство национальных интересов России...» И так далее. Подписано 17 депутатами, в том числе Аксютинцем, Астафьевым, Бабуриным, Исаковым, Константиновым, Челноковым и др.

А что же президент? Какова после всего этого его четкая линия? Все продолжает настаивать на разгоне съезда и референдуме? А вот этого никто точно не знает... С одной стороны, он благословил уход в отставку мэра Москвы Попова, чтобы тот вплотную занялся подготовкой референдума. А с другой стороны, поговаривают, что в последнее время президент уже не высказывается в пользу референдума. Такая вот интересная четкая линия...

Григорий КРОШИН

ПОКА ЕДИНСТВЕННАЯ ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНИНА — НАВОЗ

— считают участники прошедшего в Москве Международного конгресса «Малое и среднее предпринимательство России».

Цель конгресса — обсуждение перспектив развития бизнеса в России и странах СНГ. Все сошлись во мнении: если правительство будет душить предпринимателей непомерными налогами, то развитие малого бизнеса остановится.

Позиция западных предпринимателей, приглашенных на конгресс, заключалась в следующем. Россия не получит кредитов от западных банков. Причины таковы: во-первых, курс реформ, объявленный российским правительством во главе с Гайдаром, не соответствует реальному ходу развития экономики. Во-вторых, западные правительства и предприниматели не заинтересованы в выдаче кредитов под обещания. А для того, чтобы получить кредит под развитие частных предприятий, необходимы: законы о залоговой стоимости и закон о частной собственности, в первую очередь о собственности на землю, потому что земля, как считает президент одной из германских компаний Шальке Зигерт, в настоящее время является в России единственным реальным залогом.

Вопрос о земельной реформе в России сейчас в центре внимания политиков и экономистов. Своими соображениями о ее проведении и перспективах поделились с корреспондентом «Столицы» академики Владимир Тихонов и Алексей Емельянов. Позиция академика Тихонова такова.

Тихонов считает, что о свободном наделении фермеров землей говорить не приходится. 60 процентов депутатского корпуса России — это люди, не расстающиеся с идеологией государственного монополизма. Землю в руки свободных крестьян они никогда не отдадут, несмотря на любые законы. Это современные помещики. Еще в 1990 году мы в Верховном Совете СССР приняли земельное законодательство,

ликвидировавшее государственную монополию на землю. Формула была: «земля — всенародное достояние». Необходимо создать на базе колхозов и совхозов акционерные общества. Например: на 6 тысячах гектаров земли — 100 фермерских хозяйств, вся производственная инфраструктура плюс предприятия агросервиса. В таком виде землю можно отдать в аренду крестьянам с правом ее выкупа в любые сроки и кооперативам для эксплуатации перерабатывающих предприятий. Наиболее приспособленные к деятельности на земле становятся владельцами ферм и прилегающих к ним земельных участков. Это гарантирует, во-первых, дополнительную занятость, во-вторых, получение дивидендов по акциям агропредприятий. До тех же пор, пока фактическими монополиями владельцами земли остаются колхозы и совхозы, проблема возможности приватизации земли стоит особенно остро. Указ президента «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» был подготовлен дилетантски и оказался чрезмерно двусмысленным. Если следовать букве, указ призывает разделить всю землю на мелкие кусочки, что вообще разрушит систему сельского хозяйства. К тому же приватизированная земля не становится частной собственностью, ее нельзя ни продавать, ни брать кредит под залог. Далее: получение среднего районного пая должно осуществляться в виде акции или облигации. В таком случае владельцам гарантированы дивиденды. Это вполне приемлемый вариант. Если же пай рассматривается как обязательная передача земли в натуре, тогда в

действие должна вступать система свободной купли-продажи земли через банк, свободное право выкупа земли банком, то есть существовать рынок земли. Без него ни о каком развитии частного сектора в сельхозпроизводстве разговора быть не может.

Если объявить о свободной продаже земли, то и это не решит всех проблем развития фермерства, считает Емельянов, «так как среднему крестьянину не на что купить не то что участок земли, но даже и трактор». Более того, земля моментально будет раскуплена банками, крупными коммерческими структурами, и потом землей будут торговать так же, как сейчас на улице торгуют пивом. А крестьянину, который из поколения в поколение возится в навозе, ничего кроме него не достанется. Фермеру, подчеркнул Емельянов, должна выделяться лучшая земля, а не заброшенные участки. За ходом земельной реформы должен осуществляться жесткий контроль вплоть до уголовной ответственности.

От имени правительства Москвы на конгрессе выступил Юрий Лужков. Он перечислил заслуги московского правительства по развитию структур малого и среднего предпринимательства: предприниматели освобождены от местных налогов, начата массовая приватизация. Однако в конце выступления Лужков отметил, что приватизация — единственное средство для того, чтобы деньги поступали в бюджет города. То есть в карман московского правительства, которое возглавляет сам Лужков.

Михаил МИХАЙЛИН

СТАЛИНСКАЯ ВОЙНА

Может быть, сегодня впервые за всю нашу много-страдальную и загадочную историю мы из двух возможных парадигм существования людей в общественных системах — «думать, что наделали» или «делать, что надумали» — пытаемся наконец хотя бы начать движение от первого ко второму. И останавливаемся мы на этом рубеже не столько потому, что пока еще не очень хорошо надумали, что же делать (да и не все надумали что-то общее), сколько потому, что уж слишком много наделали. Оттого и задумываться приходится как посреди дороги — там, где еще недавно все было предельно ясно, или там, где думать раньше запрещалось, — ибо темы были неприкасаемые. Одна из них — война, а в ней — личности, стоявшие особняком: Жуков и Сталин. Как долго все это сопровождалось почти каноническим: война — подвиг, Сталин — злой гений, Жуков — добрый! Но все беспощадней ломаются каноны, а осколки, увы, летят в ветеранов. Все жестче говорится о тех годах, и не

нашими современниками — с них какой спрос, а очевидцами тех событий, что будет поважней.

Особенно часто, естественно, говорится о войне дважды в год, 9 мая и 22 июня. Самой историей расставлены эти дни в календаре именно так. Сначала в мае: радость, пусть и «со слезами на глазах», а потом в июне: почему же так много было слез?

Публикуемые материалы — о войне, оба они исходят от людей, имевших к ней самое прямое отношение. Один из них в годы войны был верховным главнокомандующим экспедиционными войсками союзников в Европе, второй — добровольцем под Москвой. Затем один стал президентом США, другой примерно в это же время — политзаключенным. Политическая карьера одного окончилась в 1961 году, с другого годом раньше сняли судимость.

Итак, война и ее герои глазами современников.

А.К.

Ленинград. Военный парад на Дворцовой площади (1938 г.)

Генрих ГОРЧАКОВ

ПРАВДА О ТУФТЕ

Человечество всегда жило убеждением, что война — естественное дело, и военная профессия поэтому воспринималась как одна из ипостасей мужской доблести. Правда, могучая статистика приводила длинный список войн и их жертв, но она же и утешала нас: человечество, оказывается, НЕ УБЫЛО, и земля не знает мест, полностью запустелых от войн. И даже христианская мораль мало преуспела, чтобы сдвинуть сознание с этой точки зрения. Отвечая на вопрос, почему возникают войны, она всего лишь поясняет, что это наказание за грехи. Знаменитое лермонтовское — «зачем» беспрестанно враждует человек,

когда «под небом места хватит всем», — так и осталось гласом в пустыне.

Как это видно из истории, войны способствовали бурному развитию науки, техники, медицины. Вторая мировая война дала наглядное доказательство тому, что даже военные поражения не помеха такому прогрессу. Величайшие бедствия, которые несли войны, миллионы погибших и калек, разрушение городов и цивилизаций — все это на фоне таких достижений воспринимается как частные случаи...

Еще чуть-чуть, и впору сочинять гимн войне как средству прогресса человечества?

Однако наряду с революциями и абортами, эпидемиями и противозачаточными средствами войны были схожи с теми процессами, что в растениеводстве получили название «прополка» и «прореживание».

Войны, как известно, затевали всегда правители. Начинать войны, но уже от лица своих государств, их побуждали какие-то трения, которые между ними порой возникали. Если таковых под рукой не было, то их попросту создавали. К тому же если в государственном организме набирают инерцию центробежные силы, то война служит идеальным средством сбалансировать их, так как создает силу цен-

трострительную.

Вообще создание военной профессии, развитие армии и военной промышленности, накопление оружия поневоле ведут к беременности войны, подобно тому, как плохой воздух, заболоченность почвы и загрязнение вод создают риск эпидемий. Рано или поздно накопление этих объемов требует, чтобы они были пущены в оборот, а наличие армии профессионалов — их проверки в действии.

На заре истории войны происходили для захвата пленных, имущества, территорий. В качестве нюансов служили жажда славы и зависть. В более цивилизованные времена к причинам добавились рост государственного могущества, передел земли, захват рынка, реже — идейно-политические, религиозные, национальные мотивы, а также амбиции, связанные с историческими итогами войн предыдущих.

Правда, прогресс военной техники к нашему времени сделал то, что не могли сделать так долго никакие идейные и моральные соображения, — поставил человечество перед необходимостью «нового мышления». Но это относится к проблемам войны вообще или (чур меня!) будущей войны.

А наша тема — Великая Отечественная война, которая в сознании нашего народа остается главным событием всего XX века.

С тех пор как образовался конгломерат «советский народ», он жил всегда с сознанием обреченности на войну. Но обычных причин возникновения войны у нашей страны не было. Были, возможно, основания для имперских амбиций, ведь оказались потерянными многие территории Российской империи. Но эти амбиции были только в зародыше, не подкрепленные ни идеологически (ведь интернационализм), ни экономически. Не существовало у нас и проблемы перенаселенности. Однако образовавшаяся вторая система сразу оказалась в окружении враждебных чуждых сил, которые, надо полагать, имели все основания желать исчезновения того социально-политического монстра, каким являлась социалистическая Россия.

Поэтому с самого начала перед советским государством все-таки стояли две задачи: превентивная защита и идеологическая миссия, то есть поддержка военной силой вот-вот ожидаемой мировой революции.

Армия наша была еще малочисленна, а военная промышленность слаба, чтобы делать погоду. Но зато развивающаяся государственность требовала оправдания своего существования. К тому же затянувшееся ожидание мировой революции и социалистического рая с течением времени все более и более утрачивали способность вести за собой. Для того и необходимо было использовать авторитет войны. Поэтому и внедрялся в сознание лю-

дей мотив, перед которым трудно устоять: «Лишьбынебыловыны...», примирявший нашу готовность терпеть лишения — с бесконечными лишениями. Но, с другой стороны, по мере смены поколений и, значит, увеличения числа людей, не знавших войны, стала необходима иная мелодия — и она стала слышна — угроза войны и ее неминуемость. Главным оказалась даже не сама высочайшая мобилизационная способность, а осознание ее необходимости. Легко сказать, что наше государство войны не хотело и к ней не готовилось. Вопрос, почему имело место и то и другое? Не хотело, потому что войны боялось. Было слабым и в силу этого не готовилось, ибо готовиться по-настоящему не могло. Все, что у нас делалось, было связано не с войной, а лишь с ее угрозой. В песнях мы пели «Если завтра война...». Но фактически мы не готовы были к ней ни «сегодня», ни «завтра».

Вот, например, финская война показала, что наша молодежь не умеет ходить на лыжах. Тогда срочно объявили: «Молодежь — на лыжи». Обязали всех студентов сдавать нормы по лыжам. Без этого не допускали к экзаменам. Но вместо того чтобы учить лыжам, сразу заставляли сдавать зачет. Всякими правдами и неправдами студенты зачеты-то сдавали, но на лыжах ходить так и не научились.

Другой пример. В Институте истории, философии и литературы (ИФЛИ) была военная кафедра. Мы учили наизусть разные БУПы (боевой устав пехоты), разбирали и собирали винтовку или пулемет, но за два года нас ни разу не сводили на стрельбище. И хотя сами студенты считали, что будут участвовать в войне, писали даже стихи о том, как они «умрут в боях», но, похоже, именно к этому и стремились, так как серьезной подготовкой не занимались.

Между тем события развивались стремительно. Мир не шел — бежал к войне. Готовыми же к войне у нас оказались только военные лозунги. Но в то же время психологический мотив угрозы войны был Сталину необходим — других просто не было. Наша идеология была уже вся повернута в сторону войны.

Развив блистательно «осознание необходимости мобилизационной способности», мобилизоваться толком мы так и не сумели. Повсюду у нас была толчея, неразбериха. Все наши грандиозные достижения, планы и рапорты всегда надо было делить на какой-то коэффициент.

Какой был перед нашей страной выбор? Включиться в движение сил, противостоящих агрессору, нанести упреждающий удар, пока агрессор еще слаб? Или держать строгий и полный нейтралитет? Оба эти варианта более или менее соответствовали логике нашей истории, нашим военным лозунгам.

Получили же мы совсем другое.

Бой за деревню (1942 г.)

Существуют уже давно две версии той войны, которую мы имели в действительности.

Первая — «победная». Союзников мы не имели. Будущий же союзник был тогда еще врагом, который хотел втянуть нас в пучину войны, заставить таскать каштаны из огня, чтобы самому потом выйти единственным победителем и диктовать нам свою волю. Разгадав эти хитрости, мы заключили соглашение с агрессором (который сначала был другом), оттянули сроки войны, сумели активизировать подготовку, которую начали еще до мировой войны, — расчистка своей армии и тыла от врагов, перевод промышленности на военный лад, завоевание новых границ и т.д. Для окончательной же перестройки у нас не хватило времени, но тем не менее передышка дала возможность переставить наш паровоз с запасного пути на рельсы войны и толкнуть его, а он, уже оборотившись бронепоездом, тронулся, двинулся, он доедет!

И настолько нам был дорог каждый час передышки, что мы ради него должны были рисковать даже возможностью своего внезапного удара. Друг же оказался вероломным врагом, нанес нам неожиданный удар, которым свел на нет нашу готовность к войне, все же недостаточную против мощного врага, мобилизовавшего ресурсы всей Европы. Поэтому начальный период для нас был неудачным и мы понесли большие потери, но в итоге все оказалось о кей — паровоз-бронепоезд благодаря гениальному предвидению локомотивной бригады наконец доехал и привез нас к победе. В результате главными победителями оказались мы и, стало быть, смогли миру диктовать свою волю. А насчет обильных жертв — «приятно и радостно знать...».

Вторая версия — «критическая». Сталин, нанеся кадрам ощутимый урон, разрушил нашу армию, проявил непонятную слепоту и излишнюю доверчивость к Гитлеру, не внял предупреждениям героических разведчиков, считая их провокаторами, проявил малодушие и растерянность в начале войны, оказался парализованным, его чуть ли не силой заставили возглавить оборону, потому что его имя было объединяющим знаменем. Благодаря этим его просчетам мы понесли в начале войны огромный материальный ущерб, сведший на нет нашу готовность, — а к войне мы были готовы. Сталин и в ходе войны допускал просчеты и ошибки, чем и объясняются наши огромные жертвы. Но партия, но народ, но наш строй все-таки выстояли, проявили невиданный героизм и в итоге одержали заслуженную победу.

Как варианты здесь бывает: Сталин в первый период был некомпетентен и нетерпим к мнению других, потом все же кое-чему научился, стал разбираться и принимать правильные решения, больше доверять мнениям военачальников и даже поступать согласно этим мнениям, хотя сам придерживался других. Можно встретить и такое. К войне мы не были готовы, и Сталин правильно поступил, отказавшись от первого удара, ибо армия не имела достаточно вооружений, не обладала численным превосходством и, наступая, понесла бы неизмеримо больше потерь, чем обороняясь. Или вот еще. Сталин не угадал направления главного удара (здесь бывает вариант: не угадал весь генштаб, а не только Сталин), не сосредоточил на этом направлении основной силы.

Я готов предложить иную версию, которая вызревала во мне давно и по мере появления новых материалов высокой степени откровенности находила все больше и больше подтверждений.

Весь ход войны объясняется не прос-

четами и ошибками, не странной слепотой, а тем, что Сталин вел свою войну, такую, какую позволяли ему реальные возможности страны, ту, которая была нужна ему для выполнения своей сверхзадачи. Сталин вышел победителем и получил тот итог, который был нужен ему. Благодаря своей политике, своим расчетам Сталин укрепил свою безраздельную власть. Сталин получил мощную военную сверхдержаву, диктующую миру волю, Сталин удовлетворил ее имперские амбиции, не только возвратив многие отторгнутые от российской империи земли, но и дав ей в полное владение ряд территорий, России никогда не принадлежавших. И надо отметить, что такое положение России вызвало сочувствие многих бывших врагов большевиков. Вспомним, как заходилось от восторга сердце у сладкоречивого Шульгина.

Долгие годы Сталин успешно проводил политику «прореживания». Этим путем решались многие государственные задачи: где брать рабочую силу для освоения глухих окраин; как решать проблему занятости, обеспечения населения жильем, одеждой, продуктами... Война в одночасье решила бы проблему прореживания. Так что были все основания жертв не жалеть...

У нас была, говорят, деспотия, но, говорят, была и самая демократическая конституция. И вот для такого гибрида после войны мы получили очень удобную структуру населения. В основном, прореженным оказалось мужское население. А из женщин, которыми заполнили производства, учреждения, Советы, очень удобно было формировать послушные коллективы («Давайте скорей голосовать, а то надо домой!..»). Посмотрите, какое неудобство создалось в наше время, когда состав населения выравнивался, когда много мужиков — не женщин! — ринулось в политику...

Если бы война не была столь разрушительной, разве удалось бы вновь когда-либо выложить такой мощный психологический козырь: «Лишь бы не было войны».

И наконец. Потоки крови своих сограждан становилось все труднее скрывать. Труднее становилось тушить боль незаживающих ран... И разве это не гениально — залить эту кровь еще большей и переложить ответственность на немцев, направить гнев народа в их сторону.

Когда на сессии российского парламента поставили вопрос о компенсациях тем немногим оставшимся в живых жертвам репрессий — разве не вскочил депутат с возгласом: «А не будет ли это обидно фронтовикам?!»... Разве это не показывает нам, сколь с психологической точки зрения был гениален ход, давший столь кровопролитную войну...

Возражают: ну разве можно назвать разумными действия, принесшие такие жертвы и такие разрушения? Принесшие — кому? Разве был разрушен кремлевский кабинет Сталина? Его дачи? Что, Сталин питался по карточкам? Или руководители блокадного Ленинграда получали стограммовую пайку?..

А теперь о внезапности. И о наших просчетах.

Поговорим сначала о психологии внезапности. Вообразите, некто сидит дома и вдруг — пожар. Хотя мы все знаем о принципиальной возможности пожара, вряд ли всегда будет стоять наготове ведро с водой. У конторы, организации больше возможностей — она уже может держать пожарника, бюджет, наверное, какой-нибудь план эвакуации при пожаре. Ну а уж целая страна...

Я рано попал во фронтовую обстановку, и у меня не возникло впечатления, что все находится в панике и никто не знает, что делать. Более того, я утверждаю, что у нас имелся план, касавшийся не только действий военных организаций, но и всего хозяйственного механизма. Он касался каждого предприятия, учреждения, каждой организации. Все в нем было предусмотрено и подробно рассчитано. Он предусматривал, что война будет вестись именно на нашей территории. Зачем же иначе вывозить на восток заводы, перегонять скот, готовить базы для партизан, группы для подпольной борьбы, заградотряды. Не уверен, что у нас имелаась такая же подробная схема действий, предусматривающая, что война будет идти на чужой территории.

Так вот, план, надо сказать, основывался не столько на нашей готовности, сколько на неготовности.

Да мог ли в принципе Сталин двинуть нашу армию в Европу для нанесения превентивного удара?

Представьте, вы стоите на сцене в общем хоре и сзади у вас, извините, лопнули штаны. Уж, наверное, надо прижаться к стене и как-нибудь достоять на своем месте до закрытия занавеса и не лезть на

Потсдамская конференция (1945 г.)

авансцену поближе к рампе и публике.

Можно ли было двинуть нашу, еще раз извините, голозадную армию на дороги Европы против механизированных колонн, можно ли было идти с винтовками образца 1891—1930 годов против автоматов, с зажигательными бутылками — против танков, с ограниченным запасом патронов — против немецкого бесприцельного залпа, создающего плотную завесу огня? Можно ли было пустить туда нашу армию, состоящую из голодных мужиков, чтобы они увидели, каково в действительности живется в «капиталистическом аду»...

Вот если бы это случилось, тогда можно было бы еще говорить о просчетах и ошибках.

Нет, надо было поставить наш народ перед безысходностью, перед осознанием того, что враг пришел на твою землю, угрожает твоему дому, твоей семье... И этого Сталин, безусловно, добился.

Не мог не понимать Сталин и того, что западный мир, ведущий войну с Гитлером, настроенно воспримет вступление Красной Армии в Европу. Кого увидят в ней — освободителя или захватчика? А вот к тому, что немецкие полчища обрушатся на советскую землю, Запад был готов и поспешил объявить себя нашим союзником.

Благодаря внезапности, объясняют нам, немцам удалось сжечь прямо на аэродромах наши самолеты, уничтожить танки. Считалось, мы не успели укрепить новые границы.

Все эти факты кажутся непонятными, дикими. Сталин, с одной стороны, дескать, не хотел ни за что верить тому, что Гитлер собирается на него напасть, и боялся своими действиями спровоцировать немцев. Можно во всем этом увидеть действия параноика, но можно попытаться и тут найти смысл.

Мы здесь должны вспомнить уловку, к которой прибегает проворовавшийся завскладом. Он поджигает склад и на пожар списывает всю недостачу.

Не было ли определенного смысла и во всех действиях Сталина — необходимости что-то скрыть?

Если предположить, что мы оказались совершенно не подготовлены к войне, хотя жили, годами подтягивая животы, ибо все средства уходило на «границу на замке», на ворошиловские килограммы и т.п., а на деле у нас ничего не было, значит... все средства ушли в никуда, на туфту, на разгонку воздуха, на производство ничего, на сладкую жизнь для самого Сталина и других вельмож. Если это так, то все сразу становится на свои места.

Вот это-то и надо было скрыть.

Пятилетки коллективизации и индустриализации со всеми своими стахановскими движениями, которые якобы обеспечили невиданный подъем нашего хозяйства, на деле были пятилетками великой туфты.

Наряды на производство работ, сводки

о посевах, урожаях, тонно-километры, койко-места, школьная успеваемость, производительность труда, торговые обороты, финансовые планы — все, что начиналось на отдельных предприятиях, а потом сводилось в единый грандиозный отчет о выполнении пятилетки в четыре года, — все было сплошной липой. Не зная этого нельзя, потому что все в этом участвовали.

Все это нужно было скрыть от народа. Это было в интересах не одного только Сталина, а в интересах многих, которые участвовали во лжи и за нее несли ответственность, а если откровенно, то в интересах всех.

В интересах Сталина было в военных потерях скрыть свое людоедство. После начала войны страна сразу была посажена на голодный паек, на тяжелый, изнурительный двенадцатичасовой и больше труд. Все работало на войну, прочая жизнь остановилась — вот тут наша мобилизационная способность сработала на всю катушку.

Можно ли верить, что все наши запасы оказались сосредоточенными в приграничных районах, где и были уничтожены?.. Это такая же сказка, как и сказка о Бадаевских складах в Ленинграде, где в пожаре якобы погибли все продовольственные запасы города. Их просто там не было.

Разве неизвестно, что в запасных полках учили одной лишь шагистике, не могли там учить даже просто обращаться с оружием, не то что стрелять, потому что оружие у них не было.

О всех таких фактах мы можем прочитать теперь в публикациях последних лет. Долго скрываемаемая правда выползает все-таки на свет.

И последний миф, о котором нужно сказать.

Сталин, дескать, обезглавил армию — уничтожил многих и многих командиров. Это все равно что упрекнуть шахматиста, который жертвует фигуры, что он совершил ошибку. Да ведь ошибкой она будет в том случае, если комбинация окажется несостоятельной, — если же он партию выигрывает, то это будет не ошибкой, а дальновидностью и расчетом.

Расправа с командным составом — это было необходимым звеном подготовки Сталина к своей войне. Ему нужно было заменить командную прослойку, неспособную вести сталинскую войну. Конечно, можно было сделать замены мирным путем, но возникли бы дополнительные сложности: зачем плодить недозрелых командиров, находящихся в силе? Да и вспомните, когда произошли эти «замены»: под выпуски военных академий.

Прежние командиры были хоть и самочки, «взращенные революцией», но обладали большой самостоятельностью и независимостью. Новое пополнение имело современную выучку, а главное, было воспитано в духе абсолютного послушания.

Москва. 9 Мая (1992 г.)

Биографии первых начинались в 20-х годах, и вся история партии была для них живой, они слишком много знали, а биографии других — в 39—41-х годах, и они знали только «Краткий курс». Для последних существовали только военные задачи, и Сталин обладал абсолютным авторитетом. Такие полководцы ему нужны были для его войны.

Гитлер мечтал о тысячелетнем рейхе — Сталин же о мировой социалистической системе. Он давно отказался от социалистического содержания и понял, что в действительности строит. Создав мощную военную машину, он легко бы переориентировал ее на внесение «революционного движения» посредством военной силы. А когда войска заняли бы чужую территорию, там вполне нашлись бы те, кто согласился бы возводить у себя такую же систему. Так это и произошло.

Наверное, можно задать вопрос: а не слишком ли рисковал Сталин, проводя свой план войны? Не мог ли он таким образом проиграть всю военную кампанию уже в 41-м году? Разве не рисковал Сталин, заявляя несколько раз об отставке? Был ли он так уверен, что его отставку — во исполнение завещания Ленина — не примут?..

То, что с точки зрения разума представляется безумием, ошибками, в реальной истории оборачивается логикой тирана, удержавшей его у власти. Об этом свидетельствует и недавний опыт очередного безумца — иракского Сталина — Саддама Хусейна.

Ну что ж, Сталин оказался не только гениальным людоедом, но и гениальным политиком, который сумел военную победу использовать для своей личной победы и политической победы своего государства.

А жертвы... что ж, для истории это лишь частный случай...

Неизвестное лицо маршала Жукова

Маршал Г.К. Жуков и генерал Д.Эйзенхауэр. 1945 год

В 1980 г. Воениздат выпустил перевод военных мемуаров Дуайта Эйзенхауэра. Думается, что нет нужды представлять генерала Эйзенхауэра, командовавшего в годы второй мировой войны союзными войсками в Северной Африке и Европе, президента США в 1953—1961 гг. Но это издание интересно не тем, что там опубликовано, а тем, что потрудились из него изъять опасливые цензоры Министерства обороны. В советской версии мемуаров глава «Россия», посвященная Советскому Союзу и беседам генерала Эйзенхауэра с маршалом Жуковым, покорежена основательно. Особенно пострадало описание встреч двух полководцев летом 1945 г. в Москве, где Эйзенхауэр побывал по приглашению Сталина. Впрочем, когда берешь в руки английское издание этих мемуаров (Дуайт Д.Эйзенхауэр. Крестовый поход в Европу. Нью-Йорк, 1948), то понимаешь, что именно смутило советских издателей.

Маршал был изумлен, когда я сказал ему, что каждая наша дивизия состоит из 17 000 человек. Он сказал, что пытался подерживать состав своих дивизий приблизительно на уровне 8 000 человек, но во время длительной кампании их численность часто истощалась до 3000—4000.

Но в наибольшей степени объясняющим этот факт для меня стало его описание русского метода наступления через минные поля. Немецкие минные поля, прикрытые оборонительным огнем, являлись бревными препятствиями, ставшими причиной наших многочисленных потерь и задержек. Всегда было тяжким делом прорываться через них, невзирая даже на то, что наши специалисты изобретали все мыслимые разновидности механических приспособлений для безопасного разрушения мин. Маршал Жуков сделал мне сухое изложение своей практики. Оно звучало приблизительно так: «Существует два типа мин — противопехотная мина и противотанковая. Когда мы наталкивались на минное поле, то наша пехота атаковала точно так же, как будто бы его там не было. Потери, которые мы несем от противопехотных мин, мы считаем равным только тем, которые понесли от пулеметного огня и артиллерии, если бы немцы вместо минных полей решили за-

щищать этот участок сильным войсковым соединением. Но атакующая пехота не подрывает мины противотанковые. И после того, как она проникает в глубь минного поля и создает плацдарм, подходят саперы и проделывают проходы, через которые может пройти наша боевая техника».

Я живо представил себе яркую картину того, что произошло бы с любым американским или британским командующим, если бы он следовал подобной тактике. И я представил даже более живую картину того, что могли бы сказать в отношении этого солдаты любой нашей дивизии, если бы мы попытались сделать подобную практику частью нашей боевой доктрины.

...Жуков проявил незначительный интерес к тем методам, которые мы считали жизненно важными для сохранения боевого духа американских войск: систематическая ротация частей, создание возможности отдыха, кратковременные увольнения, отпуска и прежде всего совершенствование техники, дабы не подвергать людей на поле боя совершенно ненужному риску. Но, несмотря на распространение всего этого в нашей армии, Жукову в значительной степени это оказалось неизвестным.

...Основные отличия между амери-

канскими и русскими позициями обращения с людьми были проиллюстрированы и другим примером. Во время беседы с одним русским генералом я упомянул о той трудной проблеме, которая ложилась на нас в различные периоды войны, — необходимости заботы о большом количестве немецких военнопленных. Я отметил, что они питались по тем же нормам, что и наши собственные солдаты. С величайшим изумлением русский спросил: «Но почему вы так поступаете?» Я ответил: «Ну, во-первых, моя страна требует поступать так в соответствии с условиями Женевской конвенции. И во-вторых, немцы имели у себя несколько тысяч американских и британских пленных — и я не жаждал дать Гитлеру предлог или оправдание для более грубого, чем он уже это сделал, обращения с нашими пленными». И снова русский, казалось, изумился моей позиции и спросил: «Но зачем вы заботились о тех солдатах, которых немцы взяли в плен? Ведь они сдались и больше уже не могли воевать»...

Маршал Жуков проявил небольшой интерес и к тем мерам, которые, как я думал, после опыта союзников в Северной Африке и Европе могли бы быть использованы с целью сохранения солдатских ног и усиления личной боевой эффективности. (Речь шла об опыте применения союзниками бронетранспортеров для переброски войск непосредственно к линии фронта в отличие от отечественной практики маршевых батальонов, перебрасываемых пешим порядком на сотни километров. — Прим. пер.)...

...Русские смотрели на меры, защищавшие солдата от утомления и ранений, возможно, как на слишком дорогие. Казалось, что они считали великие победы неизбежно требуют гигантских жертв.

Перевел с английского Владимир ВОРОНОВ

Булат ОКУДЖАВА

МЫ БОЛЬНЫ, МЕЧЕМСЯ В БРЕДУ

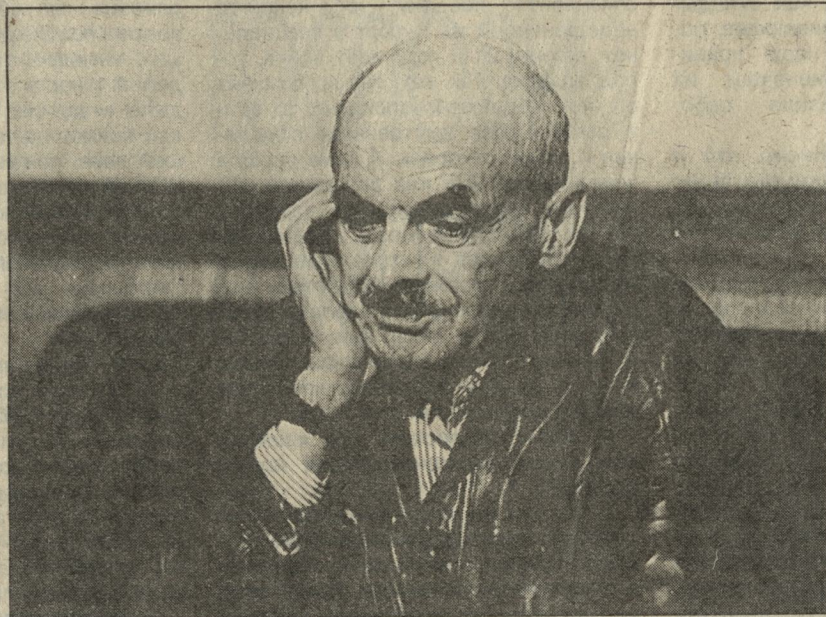

Фото В. Кантора

— Булат Шалвович, вот пришла мода ругать «шестидесятников». Наверное, в наиболее резкой форме это выразилось в нашумевших выступлениях в печати Д.Галковского и Е.Бокшицкой. Чем, по-вашему, вызвана такая волна неприязни?

— Прежде всего, я воспринимаю это как извечный спор между отцами и детьми, спор естественный и правомочный. А вот формы, которые он принял, кажутся мне недопустимыми. Хотя, впрочем, и здесь можно найти исторические и литературные аналогии. Выпады, которые себе позволили, допустим, Бокшицкая или Галковский, они, конечно, оскорбительны, но при этом, по-моему, совершенно неинтересны и никакой общественной пользы не содержат. Галковский, по прочтении его статьи, представился мне просто невоспитанным и не очень умным избалованным ребенком, которого все пичкали конфетками, а в один прекрасный день не дали того, к чему он привык, и он, рассердившись, начал топтать ножками. Но никому он не страшен. Страшнее тот, кто его публикует да при этом похваливает. Вот это уже безнравственно. И еще. Хотел бы я видеть лет через двадцать выраже-

ние ваших лиц, нынешние господа судьи, когда о вас столь же резко выкажутся дети XXI века.

— А вам сегодня каким видится ваше поколение?

— Мы — дети своего времени, и судить нас надо по его законам и меркам. Большинство из нас не было революционерами, не собиралось коммунистический режим уничтожить. Я, например, даже подумать не мог, что это возможно. Задача была очеловечить его. На сегодняшний взгляд она покажется мала, но давайте мыслить исторически. В те годы уже сама постановка такой задачи была поступком. Сегодня, когда мы получили возможность говорить, о чем хотим, молодым людям этого, видимо, не понять — подумаешь, что особенного. Но, к сожалению, и люди более зрелые недостаточно это понимают, а потому мало ценят произошедшие перемены. Когда я со всех сторон слышу, что ничего не изменилось, я поражаюсь. Да сам факт нашей с вами беседы — это уже признак перемен. Я часто, например, вспоминаю, как лет тридцать назад на похоронах Николая Заболоцкого Борис Слуцкий произнес фразу: «Наша многострадальная советская литература понесла

тяжелую утрату». Вы представить себе не можете, какой шок это вызвало у собравшихся — Боже! — осмелиться назвать нашу литературу «многострадальной!» Но из таких, как кажется, малозначительных поступков и шагов складывался новый климат в обществе, впервые за многие годы люди учились самостоятельно мыслить. Мы же ведь всегда воспитывались такими «удобными», бездумными.

Конечно, мы были разными, и уровень мышления был разный, и степень революционности. И все было — и равнодушие, и страх, и слепая вера, и цинизм. Но не это все определяло лицо поколения. Его определяла не очень, пускай, большая группа людей, которая совершала общественно значимые поступки. Ведь тогда появились Сахаров, Гинзбург, Буковский, тогда же Евтушенко написал «Наследников Сталина»... И я думаю, что, может быть, нелепо, спотыкаясь, ошибаясь, но все-таки именно эти люди создали ту, пока еще не очень благополучную свободу, которую мы имеем. И скоро они уйдут, уступив свои места другим. Не надо только торопить их и сучить ножками. Вы лучше пока спокойно создавайте

свои собственные произведения, совершайте свои собственные поступки. Ваше время придет. Впрочем, иногда при мысли, что «шестидесятников» заменяют молодые люди типа тех, о ком говорилось выше, мне становится страшно. Они просто-напросто всех перестреляют. И я начинаю думать, что сегодня уступать им места рано, они еще не созрели. Нельзя допускать разрушительные настроения, с какой бы стороны они ни исходили. Хотя вижу, как складывается и новое, обнадеживающее, поколение. Вот, скажем, наше правительство — меня привлекает их профессионализм, желание работать.

— *Создается впечатление, что в годы вашей юности общество было более монолитным и конфликт отцов и детей не был для него чем-то серьезным. Это так?*

— Мы жили в искусственном обществе, где все регулировалось, и взаимоотношения между поколениями тоже. Утверждалась идея их единства, и подобного рода проблемы наружу не выплескивались, хотя внутри семей все кипело. Взять наши споры с мамой, которая, несмотря на то, что девятнадцать лет провела в лагерях, оставалась убежденной большевичкой-ленинкой. Что ж, и я сам какое-то время считал, что это Сталин все испортил. Когда начались чехословацкие события, я был совершенно убит, а мама, утешая меня, повторяла распространенные тогда пропагандистские лозунги, и переубедить я ее не мог. Потом я стал потихоньку давать ей Солженицына, другие книги, которые привозил из-за границы. Она их жадно читала, очень жадно. И я помню, как уже перед самой смертью, она, глядя куда-то мимо меня, крикнула: «Что же мы наделали!»

Так что было противостояние возрастов и взглядов, но не принимало оно столь жесткие и уродливые формы, как сейчас. Но ничего, постепенно все войдет в свою колею. Слишком долго держали нас на привязи, и когда постромки оборвались, мы буквально взбесились.

— *Выступая на страницах «Столицы», Юрий Карякин высказал мысль, что у вашего поколения осталась одна главная задача — создание художественной исповеди-покаяния.*

— У меня такая потребность была всегда, правда, не столько покаяться, сколько высказаться о своей жизни, подвести ее итоги. Пишу автобиографический роман о родителях своих и о себе. И трудности у меня огромные — как показать своих родителей, людей, по-человечески очень честных

и чистых, но объективно во всем этом принимавших участие. Я помню их бескорыстие и отвращение к вещам, но помню и рассказы о том, как в 23-м году совсем молоденький отец и моя мама направляются ЦК Грузии на учебу в Москву и в набитом до отказа поезде им предоставляют отдельные удобные места в полупустом вагоне... Кстати, недавно прочитал мемуары А.Лариной, жены Бухарина, и поразился такой детали. Она описывает поездку с какой-то родственницей на курорт в специальном вагоне. 21-й год, идет война, голод, разруха. Так вот, она вспоминает об этом абсолютно спокойно, то есть и сегодня без внутреннего осуждения к этому относясь. А сама прошла через лагеря. Вот как рассказать обо всех них, в ком сочетались, казалось бы, несовместимые вещи, как рассказать, не обливая их грязью, не карая, но стараясь понять? Я считаю, что именно мы должны это сделать, отдавать эту тему на откуп кому-то другому нельзя. Сейчас заканчиваю первую книгу о вполне благополучном моем детстве, взорванном 37-м годом.

— *Булат Шалвович, что кажется вам самой страшной бедой нашей страны?*

— То, что мы строили противоестественное, противоречащее всем законам природы и истории общество и сами того не понимали. Более того, до сих пор по-настоящему степень этой беды мы не осознали. Правда, мы весьма легко и многословно на эту тему рассуждаем, но я чувствую, что это, скорее, дань очередной моде, мы все еще не хотим глубоко разобраться в том, что с нами произошло, во что мы превратились. Мы по-прежнему не умеем уважать человеческую личность, не умеем видеть в ней высшую ценность жизни, и пока все это не будет у нас в крови, ничего не изменится, психология большевизма будет и дальше губить нас и наших детей. К сожалению, она слишком сильна и разрушительна и необыкновенно живуча. Страшно все это, страшно.

Смотрите, как стерто в нас все индивидуальное, национальное. Мне кажется, что нет уже ни русских, в исконном понимании, ни грузин, ни армян, есть советские или, в лучшем случае, русско-советские, грузино-советские и т.д. люди. Конечно, кое-какие традиции, обряды, бытовые особенности, язык все же сохранились, но это чисто внешние признаки, национальная психология и самосознание извращены. Поэтому не очень серьезными и весьма искусственными кажутся все нынешние попытки их возрождения, которые принимаются так называемыми «патриотическими силами» разных на-

циональностей. Здесь необходимо время и огромные усилия всего общества.

— *Словом, целенаправленная политика государства, а мы почему-то от постановки этих проблем уходим.*

— Именно. Вот мы все восхищаемся Японией. А почему она стала такой? Да потому, что прекратила вооружаться до зубов, и большая часть бюджета ее направлена на здравоохранение и образование. Выросло новое поколение здоровых, мыслящих, знающих, умеющих работать людей. А у нас в это время что происходило и до сих пор происходит? Мы все боимся на такое решиться. На нашей шее по-прежнему висят армия, ВПК. И мы спокойно к этому относимся, мы привыкли, хотя это означает, что не скоро, очень не скоро быть нам нормальной, здоровой нацией. Опять-таки все упирается в вопрос об отношении государства к человеку.

— *В чем же выход?*

— Мы сами должны приложить усилия к тому, чтобы выбраться из этой ситуации. Я думаю, что только наша собственная повседневная, кропотливая культурная работа может дать плоды. Та работа, которую незаметно, за гроши ведут учителя, библиотекари, другие представители истинной, а не псевдоинтеллигенции.

— *Но они ведь тоже советские.*

— Не все, не все. Я знаю людей, которые, несмотря ни на что, сумели сохранить в себе человеческое достоинство, благородство, ясное сознание, душевную стойкость. Их пока мало, очень мало, но в них наше спасение, на них все держится, их трудом сохраняется наша культура.

— *Однако принято считать, что к исходу века она почти погибла.*

— Если бы я последовал общепотребительной схеме, то, наверное, тоже сказал бы, что она резко пала и почти угасла. Но я-то считаю, что она существует, просто мы сейчас ее недостойны и с ней несовместимы. Мы больны, мечемся в бреду, и, глядя на происходящее вокруг, мне даже не хочется рассуждать о состоянии культуры. Но мы к ней обязательно вернемся. Вернемся, и всплеснем руками, и ахнем, и погрузимся в нее. Это будет, обязательно будет, если выживем, конечно.

— *А что, можем и не выжить?*

— Выживем, выживем. У меня надежда на защитные механизмы, которые есть в любом человеке и в любом обществе. По-моему, потихоньку они начинают срабатывать.

Александр НИКОЛАЕВ

Штрихи к портрету претендента на выдвижение кандидатом в президенты США, члена демократической партии Билла

Клинтона:

«Считает себя вашингтонским аутсайдером.

Выступает с проектом «нового договора» для восстановления пошатнувшихся отношений между американским народом и правительством.

Делает акцент на том, что в состоянии ослабить петлю, затянутую республиканцами на южных штатах.

Либералы называют его своим парнем.

Любит красоваться на телеэкране, но при этом выглядит несколько утомленным».

(Из журнала «Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт»)

Сергей ТОЛКАЧЁВ

ГОСПОДИН КОМПРОМИСС

Губернатор

Некоторое время назад в штате Арканзас бытовала поговорка: «Спасибо Господу за Миссисипи». Если бы не штат Миссисипи, Арканзас занимал бы самое последнее место среди пятидесяти американских штатов по многим экономическим и социальным показателям.

Биллу Клинтону негоже претендовать на то, что за одиннадцать лет губернаторства он совершил прямо-таки чудеса. Но факт есть факт. При Клинтоне богом забытый штат Арканзас — «чертова заводь» — стал потихоньку выбираться вперед, приобретая новое доверие и авторитет в стране. Некий Мэк Хауэлл, проработавший в арканзасском сенате почти 42 года, уверяет, что в штате дела идут гораздо лучше, чем до прихода Клинтона. Другие спорят с ним: мол, на месте Клинтона любой другой губернатор с головой на плечах сделал бы не меньше, преодолевая застой. Наблюдатели сходятся в одном: благодаря пронизательности губернатора многие поняли, что проведение реформ — очень тяжелый труд, хотя и осуществимый. Клинтон взваливал на себя те проблемы, которые, как он чувствовал, действительно можно решить. И не брался за все сразу.

Каким же губернатором был Клинтон? В пылу предвыборной кампании многие как-то забывали

задать себе этот вопрос. А тут есть над чем задуматься.

По мнению аналитиков из журнала «Тайм», Арканзас — штат, которым трудно управлять. Его хроническое отставание от всей остальной Америки стало настолько традиционным, что к нему привыкли и смирились. Человеку, задумавшему проводить тут реформы, работы предстояло столько, что лишь супермен мог попытаться сдвинуть всю телегу разом. Но главное, конечно, в другом: исполнительная власть в рамках штата строго ограничена вето, которое можно наложить на то или иное решение в течение недели. Любой сдвиг в прогрессивном направлении, которого добивается губернатор, должен быть одобрен законодателями, часто ставящими свои рогадки, и согласован так или иначе с владельцами крупных промышленных компаний.

Однако несвобода, в любой форме, без сомнения влияет на характер, заставляет искать гибкие пути к цели. Все издержки системы властных структур, а также давнее поражение Клинтона при переизбрании на пост губернатора в 1980 году (тогда молодого либерала с его реформами просто не поняли) и вполне реальный конфликт с могущественными отраслями промышленности — лесной и вторсырья — усилили, очевидно, природную склонность Клинтона к прими-

ренчеству и компромиссу. Критики обвиняют губернатора в том, что он не желал бороться за программы, принятие которых, по его мнению, могло столкнуться с сильной оппозицией. Союзники формулируют это иначе: Клинтон убедительно продемонстрировал способность концентрировать усилия на реальном, достижимом, избегая баталий, которые он явно не мог бы выиграть. Отсюда баланс симпатий и разочарований в Клинтоне его сограждан, на коем и основывалась его политическая репутация.

Дон Жуан

«Ищите женщину» — и женщина нашлась. Джениффер Флауэрс — певица из ночного клуба. С ней у женатого Клинтона была якобы многолетняя связь.

Эту историю, вполне привычную для предвыборной кампании в Штатах, можно было бы считать уже выжатой донельзя. Обглодали — и выбросили. Но в скандале с Флауэрс много поучительного, раскрывающего не столько личность самого претендента, сколько систему предвыборной «рентгеноскопии», в которой варится любой политик.

Главное, как говорит американская пресса, по стране, хотя и вполголоса, в застенчивых интонациях прокатилась дискуссия на тему: что все-таки представляет интерес в личной жизни претендента для об-

Арканзаса. Недавно Клинтон выступил с речью в пользу профсоюзов на собрании бастующих рабочих завода «Катерпиллер» в Пеории, штат Иллинойс. Собрание прошло хорошо. Но в тот же вечер, когда он рассказывал о своем посещении завода на профсоюзном форуме в Филадельфии, Клинтона освистали рядовые рабочие, которым не понравилось, что вместо слова «скэб», презрительного наименования штрейкбрехеров, он употребил выражение «заменяющие рабочие». «Они скэбы, Билл! Скажи это слово! Скэбы!» — кричали ему рабочие. Клинтон казался смущенным, растерянным, пытался не обращать внимание на шум и крики. И что еще хуже, он казался уклончивым. Был ли это «хитрый Билли», пытавшийся заполучить голоса членов профсоюза?

Или же он был Биллом Клинтон, государственным деятелем, отважно избегающим упоминать сеющее раскол унизительное слово?

Как блестящий тактик, Клинтон проявил себя во время первичных выборов в Нью-Йорке, где, дыша ему в спину, шел его товарищ по партии Джерри Браун. Ситуация там была непростая. По крайней

мере, изначально Клинтона противопоставляли губернатору штата Нью-Йорк Марио Куомо, хранившему зловещее молчание и безразличие, сходное с тем, какое кобра проявляет к проползающей мимо мыши. Клинтон, в конце концов, был сам виноват, назвав Куомо «подлым сукиным сыном» в известной теперь пленке телефонного разговора с Джениффер Флауэрс. Куомо оказался злопамятным, но все же снизошел до Клинтона, встретившись с ним. Что-то, видно, замкнулось во время их рукопожатия, но после встречи с Клинтонем Куомо не только заявил, что их противоречия похоронены, но и в крайне хвалебном контексте упомянул Арканзас. «В конце концов Билл Клинтон, по-моему, может стать превосходным президентом», — заявил Куомо. Это ли не магическая сила Клинтона находить с людьми общий язык?

Не теряя времени даром, Клинтон разрабатывает тактику взаимоотношений с двумя ключевыми блоками американской общности, которые могли бы оказать ему значительную поддержку на выборах: чернокожими и евреями. Он склоняется к тому, чтобы вести более активную пропаганду среди евреев,

составляющих большое количество избирателей, которые участвуют в выборах. В то же время Клинтон не может не учитывать и важности новой тактики общения с чернокожей частью населения. В свете недавних погромов в Лос-Анджелесе эти взаимоотношения приобретают совсем иную окраску. Рано или поздно события в Калифорнии тем или иным образом скажутся на имидже основного соперника Клинтона — Джорджа Буша.

Впереди у Клинтона еще полно опасностей, но ставки намного превышают всю прожитую им жизнь со всеми ее «темными» пятнами. И все же избиратели в большинстве штатов отдадут голоса именно ему, а не его конкурентам-демократам. Многие уверены, что у Клинтона хватит мужества довести марафон до конца — вплоть до проведения Национальных конвентов, на которых будут утверждаться кандидаты. Сейчас же, лавируя между подводными камнями, претендент ведет себя настолько нестандартно и изобретательно, что, конечно, не может не вызвать симпатий большого числа избирателей.

UPGRADE

г. Москва, 103092, Малая Сухаревская площадь, дом 2, строение 1. Телефон 207 1033, 207 4069, факс 207 1033

ПРЕДЛАГАЕМ ИЗ США:

AT 486/33MHz:	- RAM 8Mb, Cash 64Kb, Hard 320Mb, Floppy 1.2 & 1.4Mb, SVGA, Mouse	530 тыс.р.
	- RAM 8Mb, Cash 64Kb, Hard 200Mb+120Mb, Floppy 1.2 & 1.4Mb, SVGA, Mouse	550 тыс.р.
	- RAM 4Mb, Cash 64Kb, Hard 120Mb, Floppy 1.2 & 1.4Mb, SVGA, Mouse	390 тыс.р.
AT 386/25MHz	RAM 1Mb, Hard 80Mb, Floppy 1.2 & 1.44, SVGA, Mouse	250 тыс.р.
AT 386SX/16MHz:	RAM 2Mb, Hard 80Mb, Floppy 1.2 & 1.44, VGA, Mouse	230 тыс.р.
AT 286/16MHz:	RAM 1Mb, Hard 40Mb, Floppy 1.2 & 1.44, SVGA, Mouse, 287 Coprocessor, Printer OKI ML-183 руссифицированный	190 тыс.р.
Notebook 386/33MHz	RAM 2Mb, Hard 40Mb, Floppy 1.44, VGA 32shades, 3.6kg	295 тыс.р.
LASER PRINTERS:	- EPSON Action Laser II (RAM: 2.5Mb, запасной тонер)	200 тыс.р.
	- PANASONIC KX-P4420 (RAM: 2.5Mb, запасной тонер)	200 тыс.р.
MODEM:	COMPLUS 2400e, external, MNP 5	25 тыс.р.

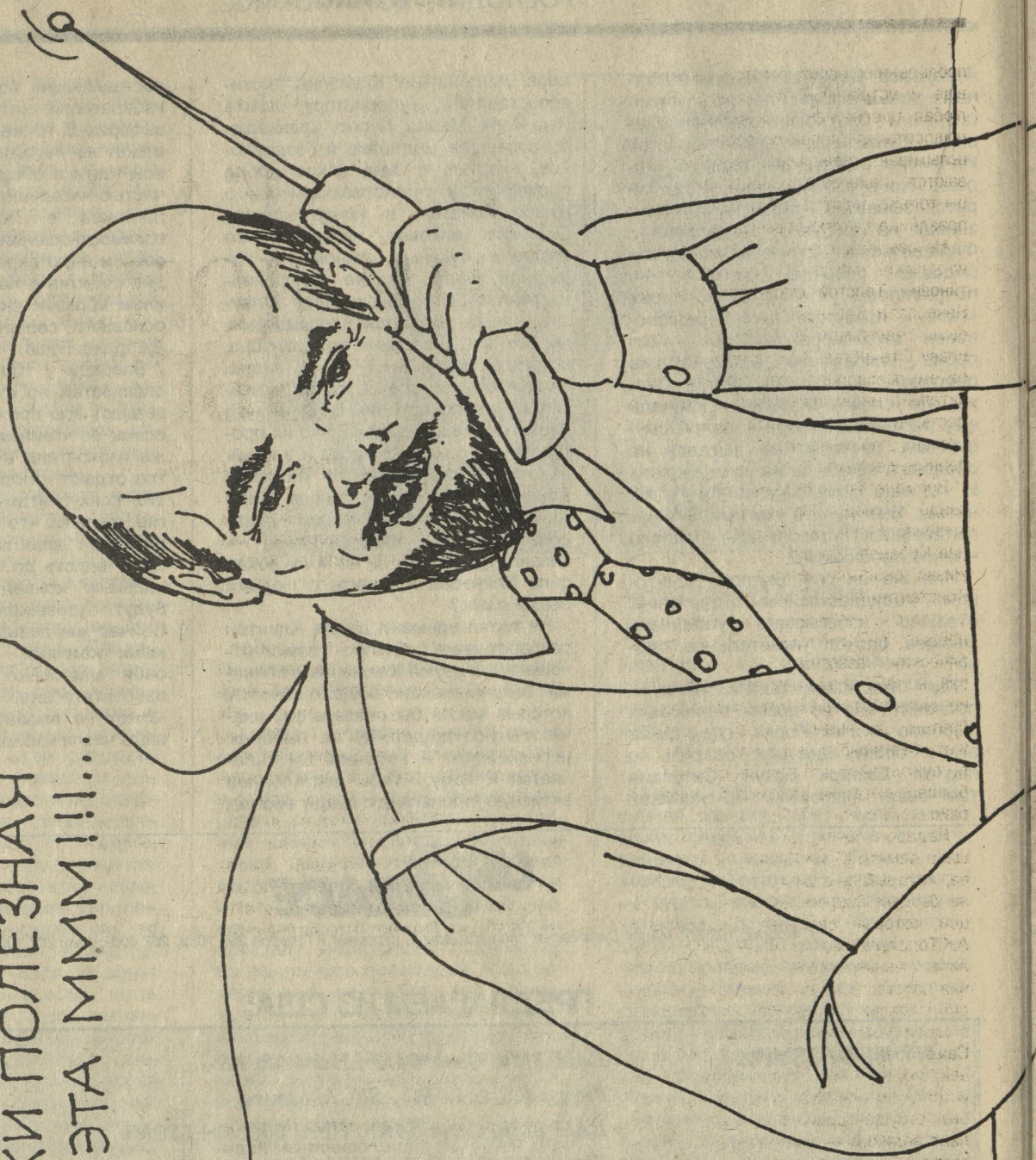
НЕМЕДЛЕННАЯ ПОСТАВКА СО СКЛАДА В МОСКВЕ.

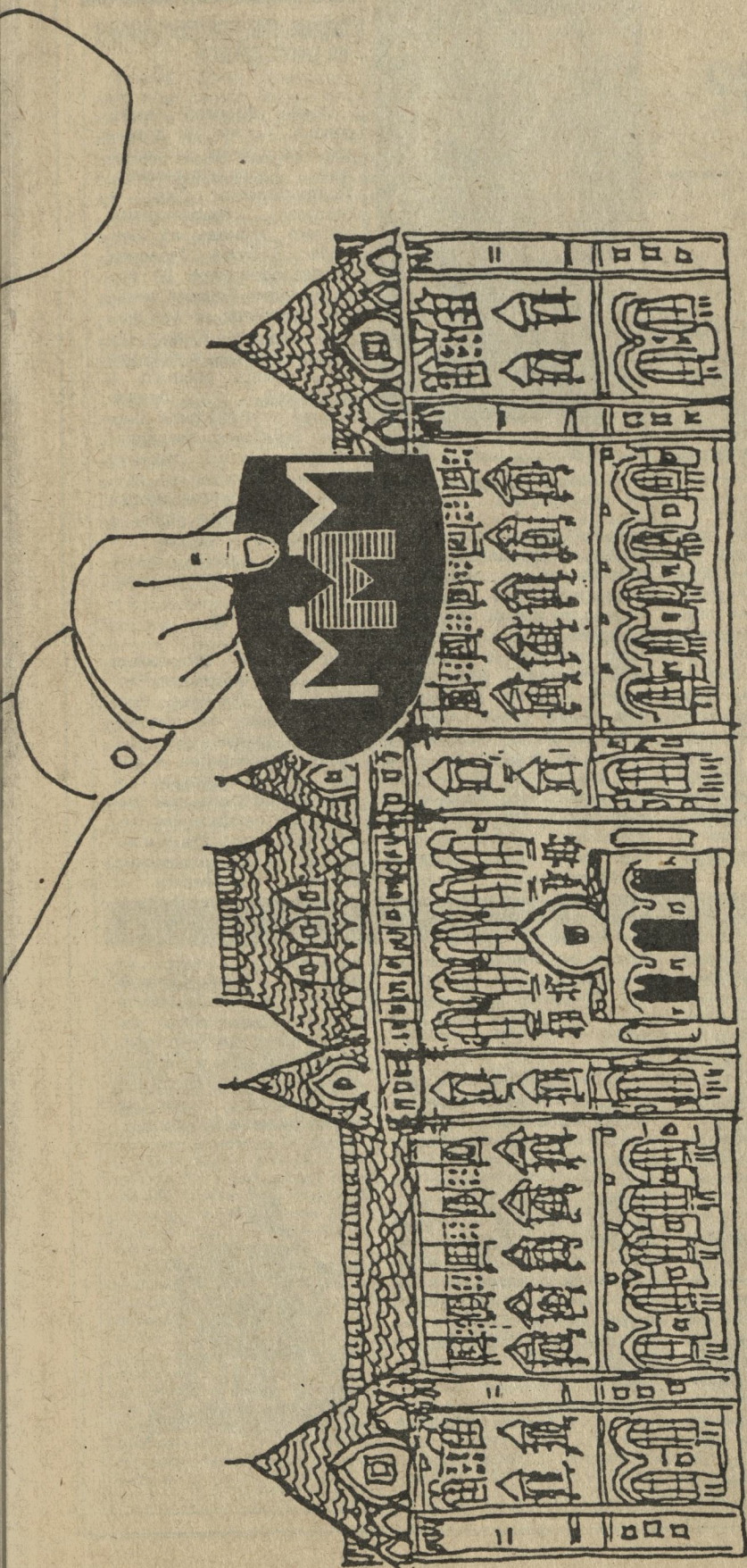
ЦЕНЫ НА 10 ИЮНЯ 1992 Г.

ГАРАНТИЯ 12 МЕСЯЦЕВ СО ДНЯ ПРОДАЖИ.

ФАКС И ТЕЛЕФОН: 207-1033, 207-4108.

ДА-С, БАТЕНЬКА,
СДАЛ ИМ 3 ЭТАЖ!
ЧЕРТОВСКИ ПОЛЕЗНАЯ
ШТУЧКА ЭТА МММ!!!...

МУЗЕЙ В.И.ЛЕНИНА, 3 ЭТАЖ

Площадь Революции, д. 2,

3-й этаж

Выставочный зал

• Варшавское шоссе, 26

Торговый центр

111-20-70

111-00-65

ДОХОДЫ РАСТУТ АВТОМАТИЧЕСКИ? ЧИСЛО ДОХОДЯГ — ТОЖЕ

Принятый в конце прошлого года Верховным Советом России «Закон об индексации денежных доходов и сбережений граждан в РСФСР» гарантирует, что наша заработная плата растет пропорционально инфляции. Действует ли этот закон? Наш корреспондент беседует с начальником управления уровня жизни населения и политики доходов Министерства труда России Евгением Гонтмаром.

— Цены сегодня растут безудержно, зарплата за ними угнаться не может. И трудно понять — есть индексация или нет?

— По итогам первого квартала Верховный Совет решил индексацию не проводить, поскольку правительство в декабре-марте уже увеличило зарплату бюджетников, выплаты и пособия. Компенсация за этот период составила 50 процентов. Мало, конечно, но мы сделали максимум возможного. Во втором квартале депутаты обязали-таки правительство провести индексацию. Однако начиная с апреля мы уже повысили зарплату бюджетникам в 1,8 раза, учителям и врачам более чем в два раза. По нашим расчетам, эти меры к концу июня дадут больший эффект, чем если бы по итогам второго квартала был применен «Закон об индексации...».

— Как будет происходить индексация на практике?

— По закону с апреля по июнь мы не должны были бы делать никаких дополнительных выплат. Нам следовало ждать, пока закончится квартал. Изучать, как растут цены, как падает уровень жизни населения — сидя в министерстве сложа руки... Когда наступает июнь — мы подсчитываем: цены, допустим, выросли в 2,5 раза. Публикуется

официальный индекс цен. После чего начинаются индексационные выплаты, предусмотренные законом. А поскольку система подсчета этих выплат довольно сложна — люди получают компенсацию за второй квартал не раньше августа-сентября. Боюсь, никто не станет столько терпеть, разнесут в пух и прах все наше министерство... Поэтому, не дожидаясь «итогов второго квартала», мы старались хоть как-то оперативно компенсировать инфляцию.

— Эти меры противоречат «Закону об индексации...»?

— В первой статье закона написано, что индексация может заменяться или сочетаться с пересмотром окладов и с компенсационными выплатами. Но другие статьи говорят об автоматическом механизме индексации...

— Какой же автоматический, если по нему надо полгода ждать обещанного прироста в зарплате?

— Да, это очень громоздкий механизм, срывающийся с непростительным опозданием. Учитывая, что люди и так пострадали «по итогам I квартала», мы не стали нагнетать напряженность, ждать следующих «итогов» и поспешили увеличить выплаты. По нашим расчетам, нам удастся компенсировать 70 процентов роста цен. Как показывает мировой опыт, это опти-

Фото Э.Кудрявицкого

мальная цифра, когда вроде бы и гиперинфляция не развивается, и население окончательно не вымирает. То есть мы вышли на вполне приемлемый уровень. Но заодно подошли к проблеме политической. Закончится второй квартал, и Верховный Совет нам скажет: «Пора, ребята, применяйте «Закон об индексации...». А как его теперь применять? Это даже чисто технически немыслимо. Мы ведь уже превысили нашими выплатами все те суммы, которые предусмотрены законом. Получится, мы компенсируем населению больше, чем возрастут цены. Нонсенс — экономический и социальный...»

— По-моему, сама индексация «по итогам» тоже нонсенс?

— Да. Министерство труда — противник автоматической индексации. Нигде в мире ее не применяют. Всюду механизм компенсаций оперативный и гибкий: от месяца — к месяцу, для различных категорий — разный (щадящий для пенсионеров, более жесткий для бюджетников). Поэтому, с моей точки зрения, Министерство труда должно вынести на рассмотрение Верховного Совета вопрос об отмене Закона.

Аэлита ЕФИМОВА

ХРОНИКА

ПРОЩЕ УМЕРЕТЬ, ЧЕМ ЖИТЬ НА ТАКИЕ ДЕНЬГИ

Жизнь брокера, оказывается, — это не только удачные сделки за солидные «посреднические». Подтверждение тому — поступок тридцатисемилетнего брокера из Барнаула Виктора Тарасова. Брокер повесился. До этого господин Тарасов много чем занимался, но без особого везения. Решил попытаться счастья в бизнесе — устроился работать в Алтайский биржевой центр «Азиатской биржи». Знакомые покойного говорят, что причина смерти Тарасова — неудачи в работе: сделки удавались крайне редко, а брокерский гонорар в последнее время почти полностью уходил на выплаты госналогов.

Не слаще брокерская жизнь и за пределами России — на Украине, например. Налог на посредническую деятельность там достиг 75 процентов. И для того чтобы брокеру в зарплату получить три тысячи, ему необходимо заработать около ста тысяч. Однако не все украинские брокеры согласились с таким положением. В Николаеве собрание Южной гильдии брокеров решило саботировать торги на местной универсальной бирже. Свой письменный протест коммерсанты заявили представителю президента Украины в Николаевской области, пообещав перенести все торги на биржи России и Беларуси.

КСЕРОКС МОЖНО КУПИТЬ ЗА РУБЛИ ИЛИ ВЫМЕНИТЬ ЗА БУМАГУ

Фирма «Рэнк Ксерокс», завоевавшая наш рынок множительной техники еще в то время, когда о его существовании никто не предполагал, представила свою новую продукцию. По оценке независимых экспертов, в числе новинок — «лучшая издательская система 1991 года», «лучший цветной принтер 1991 года», «лучший копирующе-множительный аппарат 1991 года», а также телефакс, принимающий сообщения на обычную бумагу (которым уже пользуется аппарат президента России), и другая оригинальная современная техника.

Как заявил коммерческий директор фирмы «Трэвел Вуд», «драматические перемены, происходящие в СНГ и Балтии, заставили нас кардинально менять схему бизнеса. Мы не можем себе позволить сидеть сложа руки и ждать, пока здесь все стабилизируется».

— Мистер Вуд, 30 лет ваша фирма торговала в нашей стране за твердую валюту, а с апреля нынешнего года начала продавать свою продукцию за рубли. Похоже, наше доверие к национальной валюте падает, а ваше, наоборот, растет?

— С тех пор как рубль можно обменять через биржу или банк на твердую валюту, нет препятствий торговать за рубли. Нашу фирму интересует только одно — чтобы клиенты больше покупали.

— Означает ли ваш ответ, что вы готовы торговать с другими государствами СНГ, которые вводят местную валюту?

— Только если ее можно будет быстро и надежно конвертировать в

твердую валюту, пусть даже через рубли. При такой высокой инфляции, как у вас, и такой медленной системе прохождения платежей (даже на японской технике) очень трудно посчитать, сколько будет стоить рубль через полтора-два месяца.

— Тогда, может быть, лучше перейти на бартер?

— С удовольствием. У меня такое впечатление, будто бартер кажется вам каким-то чисто советским изобретением. Между прочим, это один из самых распространенных в мире методов ведения бизнеса, который с успехом заменяет расчеты в твердой валюте. Правда, с вашей страной есть некоторые сложности: западные покупатели, во-первых, не заинтересованы в частой смене товаров и, во-вторых, избегают товаров высокоспециальных и субъективных, если можно так выразиться. Мы бы меняли продукцию на цветные и редкие металлы, хлопок, сталь, бумагу. А вы предлагаете то военные самолеты, то навигационные приборы, причем все не в комплексе.

— Что вы считаете самой большой трудностью для бизнеса в нашей стране?

— То, что мы можем поставить рядом десять человек и они дадут десять разных версий одного и того же закона или правила, регулирующего нашу деятельность. И все десять будут должностными лицами, от которых зависит бизнес фирмы.

Ирина ДЕМЧЕНКО

ЦИТАТА

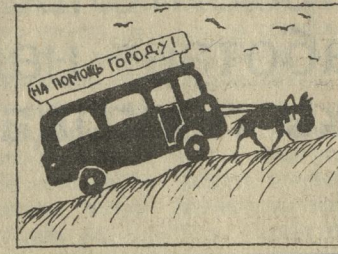
М.ЗВЯГИН
(Москва)

В народе нашем растет нелюбовь друг к другу, особенно у человека сельского труда к человеку городского. Кроме того, многие городские трудящиеся живут в экологически трудных условиях, а крестьяне завидуют городской жизни с комфортом.

Считаю полезным, чтобы на каждые полгода жители деревни уезжали работать в город, а городские трудящиеся — в деревню. Надо также сделать так, чтобы те, кто работал фермерами или городскими коммерсантами, потом трудились в колхозах и на государственных объектах труда. И наоборот. Чтобы каждый по полгода трудился в капиталистической системе и в государственно-социалистической.

Так наступит социальная справедливость, и государственные работники не будут ненавидеть людей частного капитала, а деревенские жители — городских.

У меня есть готовая программа. Она рассчитана на любую территорию с экономическим кризисом.

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ — САМОЛЕТ...

Зарубежные визиты английского премьер-министра Джона Мейджора обходятся налогоплательщикам дорого. Одна лишь аренда авиалайнера, на котором совершаются дальние перелеты, обходится в сотни тысяч фунтов стерлингов. Но в ближайшее время британское правительство собирается приобрести личный самолет для премьера — так будет дешевле.

Немаловажную роль в идее покупки самолета сыграли и бытовые неудобства арендуемого авиалайнера. В частности, в самолете Мейджора всего один туалет, и расположен он в нескольких шагах от рабочего места премьера. Так что в новом самолете работоспособность главы британского парламента должна значительно повыситься.

КТО ТАМ? КВАМ!

Пока рубль не стал валютой, предлагается множество его заменителей. На Московской центральной бирже недвижимости, например, появился «квам» — квадратный метр московской жилой площади. Стоимость одного «квама» зависит от категории жилья и колеблется в диапазоне 44—55 тысяч рублей. Теперь, по замыслу руководителей биржи, любой желающий сможет приобрести несколько квадратных метров жилья и это подтвердит соответствующий сертификат. А затем владелец «квама» может делать с ним все, что душе угодно, — продавать на бирже, прикупать к имеющимся новым. Правда, неясно — станет ли покупатель владельцем реальных, а не «сертификатных» квадратных метров. Тем более в Москве.

В ГРЕЦИИ ЕСТЬ ВСЕ. НО СКАТЕРТЕЙ НЕ ХВАТАЕТ

Правительство Греции прилагает большие усилия, чтобы всего было еще больше. Очередное нововведение касается баров, ресторанов и таверн. Теперь на столах обязательно должны быть полотняные скатерти хорошего качества. Правительство распоряжение вполне объяснимо — обычные пластиковые скатерти стирались редко и имели непривлекательный вид.

Нарушители распоряжения рискуют потерять лицензию на торговлю. А следить за соблюдением нового правила будет специальная торговая инспекция, которая и прежде славилась строгостью нравов.

МОСКВА ДОРОЖЕ ХАРАРЕ

Инфляция выводит наши цены на уровень мировых. Женевская исследовательская корпорация «Корпорейт рिसорсиз групп» утверждает, что уровень московских цен уже превысил расценки нью-йоркских, лондонских и парижских магазинов.

Взяв стоимость нью-йоркских товаров за образец, исследователи подсчитали — стоимость московской жизни в 1,22 раза дороже. Однако впереди планеты всей — Токио с коэффициентом 1,74. На втором месте Осака.

Но Африку мы все же обогнали. Самый дешевый горбд — зимбабвийская Хараре — отстал от Москвы почти на 60 пунктов. Так что у москвичей есть законные основания для гордости — мы не дешевле Хараре.

Каждому игроку — свои правила

Не менее шестидесяти процентов распоряжений «правительства реформ» посвящены созданию специальных условий деятельности для российских и зарубежных предприятий. Как правило, речь идет о фирмах «особо крупных размеров», выделяющихся либо объемами мощностей, либо размерами прибыли, либо дефицитностью продукции. Мотивы, которыми обосновывается необходимость

ответить на вопрос, много ли послов, по его мнению, ежедневно встречается с Гайдаром по аналогичным проблемам.

Но если вопросы каждого конкретного предприятия приходится решать в рабочем порядке на правительственном уровне, то какого же качества и содержания в таком случае общие правила игры, создание которых, собственно, и было предметом деятельности правительства в эти полгода?

Цели определены, задачи поставлены. За работу, товарищи?

Так называемая либерализация цен на самом деле явилась практически не чем иным, как децентрализацией ценообразования, контроля за ценами и распределения товарных ресурсов — двадцать один процент торговых точек и магазинов к началу апреля стали юридическими лицами, причем многие из них были объединены общей бухгалтерией — формально в целях экономии, фактически — в целях сохранения контроля за их работой. Возникли ограничения на вывоз товаров за пределы России (и других республик, с которыми связана экономика страны), а также краев, областей и даже районов внутри Российской Федерации. Либерализация торговли завершилась развитием «блошиных рынков», которые вывели из сферы государственного товарооборота весь мало-мальски дефицитный и конкурентоспособный товар.

Либерализация внешнеэкономической деятельности завершилась установлением жесткого квотирования и лицензирования на экспорт товаров не только за границу бывшего СССР, но и в бывшие братские союзные республики. Решение по квотам принимается правительством в эксклюзивном порядке, что создает атмосферу для процветания коррупции и затрудняет развитие внешнеторговых операций. Экспортные поступления сокращают из-за высоких пошлин. В первом квартале правительству многократно приходилось принимать решения по освобождению от них экспортеров.

Большинство правительственных решений в самом скором после их принятия времени подвергается ревизии. Например, помпезно разрекламированная кампания по привлечению ведущей иностранной фирмы, специализирующейся на поиске зарубежных банковских

Ирина ДЕМЧЕНКО

ЭКСПЕРИМЕНТ

«Правительство реформ» работает над нами уже полгода

Примерно с марта в разделе «Форс-мажор» международных контрактов, где речь идет об обстоятельствах, препятствующих выполнению условий сделки независимо от воли сторон — стихийные бедствия, природные катаклизмы, катастрофы и так далее, — стали записывать:

«Решения правительства и Верховного Совета России, а также публичные заявления российских официальных лиц».

По степени воздействия на экономику слова и деятельность наших лидеров приравниваются к землетрясению и извержению вулкана.

исключения, своей основательностью, как правило, не вызывают сомнений. Сомнение вызывает только то, что для обеспечения обычной работы полезных и прибыльных предприятий приходится каждый раз принимать специальные решения. То есть общие правила исключают возможность нормальной деятельности.

К этому адаптировались даже зарубежные партнеры. Руководитель восточноевропейского департамента крупнейшего английского производителя нефтеперерабатывающего и химического оборудования — фирмы «Джон Браун» Энтони Брюс рассказывал, что британское правительство постоянно лоббирует перед российскими коллегами оплату долгов английским компаниям. Например, о долге перед «Джоном Брауном», построенным в Ставропольской области завод по производству полиэтилена, посол Великобритании в России вел переговоры лично с Е.Гайдаром. Энтони Брюс не смог

счетов, завершившись разрешением экспортерам энергоносителей (что составляет подавляющую долю российского экспорта) оставлять почти 40 процентов валютной выручки на счетах иностранных поставщиков. Несмотря на Указ президента России «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», чиновники, в том числе самого высокого ранга, занимают «на общественных началах» (без зарплаты) посты руководителей и сотрудников совместных предприятий, коммерческих структур, сохраняют за собой места в зарубежных фирмах, где работали до назначения.

Финансовая стабилизация, на которую делалась ставка, не достигнута и теперь уже не может быть достигнута в принципе.

Увы, они больны не нами

Недавно появился очередной программный документ российского правительства по имени «Среднесрочная программа (Концепция)». В нем описываются очередные три сценария развития ситуации, имитация математического моделирования которых не маскирует банальности содержания. За исключением некоторых действительно оригинальных «находок» (вроде заявок на контроль над кредитной эмиссией на территории соседних независимых государств), все остальное уже хорошо знакомо по другим программам других авторов: стабилизация, приватизация, демонополизация и мать их — частная собственность. Интересно другое — в этой программе нет ни слова про кризис неплатежеспособности предприятий, объем задолженности которых превысил объем денежного оборота. Ничего не сказано про критический спад производства (по оценкам некоторых экспертов, свыше 20 процентов), про регионализацию России и связанные с этим проблемы: безработицу, падение уровня потребления, рост цен, кризис наличности... Словом, в ней нет ничего про нашу жизнь, словно ее писало правительство другого государства. Или даже не правительство, а группа неких совершенно независимых экспертов, работающих не за наши деньги и, следовательно, не для нас. Но, между прочим, ситуация совсем даже не такая.

Последним (предпутчевым) откровением Валентина Павлова было заявление о том, что главная проблема нашей экономики — это сла-

бая подготовка к зиме. Гайдар (судя по последним выступлениям) главную проблему видит в нехватке денежной наличности. Такая самодостаточность, по-моему, не может не восхищать. Если бы ее еще хватало для счастья всем, а не только друзьям правительства, которых оно сплотило вокруг себя в клубе «Восхищение». И там в непринужденной обстановке выслушивает от экономистов и журналистов доброжелательные замечания об отдельных недостатках, допущенных в работе по реформированию российской действительности. Там все в порядке, только вот пятитысячных купюр нужно подпечатать — чисто техническая проблема.

В эту идиллию не вписывается «диссидент» Г.Явлинский со своим последним «Диагнозом». Но, как намекнул недавно другой бывший диссидент, а теперь очень уважаемый журналист и постоянный гость правительственного клуба, эти странные сегодняшние публикации Явлинскому, случись что, припомнят. И это не облегчит ему выход на капитанский мостик — там прямо так и сказано. В статье, правда, не уточняется, что имеется в виду под «случись что» и о каком мостике речь, но поскольку перед этим пассажем говорилось, что на некоторых «капитанов рыночной мысли» (цитата) «напала порча» (цитата) и они не молчат, даже когда сказать нечего (почти цитата), то речь, видимо, идет об ожидаемых переменах в высших правительственных кругах. Потому что допустить, чтобы термин «капитан мысли» относился к Г.Явлинскому, я не могу даже при очень богатом воображении. Скорее уж к Е.Гайдару, научной и политической репутации которого, думается, уже никакое заступничество повредить не может.

Нашу экономику описывают только в медицинских терминах

По-моему, это Явлинский первым сравнил кризис экономики с кризисом в болезни и сказал, что в нашей ситуации нужно слушаться профессионалов, как врачей. Теперь он вместе со своей командой — Центром экономических и политических исследований — написал работу под названием «Диагноз». В ней вполне убедительно доказывается, что, во-первых, российское правительство не достигло за полгода ни одной из поставленных им целей и, во-вторых, поставленные

российским правительством цели не соответствовали ни времени, ни обстоятельствам, ни потребностям экономики и общества, то есть изначально были выбраны неверно. Об этом, кстати, свидетельствуют постоянные попытки правительства переложить ответственность за срывы своих начинаний на другие органы государственной власти и управления. Ясно же, что если на сцене висит ружье, то оно должно выстрелить. И если правительство приходит на съезд с заявлением об отставке в кармане, то это заявление будет оглашено. В приложении к «Диагнозу» группа Явлинского показывает, что средства, запрошенные в докладе главы правительства, были больше, чем записанные в постановлении съезда, который был обвинен в нагнетании инфляции.

Как все работы этой команды, «Диагноз» тоже вызвал многочисленные отклики. Правительство пыталось поддержать даже методом «от противного» — если Явлинский утверждает, что «реформаторам» не надо было делать того, что они делали, то, может, даже хорошо, что ничего из этого не получилось? Не могу себе представить, в каких терминах, кроме медицинских, можно оценить этот силлогизм.

Я была среди тех журналистов, кто в прежние унылые годы усиленно призывал к власти профессионалов. Когда правительство состояло из «опытных хозяйственников», их экономическое невежество казалось едва ли не самым большим злом.

Теперь к исполнительной власти пришли профессиональные экономисты, теоретические знания которых, полученные в лучших столичных и зарубежных школах, ничем не подкреплены. «Любимые ученики» наших академиков, как они отрекомендовали себя недавно в «Независимой газете». Но голого профессионализма мало. Мало быть прилежными учениками и послушными интерпретаторами зарубежных советчиков. Хорошо бы еще научиться понимать, что происходит в своей стране.

МАЙКОПСКИЕ СЛАДОСТИ

Мысли о работе заставили приступить к очередному раунду уговоров:

— Аслан, соглашайтесь, читателям ведь интересно узнать про фабрику, которая дает миллионные прибыли, работает стабильно... Ведь все уже свыклись, что производство падает и разваливается.

Впрочем, уговаривать моего собеседника было пустым делом. Он принадлежал к тем волевым личностям, которые быстро и бесповоротно принимают решения, знают, чего хотят в жизни, и так же быстро умеют этого достигать. Асланбий Кайсимович Цей, директор кондитерской фабрики «Майкопская», не желал, чтобы я писала про его «владения». Точнее, публикация была ему просто ни к чему — лишние завистники появятся. С другой стороны, хотелось показать заезжему журналисту, чего можно добиться, если ты честолюбив, талантлив и работоспособен. Результаты, когда они есть, всегда требуют признания.

...К советским конфетам я равнодушна. Но на майкопских сорвалась, стала жевать одну за одной. В чернослив кладут орешек и обливают ягоду шоколадом. Или: толченые орехи смешивают с медом и маленький шарик опять же обливают шоколадом. «Птичье молоко» тает во рту... Словом, перепробовала почти все — от банального «Ассорти» до шоколадного набора «Лаго-Наки».

Побывала в цехах. Их за одни названия можно полюбить — карамельно-конфетный, цех восточных сладостей.

Брака мало, но отходы тоже впечатляют — стоят, например, корзины с начинкой от «Птичьего молока». И никто, представьте, на рабочем месте сладкого не жует — приелось!

— Асланбий Кайсимович! Где вы теперь-то сырье берете?

— Во-первых, у меня всегда были запасы — шоколада, сахара, какао-бобов. Я вообще предпочитаю закупать впрок. Сейчас запасуюсь сахаром на следующий год, агар-агара года на два хватит. Во-вторых, бывшее союзное министерство (вернее, то, что

Фото В.Косарина

Мы стояли среди гор (почти как эта парочка на конфетной коробке), внизу, по скалистому руслу, неслась река, светило солнце, и я, первый раз оказавшись на адыгейской земле, впервые серьезно пожалела, что придется возвращаться в пыльную Москву, ходить на бесконечные совещания и пресс-конференции, писать о событиях, которые, в сущности, не значат ничего по сравнению с этими вечными горами, рекой, солнцем...

от него осталось) и 159 предприятий отрасли объединились в Роспищепром. В аппарате несколько человек, но они обеспечивают всех сырьем. За услуги Роспищепрому полагается один процент от стоимости поставки. Многие фабрики закупают сама, по прямым договорам.

— Месячная прибыль большая?

— 13—14 миллионов рублей.

— Дорого стоят конфеты?

— Цены вполне умеренные. В Москве, например, коробку «Птичьего молока» за 50—60 рублей вы не купите, а у нас они свободно продаются.

— В фирменном магазине?

— Такого, увы, нет. Я поставил своего рода эксперимент — год назад подал заявку, по всем правилам, в городскую администрацию и с тех пор жду ответа. То есть не хожу по чиновникам, ничего не выпрашиваю.

— И что?

— Да ничего... Хотя майкопский банк, будь такой магазин, мог иметь полтора-два миллиона наличных денег в день. Пока же открыли магазин при фабрике.

— А если цены на сахар, шоколад и другое сырье станут еще свободнее, чем сейчас, вы не прогорите?

— Могут возникнуть сложности со сбытом. Спрос вообще на все упал. Но пока наши конфеты покупают охотно. Думаю, еще лет десять — пятнадцать рынок сбыта будет неограниченным.

— А если на этот неограниченный рынок придут иностранные фирмы? На одних блестящих фантиках вас обойдут.

— Буду конкурировать. Вы мою фабрику через пять лет не узнаете — ни одного советского станка не останется, поставлю современное импортное оборудование. Деньги есть. К тому же я купил завод по первичной переработке какао-бобов. В регионе он будет единственным. Это тоже существенный источник доходов и сырья...

Средняя зарплата в Майкопе около 900 рублей. На фабрике — три с половиной тысячи плюс пятьсот рублей на питание. Я не буду расписывать

льготы, которые полагаются рядовому кондитеру, — просто их перечислю. И простит меня директор, если что-нибудь забуду назвать.

На территории есть поликлиника. По уровню обслуживания — как хорошая ведомственная. Лечат бесплатно. Дети работников ходят в фабричный детский сад. За плату, которую по нынешним временам можно считать символической. В административном корпусе — концертный зал. Когда кто-то приезжает в город с интересной программой, один концерт обязательно бывает на фабрике: обеденный перерыв удлиняют и приглашают всех желающих. Естественно, бесплатно.

• На территории, кроме столовой, есть бар. Размером почти с концертный зал. Кофе, мороженое, легкие закуски в ассортименте постоянно. Вдобавок в каждом углу по телевизору крутят видеофильмы. Открыт зал с тренажерами, есть кабинеты разгрузки (от шоколадной нагрузки, наверное), за городом — профилакторий, дом отдыха. Фабрика владеет местами в больнице, частично оплачивает своим отпускникам путевки, возит на собственных автобусах людей на работу, снабжает их продовольственными заказами, продает по себестоимости (очень дешево) три коробки конфет в месяц. На свадьбы, именины и другие семейные праздники — вообще в неограниченном количестве.

Пенсионерам здесь тоже неплохо. Отдал фабрике пятнадцать лет жизни и больше — получил в день ухода на пенсию определенный процент заработанного за эти годы. Раньше тысяча семь выходило, теперь суммы станут крупнее.

После экскурсии Асланбий Кайсимович спросил:

— Ну как?

Наверное, все-таки стоило более восторженно выразить свои чувства. А я ответила слишком сдержанно: «Нормально».

Потому что у таких директоров, как он, НЕНОРМАЛЬНО не бывает. И неважно, какое это предприятие — текстильный завод или кондитерская фабрика. А люди будут всегда держаться за свои места и молиться на директора.

Хотя уверена, жесткая хозяйская рука и наказывает жестко.

Елена КОЛЕСНИКОВА

Майкоп—Москва

Круглосуточно

информация, репортажи,
комментарии, политика,
экономика, культура и, конечно,
музыка

СВОБОДНОЕ РАДИО ДЛЯ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ

Тел. 297-80-58/59

СВ * 1206 кГц * 250 м

У нашей рекламы более 3 миллионов слушателей

Еженедельник «Столица» предлагает:

- * проявка фототехнической (полиграф.) пленки
- * набор, верстка, изготовление бланков, визиток, календарей, фирменных логотипов с эскиза заказчика

☎ 921-35-42

Меняем двухкомнатную квартиру в Одессе на дом в ближайшем Подмосковье.
Комн. смежн. 19 кв. м и 15 кв. м., кухня 7 кв. м., сарай, палисадник.
270005, Одесса, ул. Индустриальная, дом 21, кв. 4 (район Молдаванки).
Тел. в Москве: 470-56-86.

УВАЖАЕМЫЕ АБИТУРИЕНТЫ!

Новый гуманитарный университет приглашает Вас к плодотворному сотрудничеству!

Мы надеемся, что цели и задачи нашего университета станут близки и понятны всем людям, мечтающим о настоящем гуманитарном образовании, о профессиональных знаниях, которые можно с успехом применять на практике.

В основе нашего образования лежит глубокая гуманитарная подготовка, позволяющая Вам стать интеллигентом в истинном смысле этого слова. Новый гуманитарный университет реализует концепцию личностно-ориентированного образования. Научно организованное, систематическое обучение в НГУ подготовит Вас к профессиональной деятельности в гуманитарной сфере — правоведении, педагогике, журналистике, искусстве, бизнесе.

Обучение в нашем университете — двухступенчатое. В течение первых двух курсов студент имеет возможность получить глубокие и всесторонние знания в области культуры. Изучается ее история, изобразительное искусство, философия, история религии, театр, мировая и отечественная литература и многие другие дисциплины по выбору.

К окончанию второго курса студенты получают всестороннее гуманитарное образование и основы своей будущей специальности, позволяющие работать в выбранной сфере деятельности. Диплом, выдаваемый по окончании первой ступени, эквивалентен среднему специальному образованию. По желанию после первой ступени возможен перерыв в обучении с последующим восстановлением в любое время.

Вторая ступень — 3-й и 4-й курсы — полностью отданы специализации. Каждый педагог на своем факультете имеет студию-группу, которую он готовит к выбранной профессии. По окончании выпускникам выдается диплом государственного образца по соответствующим специальностям: педагог, правоведе, журналист, экономист, искусствовед и др. В ходе успешной сдачи экзаменов им присуждается степень бакалавра.

Ведущий принцип обучения в Новом гуманитарном университете — свобода выбора: факультетов, дисциплин, средств и сроков обучения, персональных научных руководителей, видов и форм занятий. На второй ступени обучения студент самостоятельно, с помощью педагогов и психологов, разрабатывает свой учебный план по специализации, в за-

висимости от собственных способностей и желаний.

Освобождению от бездуховности традиционного образования способствует новый стиль взаимоотношений преподавателей и студентов университета, построенных на прочной основе совместного творчества и научного исследования.

В Новом гуманитарном университете преподают лучшие профессора и доценты московских вузов, деятели литературы и искусства, профессиональные журналисты и правоведе.

Прием в студенты НГУ осуществляется без стрессовой процедуры традиционных вступительных экзаменов. Проводится собеседование, в ходе которого выясняются культурный уровень абитуриента, его склонности и по-

желания к методам обучения.

Лица, желающие получить неполное высшее образование, могут быть приняты в университет в качестве вольнослушателей.

В НГУ нет никаких возрастных ограничений, принимаются все желающие, в том числе школьники 10—11-го классов.

Время обучения — по согласованию с преподавателями и студентами — в основном во второй половине дня и по выходным.

Наряду с традиционными лекциями и семинарскими занятиями много времени отводится самостоятельной подготовке студентов, работе в студиях.

Возможно получение диплома по нескольким направлениям.

Перечень факультетов Нового гуманитарного университета:

— ф-т литературы и искусства

1-я ступень — педагог дошкольного эстетического образования, гид-экскурсовод, руководитель кружков-студий.

2-я ступень — искусствовед, музыковед, театровед, художник, скульптор, оформитель-дизайнер.

— ф-т журналистики

1-я ступень — редактор издательского дела, 2-я ступень — журналист прессы, радио и телевидения.

— ф-т правоведения

1-я ступень — младший юрист, юрист-консультант, 2-я ступень — юрист гражданского права со специализацией.

— экономический ф-т

1-я ступень — специалист по бухгалтеру в предпринимательской деятельности, 2-я ступень — управление бизнесом — менеджеры и специалисты по маркетингу в различных областях.

— педагогический ф-т

1-я ступень — педагоги дошкольного воспитания, учителя начальной школы, домашние учителя-гувернеры, 2-я ступень — учителя средней школы русского языка и литературы, иностранных языков.

Уважаемые абитуриенты, обучение в нашем университете платное. НГУ — первое в стране частное учебное заведение, получившее все привилегии и полномочия наравне с государственными вузами. Мы надеемся, что плата за обучение позволит Вам получить настоящее высшее гуманитарное и профессиональное образование, мы расцениваем ее как главное условие подлинной независимости студента, возможность обеспечить лучший уровень преподавания!

Приемная комиссия Нового гуманитарного университета работает по адресу: Москва, ул. Чехова, 8. Контактный телефон: 554-52-76.

Мы ждем Вас в нашем Новом гуманитарном университете!

Artic Co Ltd Любой формы на любом языке

ПЕЧАТИ ШТАМПЫ

К Вашим услугам:

- Обширная библиотека шрифтов, знаков и символов
- Изящные рукоятки из дерева, металла и пластика
- Исполнение заказа 1 сутки

ГЛАВПОЧТАМТ

Ст. метро Тургеневская
(095) 924-90-20

101000 г. Москва а/я 2045
Выполним любые объемы заказов от посредников из других регионов

УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!

ФИРМА

ist di Mion (Венеция)

ПРЕДЛАГАЕТ

лучшую из поставляемой, в Россию обуви настоящего итальянского производства. Продажа мелкооптовыми партиями за разумную плату в СКВ и рублях.

ТЕЛ.: 926-64-88
ФАКС: 200-68-92

Пришло лето.
Есть «Идея».
Переобуться.

СОВМЕСТНОЕ
РОССИЙСКО-ШВЕЙЦАРСКОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ "ХОРДА"

ХОРДА

Высокое качество медицинской помощи с использованием новейших методов электростимуляции при помощи **носимых портативных электростимуляторов с автономным питанием.**

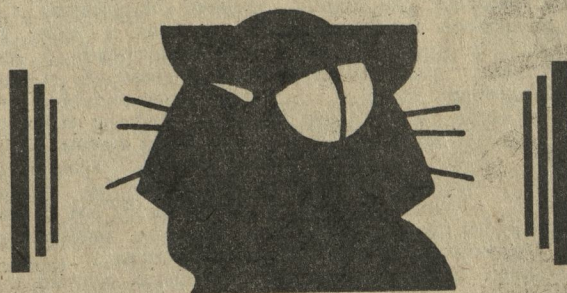
Лечение расстройств функций тазовых органов при заболеваниях позвоночника и спинного мозга; заболеваниях мочеполовой системы; лечение болевого синдрома.

Опытные специалисты амбулаторно проведут обследование с применением современных диагностических систем, динамическое наблюдение за эффектом лечения, подберут нужный тип электростимулятора, обучат пользованию им.

Приезжайте! Метро «Ул. 1905 года» рядом!

КОНТАКТНЫЙ ТЕЛЕФОН 255-97-18
С 10 ДО 16 ЧАСОВ

**ЗА ДВЕ НЕДЕЛИ МЫ СОЗДАДИМ
ДЛЯ ВАС ПРЕДПРИЯТИЕ
любой формы "под ключ".**

В соответствии с сертификатом Министерства экономики и финансов России акционерная корпорация "ПЛАНЕТА-ЦЕНТР" обладает правом разработки, экспертизы и представления для регистрации учредительных документов предприятий, создаваемых на территории России.

**Наши телефоны: 292-41-87, 292-69-27.
Адрес: г. Москва, ул. Тверская, д. 6.**

СКАЗКА О «БАЛДЕ»

Я люблю гулять в Кусковском парке, архитектурно-художественном ансамбле восемнадцатого века. В этих богоспешных местах я родился, вырос, живу. Кусково — это моя микродекация мира, мой космос. Поэт Владимир Британишский однажды прекрасно написал: «Кусковский парк ничем не виноват, // Что уроженцу невских берегов // Напоминает он то Летний сад, // То Царскосельский парк, то Петергоф». Но сейчас речь не об архитектурном изяществе Кускова. Немножко о другом.

Если вы придете в парк (на противоположную от музея-усадьбы сторону) в субботу или в воскресенье, то откроете для себя неизвестный мир. Мир замечательного клуба «Балда». Балдеют (уже много лет!) здесь люди в основном от футбола, от общения друг с другом (только, ради Бога, не истолкуйте мои слова превратно). Забавляются балдежники вдохновенно и неустанно. Отмечают дни рождения юбиляров, устраивают между собой легкоатлетические соревнования, проводят дни открытия и закрытия футбольного сезона. Это происходит соответственно седьмого октября и девятого мая.

У каждого члена клуба есть удостоверение балдежной личности, получить которое новичку весьма непросто: во-первых, нужна рекомендация одного из членов коллектива, во-вторых, необходимо пройти испытательный срок, т.е. в течение нескольких недель постоянно приходить на площадку, не пропуская ни одного выходного.

Есть у балдежников и своя Федерация. Она ведает организационными вопросами: покупает спортивный инвентарь, награждает победителей весеннего и осеннего первенств. Делается все это на ежегодные взносы, которые сдают все члены клуба.

Балдеют здесь люди разных возрастов и, конечно, разных национальностей. И русские, и евреи, и татары... Вот бы где нашему правительству поучиться решению национальных проблем! У «балдежников» таких проблем просто нет!

Недавно я опять гулял в Кусковском парке, заглянул, как здесь говорят, на «Балду», разговорился с приятелями. Вдруг раздался бурный аплодисменты и зрители стали восторженно скандировать: «Ай да Славка, ай да Славка!» Это голкипер одной из команд, сухопарый, подтянутый мужчина отразил мощнейший удар противника.

Мало кто знает, что «Славке», бригадире слесарей объединения «Зокио» Вячеславу Кожевникову, — за шестьдесят.

Евгений СТЕПАНОВ

«БОМБА» ПОКА НЕ РАЗОРВАЛАСЬ

Недавно «Радио России» в авторском канале «От первого лица» представило слушателям сенсационное сообщение. Журналисты Сергей Козырев и Игорь Морозов, покопавшись в архивах, установили, что во время второй мировой войны американцы сбросили на Японию не две, а три атомные бомбы. Если верить журналистам, третья бомба не разорвалась и была 27 или 28 августа передана японцами советской стороне.

Нам удалось получить комментарии из кругов, близких к Саровскому федеральному ядерному центру (именно там создавалась советская бомба).

По всем имеющимся сведениям (свидетельства, мемуарные материалы и т.д.), американцы в рамках проекта «Манхэттен» изготовили в 1945 году три атомные бомбы. Первая была взорвана на испытаниях в Аламогордо,

две оставшиеся — над Хиросимой и Нагасаки. Никакая четвертая бомба в свидетельствах от 1945 года не фигурирует и на объект в Сарове (Арзамас—16) не поступала.

Впрочем, помощь с американской стороны в создании советской бомбы все же была: «красный американец» Клаус Фукс передал Советскому Союзу документы, которые позволили избежать ряда ошибок и быстрее провести работы.

Тем не менее специалисты из Сарова утверждают: нельзя вести речь о том, что бомбу мы «слизали» у американцев. Она своя, родная, советская.

Значит, «Радио России» запустило «утку»? Повремените с ответом. Козырев и Морозов, говорят, работают над книгой «Русская бомба», которая ответит на все вопросы.

Андрей СМЕРНОВ (ИА ПАС)

ЕСЛИ МУЖ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ...

От перемены мест слагаемых сумма не меняется, если замена мужей и жен равноценна. Так считают в двух киевских семьях, поставленных семь лет назад перед фактом перекрестной измены. Привычному ходу событий с разводами и делением имущества семьи предпочли иной вариант. Методом длительных переговоров удалось сохранить самое дорогое: штампы в паспортах и детей.

В целях упрочения семейного союза был предпринят обмен двух двухкомнатных квартир в разных районах на квартиры в одном доме.

Теперь и старшие дети, родившиеся до этого союза, и младшие привычно обращаются к двум папам и мамам по именам. А кто чей — какая разница?

Папы Андрей и Сергей считают, что наличие двух отцов вместо одного отчима — большой плюс. Мамы Марина и Ольга видят большое преимущество в том, что благодаря папам младшие дети не ходят в детский сад, а школьники всегда под присмотром.

Праздничные и выходные дни семьи проводят вместе, во время отпусков предпо-

читают отдыхать друг от друга.

Впрочем, на Украине в последнее время такие «союзы» перестали быть редкостью.

Тарас ТАРАСОВ

ЛЮБОВЬ ВОЛНУЕТ КРОВЬ. И — НАПОЛНЯЕТ КОМЕЛЕК

Печальная участь «женского батальона» Керенского, похоже, не останавливает членов клуба семейного отдыха «Лепота» («Столица» писала о нем в № 3 за этот год). Решено оградить от разврата самую незащищенную, по мнению клуба, часть народа — жен деловых и богатых людей.

Для спасения души и тела вышеназванных особ клуб создает своеобразный подраздел — комитет «Здоровая семья», в чьи функции, в частности, входит создание «батальона быстрого реагирования», правда, не боевого, а интимного. В это подразделение набрано пока сто мужчин, которые могут отправиться с женами предпринимателей в рестораны, в отпуск или на поиски приключений, когда муж занят.

Фотографию «солдата любви» и исчерпывающую информацию о нем может получить супруга любого омского бизнесмена. Об этом сообщала газета «Омский вестник».

Говорят, что хороший бизнесмен тот, чье предприятие хорошо работает даже в отсутствие хозяина. Но зачем же переносить этот принцип на семейную жизнь?

С.Т.

ПОД КРЫЛОМ САМОЛЕТА — САХАР, ВОДКА, МОЛОКО

Работники отдела по борьбе с организованной преступностью Гомельского ОВД провели необычную операцию. Приехав на расположенный близ города военный аэродром, они попытались устроить досмотр готового к вылету транспортного самолета. Экипаж самолета, пере-

говорив с начальством по радио, выгрузил на посадочную полосу двадцать ящиков сливочного масла, а также не значащееся в списках воинское снаряжение и поднял судно в воздух. После недолгого препирательства между милицией и администрацией аэродрома военный самолет, уже взявший было курс на Москву, снова приземлился. Так что милиционеры получили возможность изъять еще одиннадцать ящиков водки, несколько бидонов сметаны, сгущенного молока, сливочного масла, сто семьдесят килограммов сахара и прочие съестные припасы, запрещенные к вывозу из республики без разрешения властей. Сейчас гомельские оперативники пробуют выяснить, как давно и с какой периодичностью действовал воздушный мост Минск—Москва.

Владимир ПАНАДА

МУЗЕЙНАЯ ЯРОСТЬ

Мне сообщили приятную новость. Многострадальные наши музейщики, сотрудники Исторического, получили в дополнение к зарплате по 25 долларов. Кто-то готовил выставки, возил их за рубеж, составлял каталоги, а часть вырученной валюты музей разделил между сотрудниками. В том числе техническими. По 25 долларов. На пишу.

Я порадовался за своих бывших коллег и позвонил в музей узнать подробности. Но по телефону со мной говорить не стали, очень просили приехать.

Я приехал. Меня встретили высшее руководство. Триумфировали любезных женщин. И устроили пресс-конференцию. Правда, с перестановкой ролей.

— Почему именно этот как

вот жареный какой-то факт, который имел один раз место в нашей биографии, должен получить такое внимание вашей, я не знаю, многомиллионной публики читателей? — интересовалась заместитель директора по зарубежным связям Т.Игумнова.

— Зачем вы тратите место в издании? — вторила главный хранитель Т.Иванова.

— Вы историк по образованию? Если бы вы были историком, вы бы, наверное, знали, что желание писать должно сочетаться с какими-то принципами научной этики. И какое нужно иметь образование, какие моральные права, чтобы совать нос в чужой кошелек? — допытывалась ученый секретарь И.Федосеева.

Меня обвиняли в том, что я не пишу о музейных проб-

лемах (это неправда), что я все время пользуюсь недостоверной информацией (это хамство), что я неэтичен и меркантилен (откуда у них эти сведения?), что у меня сомнительный профессиональный уровень (ладно, пусть сомневаются). Почему-то смеялись над диктофоном. Что уж в нем такого забавного?.. Говорили, что нужно «помочь сотрудникам в их благородном порыве — спасти национальный музей страны».

Они отработали свою карму. Спасли от меня национальный музей страны. Минут через десять их благородный порыв вынес меня на улицу.

Все-таки жаль, что высшее начальство Исторического музея агрессивно, подозрительно и неинтеллигентно...

Алексей МИТРОФАНОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Может, кому-то телевизор и надоел, но только не мне. Он — источник моего бесконечного удивления. Правда, удивление это не связано с восторгами постижения бесконечного разнообразия мира, отраженного голубым экраном. Увы, меня все время удивляет, кто делает эти вялые, скучные передачи и кто выпускает их в эфир? Почему так развязно (или, наоборот, скованно) держатся ведущие, один и тот же фильм демонстрируют пять раз в месяц по разным каналам, а телепрограмма никак не хочет выходить в срок, обещанный газетами, и при этом никто даже и не думает извиниться?

Но главное, что меня поражает, — метаморфозы, которые происходят с людьми и их взглядами на жизнь. Один и тот же комментатор готов сегодня говорить прямо противоположное тому, что вещал вчера. Казалось бы, только что в соседних странах у власти были большие демократы, доказавшие чистоту помыслов многолетним диссидентством, мудрые лидеры, ведущие народ в светлое будущее капитализма. Глядишь, сегодня они стали бывшими коммуни-

Марина КАМИНАРСКАЯ

СМОТРУ И УДИВЛЯЮСЬ

стами, чей режим сбросила всегда справедливая оппозиция, и преступниками, которым предъявлены по полной программе обвинения в гачачепизме местного масштаба. Съезд народных депутатов поругивали за бескультурие, но не забывали подчеркнуть, что это глас народа, а не нужен стал съезд верховной власти — и оказалось, что он — олот консервативных сил... Помню, как много писали во время первой забастовки шахтеров против рыжковского правительства, какое хорошее дело — стачка. Теперь появляется в кадре человек и говорит, ни секунды не смущаясь: «Врачи и учителя — представители самых гуманных профессий, они на Руси всегда были самыми терпеливыми, поэтому пусть найдутся на нижней планке

зарплаты, как арьергард, закрывая собой общество от нового витка инфляции. А то через несколько лет у нас все станет хорошо, как они детям и пациентам в глаза смотреть будут?» Все это примеры из свеженьких, а уж если сегодняшние речи сравнить не со вчерашними, а условно говоря, недельной давности, то и вовсе конфуз получится.

Причем самое интересное, что грешат метаморфозами не только усидевшие при всех режимах «журналист Сейфуль-Мулюков, Цветов, с головой мужик, Зорин со своей наукой и, конечно, Боровик», но и новые, из молодых да ранних, не обременяющие себя, в отличие от стариков, элементарным профессионализмом.

Впрочем, об этом давно сказано — вторая древнейшая. Говорят еще — четвер-

тая власть. Путем нехитрых математических перестановок можно прийти к забавному выводу, что власть имеет прямое отношение к древнейшей профессии, и элементарно подтвердить новую формулу примерами из сегодняшней политической жизни. Бывший преподаватель политэкономии социализма учит всю страну переходу к рынку, лектор обкома КПСС становится ярым антикоммунистом, прославлявший режим всю свою и его жизнь писатель выступает как активный боец за перестройку, а безбожник истово крестится перед телекамерой. В такой ситуации всеволею заужаешь тех, кто не поступает принципами.

Есть и еще одно сходство новых политиков и журналистов — неумение работать. Говорят, что мы страна дилетантов, в том смысле, что условия непривычны и приходится на ходу учиться торговать, управлять и просто жить по-новому. Так-то оно так. Но, по моему, ничего не изменится, если главным критерием профессионализма будет по-прежнему оставаться четкость выполнения команды «Кругом! Марш!».

Татьяна ЛЮБЕЦКАЯ

МОЯ МАМА УМИРАЛА В БОЛЬНИЦЕ ДЛЯ БЕДНЫХ

Фото Э.Кудрявицкого

Винить кого-то в том — какой смысл? Если время наше — «смутное и жестокое» — страшает всеобщим распадом и все, кажется, в самом деле распадается, то почему вдруг в больнице должны лечить? К тому же виновата погода, так беспощадно, грубо косившая в минувшую зиму слабых и в свою очередь строго зависящая от расположения светил. Наконец, судьба, рок. И все же... Если бы в последний земной мамин месяц «люди в белых халатах»

оказались к ней чуть внимательнее, чуть добрее... Не скажу — квалифицированнее или, допустим, оснащенные. Общеизвестно, зарплата у них «нищенски мала», ни техники, ни лекарств — но душа-то хоть осталась? Не можешь всем посочувствовать — где в самом деле взять столько сочувствия? — хотя бы изобрази его, произнеси утешительные слова, как заклинание, как роль, снабдив их ободряющей, уверен-все-будет-хорошо, улыбкой.

Вероятно, наша история вполне обычна. Вот только, как ее пережить?..

Когда маму положили в эту ее последнюю больницу — кстати, называемую почему-то Боткинской, хотя ее некогда основал для бедных известный книгоиздатель Солдатенков,

— она уже не обладала завидным здоровьем и не была уже той Лидочкой, прекрасной пианисткой, что на всю консерваторию славилась жизнерадостностью и цветом лица — все-таки за плечами война, потери близких, болезни. Да еще это роковое падение третьего дня. Но она была! И был у нее — пусть к концу жизни и совсем небольшой — круг интересов: телекино, книги, встречи с близкими. И все врачи твердили, что ничего серьезного у нее нет. Правда, после падения (в тот январский день температура вдруг резко поднялась — до 0°, у мамы внезапно закружилась голова, она упала) ей не давала встать с постели острая боль в пояснице. Но вызываемые на дом врачи все как один твердили — ни перелома, ни трещины скорей всего нет — просто ушиб, «больная должна встать». А она не могла.

Лишь один профессор, проконсультировавший ее заочно (оказывается, можно и так, если приехать недосуг), то есть просто просмотрев историю болезни, написал заключение: «учитывая возраст и анамнез больной, нельзя исключить повреждение костей таза».

Я пыталась организовать рентген на дому, но выяснилось, что теперь это в нашем городе невозможно. И когда лечащая маму врач внезапно вызвала скорую («ну, раз она не встает»), я, поначалу противившаяся больнице, в конце концов сдалась: пусть только сделают рентген и, если подтвердится, что ничего серьезного,

— сразу домой. Но с рентгеном и тут оказались сложности...

Уже на второй день мамино пребывание в больнице заведующим пригласил меня в свой кабинет, чтобы строго объявить высочайшее заключение: «ничего острого — ни инсульта, ни перелома у вашей мамы нет, должна вставать...» Прозрачный, как слеза, намек на: «Зря привезли — забирайте!» А мне и так ясно, что из больницы нужно побыстрее удирать — пусть только сделают рентген, раз уже привезли сюда... Надо же, наконец, понять, что за острая боль вот уже пятый день не дает ей подняться с постели?! А если все же перелом?!

«Я заберу, — просительно говорю я заведующему, это у меня теперь доминирующая интонация в общении с персоналом отделения, ведь в их руках мамина жизнь. — Заберу, как только сделают рентген...» «Сделаем, завтра сделаем, я сейчас позвоню — он снимает трубку, набирает номер, несколько секунд ждет и затем с видом человека, сделавшего все от него зависящее, говорит: ну, вот видите, никто не отвечает». Как будто рентген в отделении делают только по его звонку (а может, и так?).

И лишь в тех случаях, когда я сижу в его кабинете.

«Наш заведующий очень опытный, у вашей мамы, конечно же, ничего нет», — вторит заведующему палатный врач. «Но... когда же рентген?» — «Завтра». И так мне говорили изо дня в день — «завтра, завтра...».

Отчего я каждый раз верила им?

Отчего сразу не подняла на ноги всех родных и знакомых, не «нажала» на врачей? Оттого, верно, что среди безумной растерянности и усталости мне не пришло в голову, что такую простую, такую обычную вещь для больницы, как рентген, могут так катастрофически, преступно затянуть. Я ведь в том отделении совершенно сбивалась с ног — санитарок не было и помимо ухода за мамой надо было убирать и мыть палату, стирать белье, ибо белье — дефицит.

«**Н**е хочет ваша мама вставать», — уже строго выговаривала мне палатная. — «Ей очень больно». — «Ничего у нее нет, нужно, чтоб ходила».

Я ничего не могла понять. В одну из центральных московских больниц привезли на скорой больную с сильным ушибом, из-за которого она перестала ходить, а ей никак не могут сделать рентген!

Между тем маме становилось все хуже. Если в первые после падения дни она могла, хоть и через боль, садиться, то теперь ей было едва под силу повернуться, и то только после настойчивых моих уговоров. Я ведь почти поверила врачам — может быть, и в самом деле у нее ничего серьезного, а только ушиб, значит, можно и необходимо двигаться, чтобы не ослабеть совсем. И еще я боялась возникновения пролежней, пролежневых язв, как я слышала, лежачих больных до костей.

...Идут дни, и вот уже мама почти совсем не может двинуться. Я тащу ее на руках вверх, чтобы посадить, а затем так же — вниз, потому что она мне в этом помочь уже не может. Мои руки и спина страшно ныли, и я ложилась иногда на освободившуюся кровать — «перезарядиться», — не спуская с мамы глаз, потому что в любой момент могла прийти палатная и велеть маме встать.

«Пожалуйста, — молила я ее, — подождем только до рентгена, и, если нет перелома, мы будем вставать». А она уже, с откровенным раздражением глядя мне в лицо, говорила: «Из-за вашей мамы больные разбегаются: они ходячие, и она им мешает». «Врет, — возмутилась соседка по палате, когда я сказала, что попробую перевести маму в другую палату, если они от нее устали. — Мы же все сначала были такими, и потом, кому же охота тут валяться?»

А мама уже совсем обессилела от постоянных ворочаний, доставлявших ей мучительную боль («дайте ей обезболивающее!»). Я же изо всех сил прячу терзающую меня жалость, и тон мой от ласкового — «знаю, мамочка, больно, ты устала, но, слава Богу,

ничего серьезного, потерпи еще совсем немного, вот сделают рентген», — переходит к отчаянному, почти злому: «Садись же, повернись», потому что уже появились первые грозные признаки пролежней! Увидев их, я тряю голову, так как вдруг осознаю, что мама уходит от меня!

Как же так? Ведь она почти постоянно у меня на руках, а пропасть черной воды все увеличивается между нами! Но узнав, что с пролежнями можно бороться — надо только постоянно протирать пораженные места и переворачивать (!) больного, — я удваиваю мамины мучения.

В том отделении все врачи оказались как на подбор. Будто они тогда уже бастовали, но просто не сочли нужным об этом объявить.

«Как вы думаете, завтра действительно сделают рентген?» — сдерживая слезы, спрашиваю я у сестры, и она вдруг «колется»: «Знаешь, у нас ведь рентгеновских пленок нет... Может быть, сама где-нибудь достанешь?» — «Но почему же мне сразу этого не сказали! — взрываюсь я. — Конечно, достану!» Я бегу звонить домой, чтобы побыстрей зарядить родных на доставание пленки и затем — к заводделению.

«Я знаю, — говорю я с порога, — трудности с пленкой, так я достану...» — «Да вы не волнуйтесь, — голос его источает надежность и сочувствие. — Зачем же вам за свои деньги пленку покупать?» — «Ничего...» — «Ни в коем случае. Завтра мы вашей маме непременно сделаем рентген, вы только не волнуйтесь».

Видимо, ему позвонил известный психиатр, волею случая знавший меня. Накануне в полном отчаянии я позвонила ему и рассказала о «ходе лечения», он обещал вмешаться, и вот результат: вместо обычного «завтра» я получаю усиленное: «завтра непременно». И тон совсем другой. И тогда потеплевшему и почти родному заведующему я рассказала, что некогда дед мой, чью фамилию я ношу, царил в Боткинской, в этом же, вероятно, отделении, и был известным в Москве невропатологом и психиатром. Я хваталась за соломинку. Я думала, может, у него дрогнет что-нибудь внутри и хватит воображения представить, а вдруг и его потомки будут когда-нибудь валяться тут, в его отделении, мучимы неподвижностью, болью и страхом. А им в качестве лечения предлагают встать и пройтись... вон. Он с почтением выслушал информацию и... попросил достать ему книгу Эдуарда Лимонова...

А на следующий день — на девятый! — маме в самом деле сделали, нако-

нец-то, рентген. Только она после этого немного сошла с ума. Поначалу совсем немного — ей стала мерещиться вдруг какая-то кошка. И меня еще интересовал результат рентгена. Но палатная сказала, что результата у нее еще нет, что она «вообще с этим рентгеном с ног сбилась» и «спросите у сестры». Чуть позже сестра сказала, что результат пришел и что «там все в порядке». Я спросила, могу ли я взять снимок и показать маминemu лечащему врачу, но в ответ получила: нет, об этом не может быть и речи. «Но почему?» — «Не даем, не положено». — «А при выписке?» — «При выписке пожалуйста».

Я, конечно, не могла уже им верить на слово, но события разворачивались так стремительно, что скоро мне было уже не до снимка. Сразу после рентгена маму перевезли в палату, названную в народе палатой для умирающих. «Вы не возражаете, что мы перевели вашу маму сюда?» — с интересом глядя на меня спросила палатная. Это заключенные могут «возражать», требуя условий, похожих на условия свободных людей. А мы и так вроде на свободе...

Мамино сознание уходило постепенно, но неудержимо и стремительно, и вскоре она вообще перестала сознавать происходящее, никого уже, кроме меня, не узнавала. А потом вдруг перестала узнавать и меня. И я заплакала. А она вдруг матерински буднично меня одернула: «Да не хнычь ты!» И я сжала губы, заткнулась. Я ведь думала, что она ничего уже не слышит, не понимает, а она понимала — бог знает что и сколько. И я теперь зорко следила за тем, чтобы никто около нее не сказал, что у нее пролежни и что ей совсем плохо... «Ты скоро поправишься, — твердила я ей. — Потерпи еще немного, я тебя в обиду не дам» (а сама дала!). А она среди бреда в стене (каждое прикосновение доставляло ей теперь невыносимую боль, и, казалось, это было единственное, что она еще сознавала) ясно вдруг проговорила: «Придет же когда-нибудь эта смерть». Такая жизнерадостная моя мамочка!

Я решила забрать ее домой — может быть, в домашних условиях случится чудо и она придет в себя... «Все может быть», — сказал заведующий. Я договорилась с ним о машине, он распорядился, чтобы мне выдали необходимые на первое время лекарства, телефоны скорой психиатрической помощи, — выдали — и мы условились о выписке на послезавтра. Но я не успела ее забрать.

Следующей ночью, когда я ушла домой, чтобы подготовиться к маме,

ному переезду и хоть немного поспать, мама вдруг проснулась, стала возбужденно разговаривать, и дежурная врач вкатила ей двойную дозу «успокаивающего», после чего мама «совершенно успокоилась». «А что же вы хотите, — говорила мне наутро дежурная, — она же мешала окружающим!» То есть лекарство маме дали не для ее лечения, а для того якобы — большевистский подход, — чтобы было спокойней окружающим. В то время как побеспокоить окружающих ее было практически невозможно: одна бабушка в палате давно уж ни на что не реагировала, другая, в общем, тоже, ибо замкнутая на предстоящем ей удалении спинномозговой опухоли и так целыми днями смотрела полными ужаса глазами перед собой.

Впрочем, находясь в такой палате «на полном погружении», не стоит сосредоточиваться на глазах больных, по-ому что, если сосредоточишься, — страшно. Страшно жить и страшно умирать.

...Уже сутки после «успокоительного» мама пребывает в полудреме, соответственно, не ест, не пьет, не принимает лекарств. Я зову дежурную: «Может быть, вы посмотрите...» Пришла, похлопала маму по щекам, мама еле приподняла тяжелые веки, застонала. «Вот видите, — улыбнулась дежурная, — она в сознании, пусть дышит». «Но уже сутки...» — «Ничего, это ей только на пользу».

Вторые сутки «отдыхает» мама, третьи, дыхание стало тяжелым, ни глотка за это время не сделала, уже и язык к гортани присох... Я теряю палатную — уже трое суток... — «Да? — удивляется она, — сейчас посмотрим». Она меряет маме давление, пульс, приподнимает мамины веки, проводит по главному яблоку полотенцем — никакой реакции.

«Что же это такое?!» — спрашиваю я. «Больная в загруженном состоянии». — «Что это значит?» — «Ну, это такая стадия... После нее следует... — тут она назвала еще какую-то стадию, — и затем кома. Да... кстати, только что выяснилось, что на третий день пребывания в больнице у вашей мамы случился инфаркт».

«Инфаркт?.. Кома?.. Как же так?» Она пожимает плечами: «Сейчас поставим капельницу». «Существуют лекарства, которые могли бы вывести маму из этого состояния, но которых у вас нет?» — «Да, существуют». — «Какие? Я достану». Она начинает методично перечислять мне лекарства, и в этот момент в палату входит сестра. Оценив ситуацию, она восклицает: «Да у нас же все это есть!» «Да? — снова удивляется палатная, — тогда сейчас назначим».

Она кладет историю маминой болезни на лежащую без сознания мою маму и пишет на ней... От ужаса я немею и только смотрю, как она вписывает новые назначения у мамы на животе, затем аккуратно закрывает папку и выходит из палаты. Чтобы не упасть и не закричать (это ведь может повредить маме), я заставляю себя сосредоточиться на мысли, что новые лекарства, возможно, вытащат маму из этого кошмара, в миру скромно именуемого «нашей больницей». И еще я решаю посмотреть историю болезни. Я, конечно, знаю, что это не положено, но должна же я, наконец, понять, что с мамой. Ведь все уверяли меня, что «ничего серьезного, должна ходить», и вдруг — инфаркт, состояние загруженности...

Я открываю историю болезни (ее добывание — профессиональный секрет) и что же вижу? В первые дни в нее день за днем аккуратно носилось: «Состояние удовлетворительное, жалоб не предъявляет». Это в то время, как из-за острой боли она не могла вставать, двигаться! И когда, по-видимому, из-за болевого шока, постоянных пыток («должна вставать») у нее случился инфаркт! Но более всего меня потрясла запись, сделанная на одиннадцатый день пребывания в больнице: «Больная... большей частью лежит в постели». Это в то время, как она вообще ни разу не смогла встать!

Когда мы ехали в больницу, мама сказала: «Теперь не увижу «Богатые тоже плачут». «Вот замечательный стимул побыстрее поправиться», — бодро возразила я.

Мы ехали в больницу, основанную для бедных Солдатенковым, а кто-то другой придумал для них телесериал «Богатые тоже плачут». Была ли мама богатой? Во всяком случае, в той больнице она не заплакала ни разу, знала — нельзя, не пожалеют...

В последние дни я все пробовала ее пульс, он был частым-частым, как у бегуна на дистанции. — Куда ты так спешишь, моя мамочка? Но чело уже стало высоким, строгим, и никакие мольбы не доходили до нее. А если и доходили, то мне никак не дано было об этом узнать.

Врачам я, конечно, не доверяла теперь ни в чем. И когда маму накрыли простыней, я сняла ее и поднесла к ее губам зеркальце. Оно осталось незамутненным. Снова и снова — ничего. Была мама и нету. Ушла куда-то...

НАС ОБМАНУТЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕ ТРУДНО

В июне 1991 года первый президент России вошел во власть. Народ притих в ожидании первого указа. И грянул он. Это был указ «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР». Эвон, какой хитрый, тогда говорили о президенте многие, о будущем нации, о вечном задумался. С тех пор прошел почти год...

Совсем недавно прямо при выходе из метро всучают мне маленький листочек — призыв одного из новоиспеченных лицеев. Приходите, мол, к нам учиться, берем самых одаренных, используем новейшие методики, по окончании выдаем сертификат.

Как заботливый родитель (и своего ребенка ведь учить надо) иду, интересуюсь. Помещение бывшего детского сада. Кругом все разворочено, трубы валяются, окна фанерой забиты — впрочем, этим сейчас не удивишь. Внутри здания беспорядок такой же. Ладно, привыкли. Хорошее образование ведь можно и не в хоромах получить.

— Извините, — обращаюсь к дежурному преподавателю, — как же вы ищете самых одаренных?

— А у нас есть тесты особые, — мне отвечают. — Мы их детям заранее на дом даем. Они задания выполняют, а комиссия ответы анализирует.

Что ж, раз тесты, соглашаюсь я, да еще особые, тут, как говорится, не попишешь.

— А как насчет новейших методик? Может, объясните. Или какую новую систему педагогическую нашли и успешно ее применяете? — дальше допытываюсь я.

— Как вам попроще объяснить? — уже директор в разговор вступает. — Вот, скажем, в обычной школе учитель равняется на отстающих, а у нас равнение в классе на пятого-шестого по успеваемости. Поняли?

Да, новизна ошеломляющая... Как оказалось, и с сертификатами не все просто. Какими они будут? Кто их получит? По мнению директора, не более двух-трех человек в группе. И последнее, что уж совсем умилило: родитель, ребенок которого поступит в лицей, должен подписать бумагу о том, что предупрежден о предстоящих трудностях. О каких, можно только догадываться. Для администрации гениальный ход — «мы же предупреждали»...

Еще один случай. Мои знакомые определили дочь в платный лицей, кажется, с психологическим уклоном. Чтобы туда поступить, надо было пройти собеседование. Сначала их дочь письменно отвечала на, так сказать, вечные вопросы: что такое добро? что такое мораль? что такое нравственность и чем они отличаются друг от друга? В общем, ужас как сложно. Затем она предстала перед комиссией. Тут вопросы тоже задавали, но уже более житейского плана. И один даже с подковыркой: чем психиатр отличается от психолога и — в дополнение к нему — есть ли среди присутствующих психиатр? Наконец, на ковер был вызван сам папа. По

всей видимости, комиссия следовала поговорке: яблоко от яблони... Однако все обошлось благополучно, к радости родителей, дочь была принята.

На первое, организационное, собрание мои знакомые пошли вдвоем. Очень волновались. На собрании выступали директор, учителя. Говорили очень умно и долго. Преподаватель химии, например, поразил присутствующих тем, что оценки выставляет по рейтинговой системе. Это произвело впечатление. Правда, впечатлило и прозвучавшее из уст администрации предупреждение: учиться деток никто заставлять не будет, не захотят — пусть уходят на все четыре стороны. Это во-первых. А во-вторых, лицей в институт не готовит, но за дополнительную плату в выпускном классе будет организовано репетиторство. Это заявление было воспринято настороженно, однако речь священника, который в течение года будет читать проповеди детям, успокоила.

Сперва и родители, и дочь были вне себя от радости. Но очень быстро родительский восторг начал уходить. В чем дело, спрашиваю. Да нет, все в порядке, отвечают. Но как-то неуверенно. Потом все же выяснил. Оказывается, им наобещали и стенографию, и интенсивный курс по иностранному языку, и какой-то особый психологический тренинг. Но неожиданно их дочь оказалась ни к чему не способной. Стали выяснять у классного руководителя, а она в ответ: спросите у директора, он все решает. И напоследок, задумчиво: может, ошибки в диктанте были? А о каких ошибках могла идти речь, если диктанта и в помине еще не было. Словом, совсем расстроились мои добрые знакомые, стали дочь уговаривать вернуться обратно в свою школу. Она сначала заупрямилась — уж что-то, а дух бомонда, легкой, необязательной жизни в лицее витал и очень даже привлекал молодежь, — но потом все же согласилась.

Но больше всего укололо родителей то, что, когда они забирали документы, директор даже не поинтересовался, почему девочка уходит из учебного заведения, а ведь у нее за полугодие были почти одни пятерки. После этого и говори о репутации школы, ее добром имени.

Имя школы. Это, пожалуй, самое ценное, что у нее может быть. Это ее визитная карточка. Но мы никак до сих пор не можем понять, что имя учебного заведения — это не просто вывеска (ее-то как раз легко сменить: вон у нас что ни школа, то лицей или гимназия, что ни техникум — то колледж, что ни институт — то уже и университет). Имя школы — имена талан-

тливых учителей, в ней работающих. А это штучный товар, который, к сожалению, почти перевелся. Лично я за всю жизнь слышал восторженные слова только об одном преподавателе литературы, лет 25 назад читавшем лекции в физико-математической школе при Московском университете. Его, кстати, из школы «ушли». Как, впрочем, и многих других неординарных личностей, пытавшихся хоть что-то изменить к лучшему в нашей системе образования. Хотя, если быть совсем честным, талантливые люди уходили и сами, не желая постоянно испытывать чувство унижения и своей ненужности.

Идут годы, меняется власть, издаются указы, а в школе практически ничего не меняется. И это отнюдь не потому, что структура образования, дескать, — оплот стабильности в обществе. Нет, это признак захламленности и заброшенности. Почему многие родители пытаются найти своим детям другую школу? Да потому, что, придя в свою родную, ощущают убогость атмосферы, раздраженность и злобность учителей.

А последних вроде бы и винить в чем-то трудно. Нынешняя цена урока — разве что на два батона потянет. Сколько же уроков надо дать, чтобы хоть как-то прокормиться?! Вот и берут педагоги столько уроков, сколько дадут. А в результате — постоянная усталость, раздраженность и желание на ком-нибудь все это сорвать. Так и преподаем, так и учимся, а в конце концов так и живем.

...Еще в юности прочитал я «Братьев Карамазовых». С тех пор прошло достаточно много лет. Я работал в школе, интересовался проблемами педагогики, но так и не встретил более глубокой, чем у Достоевского, мысли о самой сущности воспитания. «...Прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, — писал он, — может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь».

Господи, иногда с горечью думаю я, мы-то о себе какое воспоминание оставим?

О.П.

РАЗВЕ ЭТО — ОППОЗИЦИЯ?

9 Мая — праздник для всех. И радость, и грусть, и надежда. Москва провела его великолепно: мирные шествия с участием гостей из разных стран, многочисленные художественные программы... Всюду — мир, единение.

Но вот теленовости показывают «освободителей» наших дней — яростного депутата Моссовета Анпилова и его сподвижников.

«Освободители», действуя от лица «Трудовой Москвы» и партии коммунистов России, требуют освободить государственных преступников, проживающих сегодня в «Матросской тишине». В последнее время эти «бойцы свободы» особенно активны: дошли, по-моему, до края. Создают вооруженные дружины, собирают деньги на их содержание... Выступающие на митингах призывают к свержению правительства, к расправе над всеми, кто лоялен к властям: «Перестреляем! Возьмем штурмом! Растопчем гадов!» Звучат нецензурщина и еще, бог знает какая пошлость.

То, что делает команда Анпилова, — моя душа отвергает. Верховные и местные власти (местным, я знаю, такое на руку) недооценивают происходящего, а оно опасно: эти фашиствующие группы раскачивают государственный ковчег, кренят его.

В очередях воинствующую команду, желающую гражданской войны, не поддерживают, а вот недобровольных, ворчливых стало больше. Их мало интересует, что будет завтра, им все подавай сегодня. А что они сами для этого делают? Вот тут-то и загвоздка: «Нашли дурака! Вкальвать? На кого?!» Вот такие и мутят очереди, улицу, трудовой коллектив, семью. Их позицию крепят Анпилов и другие правые.

VI съезд народных депутатов России не вполне оправдал надежды противников перемен, как ни неистовствовали их полномочные депутаты Бабурин, Слободкин, Аксютин, Астафьев, Исаков и другие. Боже! Как они вели себя на глазах у миллионов!

Разве это оппозиция? Оппозиция, я разумею, — конструктивность, аргументированность, логичность, уважение оппонента, наконец. Мы же наблюдаем вздор.

Что же ждет нас завтра? Жизнь по закону, обязательное возмездие за его неисполнение. А пока все вместе: кто по злему умыслу, кто по равнодушию, халатности и безответственности — катится под откос...

Москва

С.КРУХМАЛЕВ

ЧУЖИХ В «ПОЛЯНАХ» НЕ БЫВАЕТ

Прочитал в 19-м номере «Столицы» статью А.Мальгина «Пир во время чу-

мы». Как точно автор ее назвал! Действительно, в бывших цеховских заведениях — пир, а на улицах в Москве — чума. Говорю не понаслышке, потому что в пансионате «Поляны», предназначенном для отдыха президентской администрации, я побывал и со всех ответственностью могу сказать: вы такого за всю вашу жизнь не видели (если, конечно, не утруждались на партийной ниве). Приезжаешь, словно как в рай. Будто не зеленые ворота, а врата вечности перед тобой открываются.

Чужих в пансионатах бывшего ЦК КПСС не бывает. Хотя ходят слухи, что один из корпусов заселен беженцами, но, по-моему, это неправда. Пансионат «Поляны» принимает отдыхающих только два дня в неделю — в субботу и воскресенье. В пятницу вечером — заезд. В остальные дни «Поляны» (ухаживаемая травка, скамеечки, столики, детский городок...) пустыют. Одна только вахтерша, обходительнейшая, надо вам сказать, женщина, печально ждет пятницы.

Кому достанутся в конце концов «Поляны» и другие цеховские пансионаты? Бог ведает. Но идея сдать их за валюту уже провалилась: не едут туда иностранцы. Главное сейчас — не допустить в цеховские ульи новых российских аппаратчиков, с одной стороны, и разворовывания партийного, а теперь государственного имущества — с другой. Надо понимать, что, дорвавшись наконец до желанной роскоши, наш народ не выдержит такого удара и первой же его мыслью будет — разрушить, сорвать, пройти по газону, разбить... Так уж мы устроены. То есть просто так — «взять и отдать» здесь не пройдет. В этом деле особый подход нужен. Как аккуратно надо обращаться с фарфором, так и с пансионатами надо не спешить, обдумать и только потом отдавать их народу. Единственное мое условие при этом процессе — и мне местечко забронировать.

Москва

А.НИКИТИН

ПРО УМНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ГЛУПЫЙ НАРОД

Сейчас развелось много доморощенных юмористов, изощряющихся в остроумии по поводу социализма, но не уточняющих при этом, что они имеют в виду: так называемый «социализм по Марксу» (точнее сказать — «большевистский» социализм) или собственно социализм как следующую за капитализмом более социально справедливую стадию развития человечества. А может, мы уже пришли к однозначному выводу, что капитализм и есть последняя, высшая стадия развития общества? Но прошу прощения: а как все же быть с социальной справедливостью? Эксплуатация-то остается! Или, как делают сейчас новые проповедники капитализма, признать ее неизбежной — и черт с ней? Нет уж, нет уж! Не хочется мириться даже с умеренной, «народной»

и любой другой эксплуатацией. Тем паче, что у нас умеренной если и запанет, то очень не скоро: уж очень мы сами неумеренные.

Дорвавшиеся до власти «так называемые демократы» всю сознательную жизнь служили верой и правдой большевизму, были его опорой и вдруг в одночасье «одемократились». И начали лепить указы один другого демократичнее. Правда, правительства у нас как не было, так и нет. Есть руководство.

Доверчив наш народ, но не безгранично. Нас всех с пеленок приучали (как метко выразился поэт): «не надо думать: с вами тот, кто все за вас решит», терроризировали, когда мы пытались что-то решать сами... и в конце концов вывели-таки новую породу — «гомо советикус». Существо равнодушное, иждивенческое, верящее в справедливого... ну, не царя, а народного героя, что ли. Который придет и все устроит по справедливости. Но в конце концов «плебс» увидит, что любой «народный герой», дорвавшись до власти и приблизившись к «общественному котлу», старается сохранить его общественным (поскольку это хорошая кормушка) и устраивает в первую очередь свои дела и дела приближенных. Тогда, я думаю, народ поймет, что надеяться надо только на себя, тогда, надеюсь, возникнет у нас истинная демократия и Россия пойдет своим путем. А «умному» правительству придется поискать себе более глупый народ.

Новокузнецк

В.ИВАНОВ

А СО МНОЙ КГБ НЕ БЕСЕДОВАЛ!

Мэр Москвы Г.Попов в интервью газете «Аргументы и факты» сказал: «Сейчас много говорят о сотрудничестве с КГБ. А я хочу спросить: мог ли кто в те годы уехать в заграничную командировку, не пройдя собеседования? Если кто-то скажет, что мог, то он врет».

Не впервые сталкиваюсь с подобными высказываниями, поэтому хочу ответить: «Могли многие! И я в том числе». В «те годы» я более десяти раз был в заграничных командировках, в основном в капстранах. И никогда не имел собеседований с сотрудниками КГБ или их уполномоченными. Лишь перед первой поездкой, в середине 60-х годов, был вызван в ЦК КПСС, где мне в составе большой группы отъезжающих дали прочесть инструкцию с советами, как вести себя за рубежом (не ходить в «злчные места», возвращаться в отель до 24 часов и т.п.).

Уверен, что причиной отсутствия интереса КГБ ко мне послужил тот факт, что, еще будучи студентом в Ленинграде, я отказался от сотрудничества с «органами», из-за чего пришлось бросить институт и устроиться рабочим. Много позже заочно я окончил другой институт.

Москва

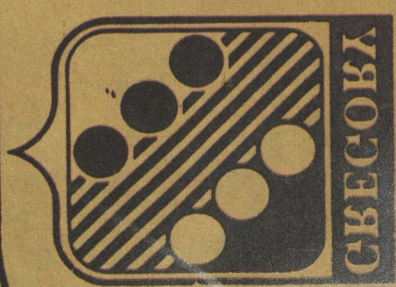
В.РАКОВСКИЙ

МЫ ВАС ПРИЯТНО УДИВИМ!

АМЧНФ

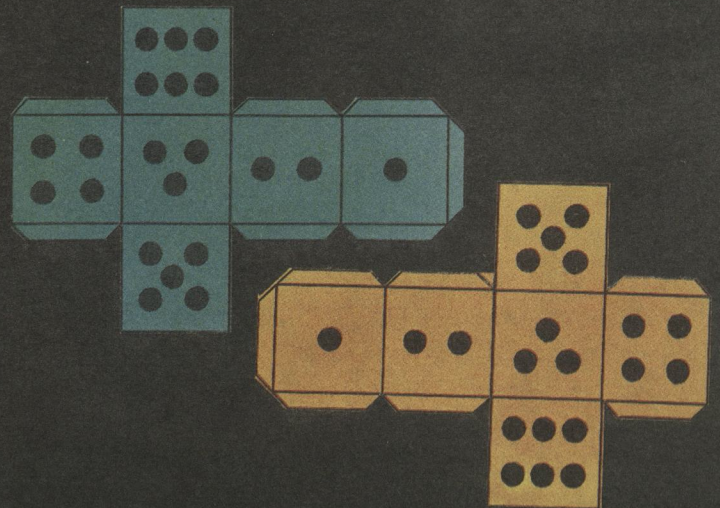
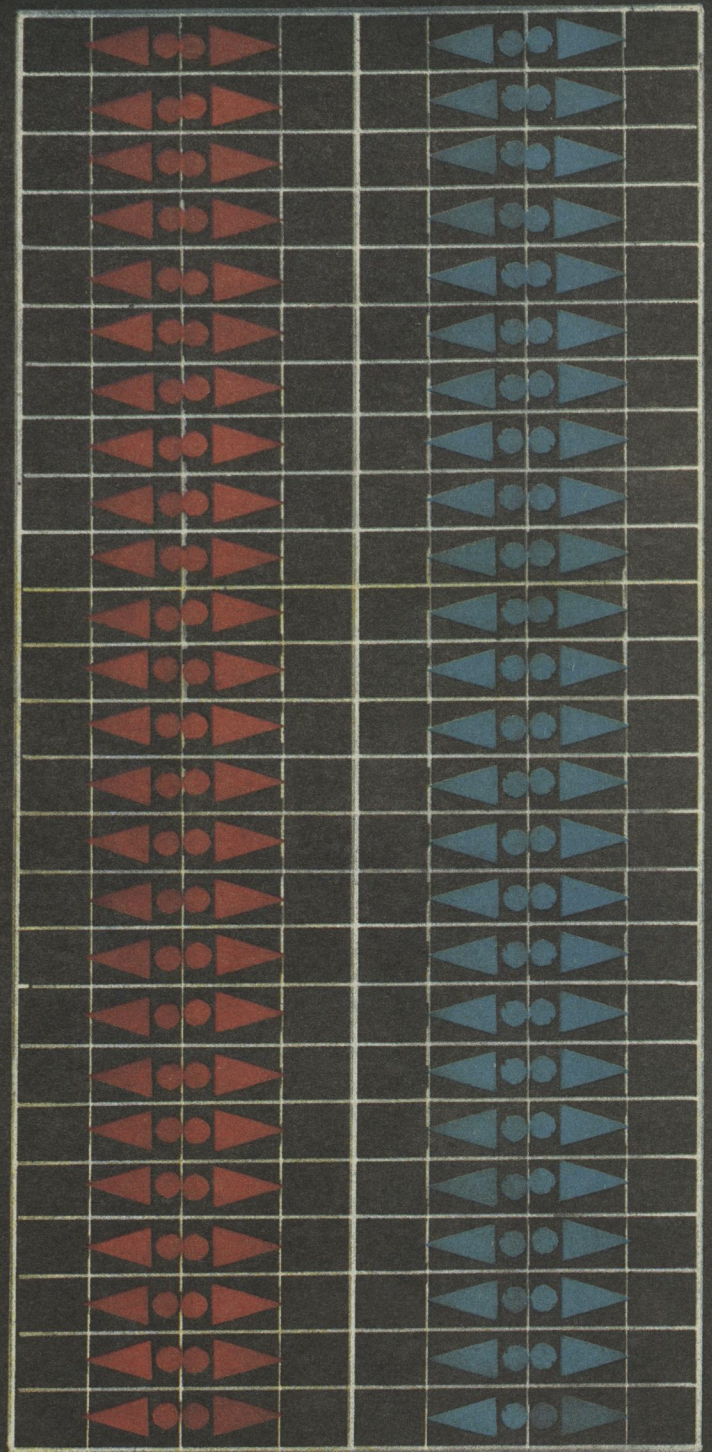
ПРОГРЕТ

- «Капитал»
- «Крестный отец»
- «Фондовая биржа»
- «Новая рулетка»
- «Криминальный квартал»
- + / представлен на вкладке /
- «Аукцион»
- «Формула 1»

Все эти настольные игры
/ в русскоязычном варианте /
в ближайшее время поступают
в свободную продажу

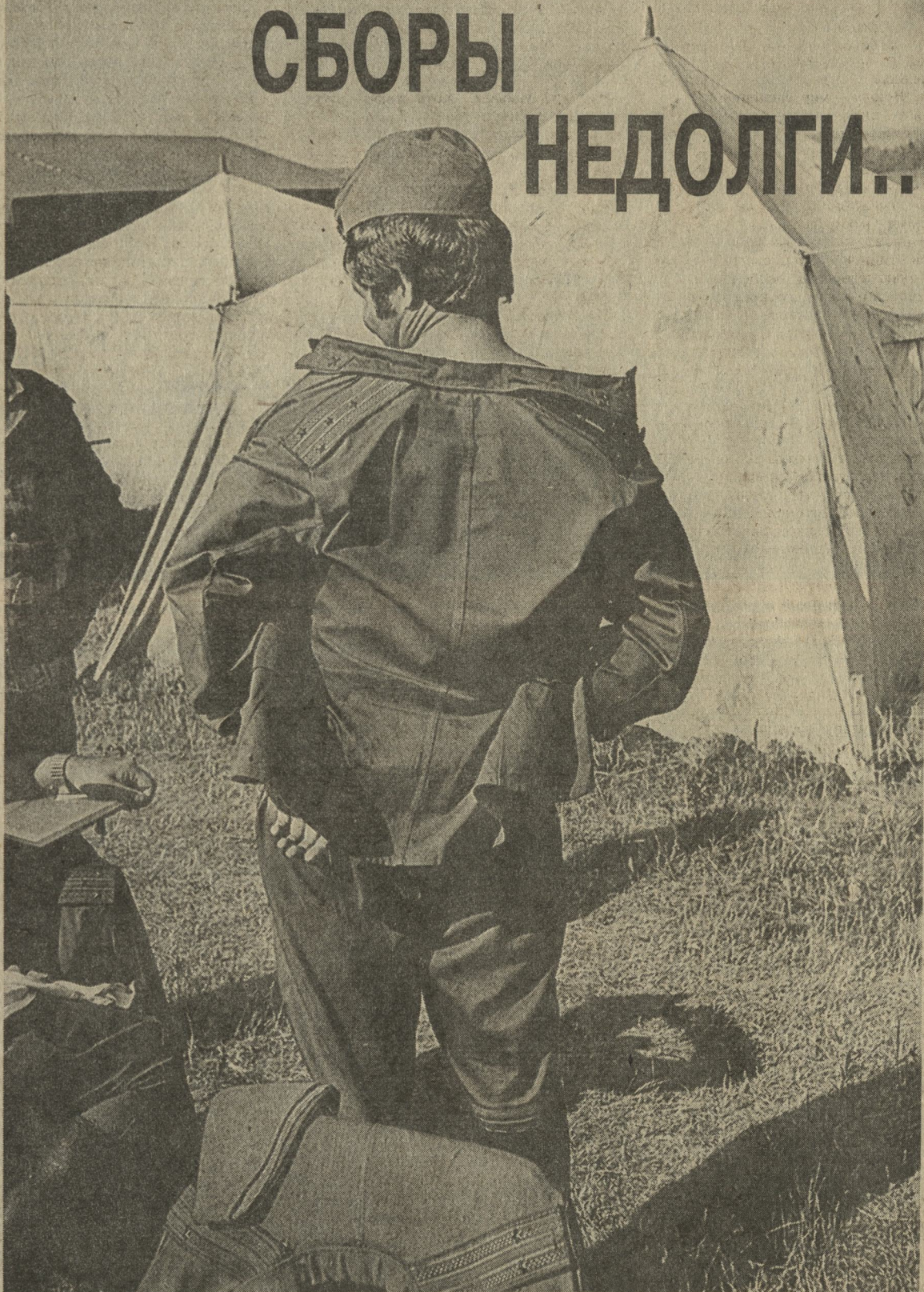
GREGORY
ФИРМА
ГРЭГОРИ

БЫЛИ

Фото С. Николаева

СБОРЫ

НЕДОЛГИ...

«ПАРТИЗАН — участник партизанской войны, боец партизанского отряда...

ПАРТИЗАНЩИНА — неорганизованные, анархические, нарушающие дисциплину действия (неодобр.).»

С.И.Ожегов
Словарь русского языка

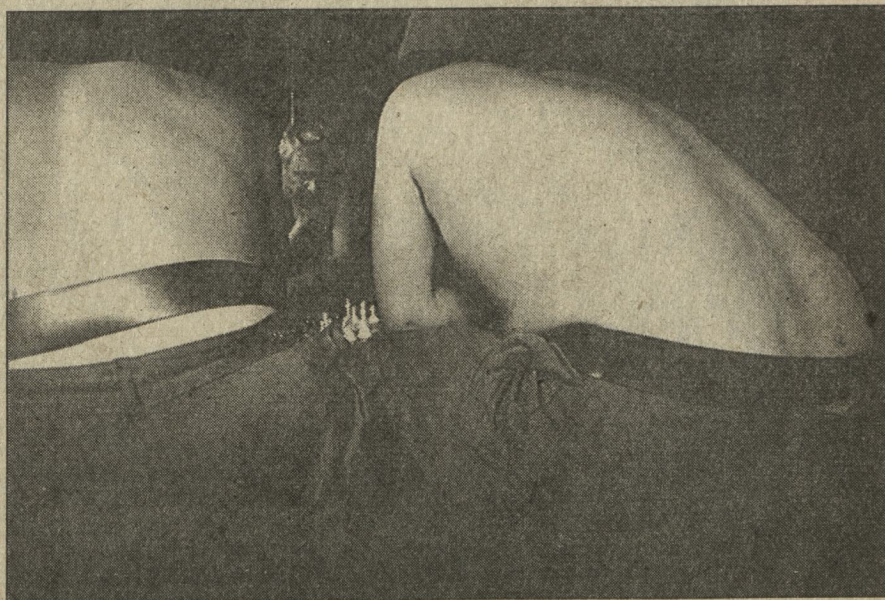
возьмись сваливается на гарнизон компания старых, толстых, подстриженных не по уставу, усатых мужиков, разгильдяев, абсолютно не приспособленных к активным боевым действиям. Мужики поселяются в казарме или в палатках на отшибе и начинают «переподготовку»: очень много спят, играют в подкидного, забива-

ют «козла», читают привезенные с «гражданки» книги и журналы, тайком пьют водочку (как Штирлиц), кадрам гарнизонных барышень и дам (как Ржевский) и при этом совершенно по-чапаевски плюют с высокой колокольни на все, что предписывают уставы. А еще иногда выполняют мелкие хозяйственные работы.

Если завтра война, если снова в поход... Не дай Бог, конечно. Но... И военкоматы трудятся в поте лица — а как же иначе? — не дают населению расслабиться, не дают забыть, что все практически мужики у нас — резервисты, военнообязанные. Обязанные воевать, иными словами.

Утром в почтовом ящике оказалась повестка. Все — в ближайшие недели ты себе не хозяин. Ты не токарь (слесарь, пекарь, инженер). Твой взвод — такой-то, твое прозвище — «партизан». Оденут в «хаки», сыграют «Прощание славянки» (ах, как сердце екнуло — будто опять на «срочную»). Вой! «партизан», служи Отечеству!

Откуда прозвище такое — не то ласковое, не то пренебрежительное — взялось? Наверное, оттуда же, откуда анекдоты про Чапаева, поручика Ржевского, Штирлица (любимые народные герои — все как на подбор военные). Что оно обозначает? В двух словах не объяснишь. Для «кадровых» это примерно так: откуда ни

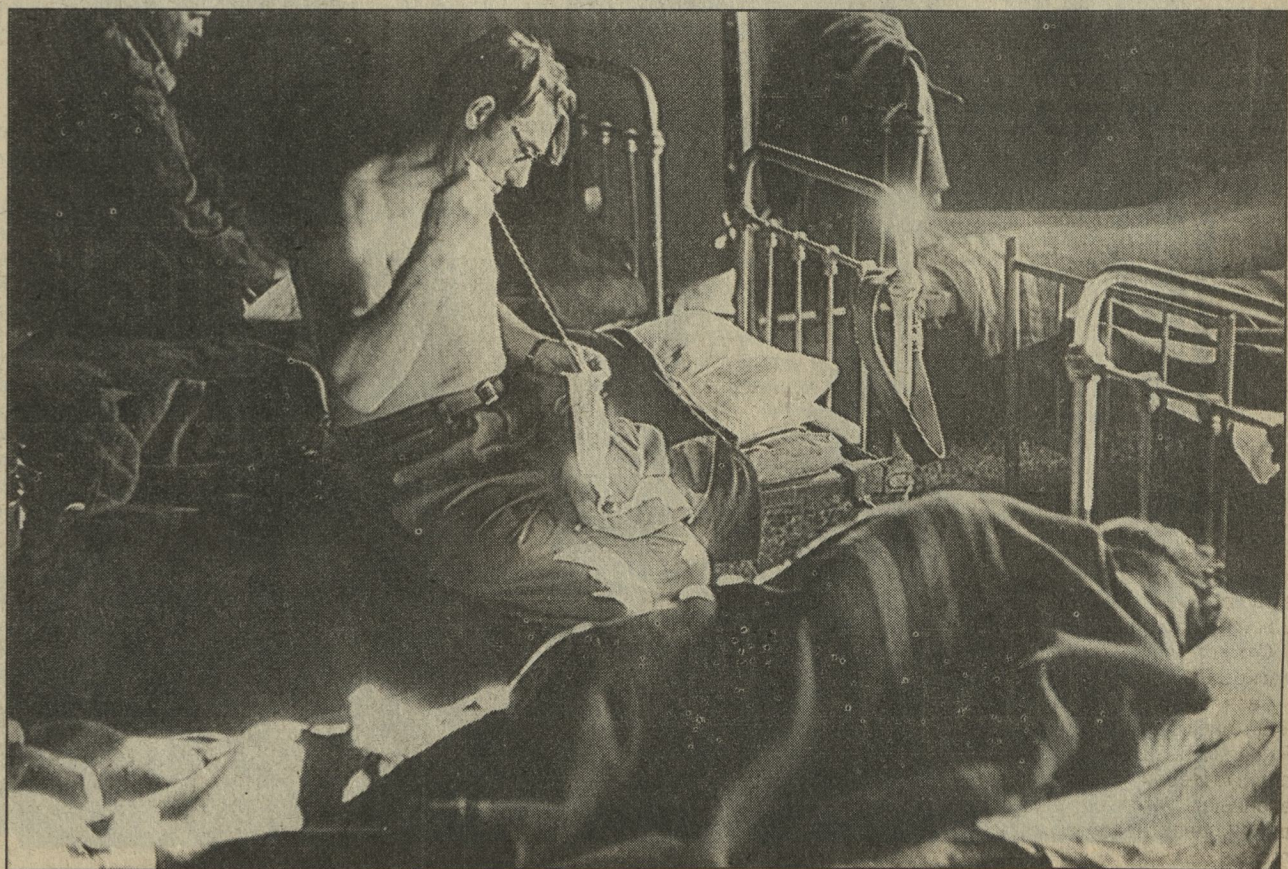

В чем заключается «переподготовка» резервистов — вряд ли ответит хоть кто-нибудь. Но в назначенный срок лейтенанты запаса станут старшими лейтенантами, старшие лейтенанты — капитанами. А со сборов вернутся загоревшие, похudevшие, отдохнувшие от своего цеха, института, семьи.

Война — это, безусловно, плохо. Но какой же русский не любит повоевать вот так, по-«партизански»? Вот поэтому, наверное, «Прощание славянки» исправно вышибает слезу из насмешливых глаз очередного поколения мужчин. «Партизан», Ржевских, Чапаевых, Штирлицев...

К.РЫБАК

Материал предоставлен фотоагентством «DIVO»

Елена АВЕРИНА

НЕЛЬЗЯ ВЫБРАСЫВАТЬ

СТАРЫЕ КУКЛЫ

Елена Советова со своими «детьми»

Посещать «Детский мир» и отделы игрушек в магазинах стало тоскливо. Особенно с детьми. Особенно когда проходишь по рядам с коммерческими и дидактическими играми типа «Естественный отбор». А потом в поле зрения ребенка обязательно попадает Барби или Синди. И как же им не попасть в поле зрения, если, кроме этих самых Синди-Барби, суровых дидактических игр и дорогих страшеньких машин, магазин ничего не предлагает. Дети кланчат: «Купи!» — в то время как у родителей, так же как и у дедушек с бабушками, эмоциональное начало борется с рациональным, и последнее, как правило, побеждает. Родители предпочитают выразить любовь к чаду каким-нибудь неденежным способом: например, обещанием купить игрушку в другой раз. При этом родители со светлой грустью вспоминают собственное детство. И хочется им вернуть прошлое не потому, что куклы тогда стоили в пределах червонца, а потому, что они были лучше, обаятельнее, симпатичнее, интереснее нынешних — прекрасных и недоступных, как звезды.

И завидуют, завидуют мамы и бабушки тем, кто может сделать куклу своими руками — такую, какую захочет.

У Елены Советовой сто сорок кукол «собственного производства». Недавно они демонстрировались на выставке в Солнцево. Люди смотрели и удивлялись: а ведь сделать такое не так трудно. Чуть-чуть умения, чуть-чуть таланта, кучка лоскутков, нитки...

— У меня три, так сказать, серии кукол: мягкая игрушка, куклы из папье-маше и куклы, сделанные из старых, сломанных. Для таких достать «исходный материал» проще всего: много старых кукол осталось — спасибо маме — после меня, иногда друзья приносят. Часто нахожу голых лысых кукол на улице. Вообще, когда я вижу куклу, торчащих вверх ногами из мусорного ящика, сердце кровью обливается. Ведь есть вещи, которые делать нельзя. Я считаю, что выбрасывать старые куклы кощунственно. Я реставрирую их, подкрашиваю и использую их детали. Из деталей старых кукол получаются прекрасные «бабы на чайники», но можно сделать и совершенно новую куклу — с другим характером. Например, моей Тетке Чарлея я приделала голову от сломанного Карлсона. Такую куклу может сделать каждый, кто хоть немного умеет шить. Чтобы сделать мягкую игрушку, достаточно три-

четыре дня. Правда, очень трудно с материалом. По идее, их надо набивать ватой... Хотя был еще один замечательный набивочный материал — мочалка по 17 копеек. Из нее и «волосы» хорошо получались, и «шерсть». Но сейчас этой мочалки нет ни за рубль семьдесят, ни за сто семьдесят рублей. Можно набивать обрезками ткани — но не всякую игрушку. Декоративную подушку, например, таким образом не сделаешь.

— Вы рассказываете, что это так легко, а на Арбате и в Измайлово самодельные игрушки стоят бешеных денег.

— Там, как известно, в основном продается товар для иностранцев — куклы в народном стиле. Я однажды тоже решила сделать такую куклу, и даже начала, но быстро поняла, что для этого надо сперва долго сидеть в библиотеке. А вообще по нынешним ценам сделать игрушку не так уж дешево: большая кукла из папье-маше обходится рублем в двести плюс одежда. Примерно столько же уйдет на мягкую игрушку с хорошей набивкой.

— А вы пробовали делать кукол на продажу?

— Пробовала, когда в семье был «финансовый кризис», но ничего хорошего из

этого не вышло, потому что работа в самом начале застопорилась. А потом я решила, что вещь можно никому не продавать и оставить дома. Все сразу стало получаться, и через два дня была готова одна из самых любимых моих кукол. Вот сейчас я выполняю очень интересный заказ. Одна женщина принесла мне куклу, которую ее бабушка выиграла в лотерею на трехсотлетие Дома Романовых. Эта красавица вполноту человеческого роста, с фарфоровой головой. Ее надо совсем немного подреставрировать и одеть. Причем одеть, сами понимаете, не в лоскутки. Когда-то давно я предложила оформить витрину в кафе «Буратино» на Арбате. Но не вышло. Сначала мне предложили продать шесть больших кукол из папье-маше за 250 рублей. Я хотела всего-навсего сдавать их в аренду. Сказали, что нельзя. А потом выяснилось, что мои куклы «не соответствуют образам»: и Пьеро им показался похожим на Емелю, и Мальвина как-то не такая. Да, мою Мальвину я сделала стервой. Так она стерва и есть, это вам каждый ребенок скажет: помните, как она учила Буратино, а потом еще наказала его. Но я не стала комплексовать по поводу «несоответствия образам», потому что дети никогда не путали моего Пьеро с Емелей, и вообще, им очень нравились куклы из серии «Золотой ключик».

— Сейчас многие делают кукол и игрушки, и то, что это хобби так распространено, — странно. Ведь, скажем прямо, от кукол в хозяйстве мало пользы. То ли дело работа с деревом: люди делают мелкую мебель, предметы быта — приятное с полезным совмещают.

— Да, куклы — это что-то вроде «искусства ради искусства». Но я не представляю нашей квартиры без кукол. Когда из ста сорока моих работ на выставку увезли восемьдесят четыре, я места себе не находила. Квартира сразу стала ужасно пустой. И на выставке они тоже, мне кажется, не очень хорошо смотрелись. Дело в том, что дома для каждой куклы есть свое место, для определенного места большинство кукол и делалось. Снежный человек Коля был сделан для угла на кухне, барон Мюнхгаузен — для серванта, ведьма на метле — для люстры, змея — для наших замечательных труб под потолком. Я не могу спокойно видеть голые стены и углы, поэтому куклы у нас висят, сидят и стоят везде: свободного места в квартире нет.

— Если бы вы управляли фабрикой игрушек, каких кукол делали бы под вашим «чутким руководством»?

— С выражением на мордочках. Пусть эти куклы будут на лицо уродцами, но пусть их рожицы что-то выражают: восторг, изумление, хитрость. С такими куклами детям интересно...

Фото Э.Кудрявицкого

Евгений СТЕПАНОВ

БАКУ БЕЗ ЛИНИИ ФРОНТА

Когда я брожу по узеньким, точно прищур китаяца, старинным улочкам Баку (помните «Бриллиантовую руку»? Это здесь снимали!), когда я вижу в роскошных дворах этого города вывешенное белье — веревка протянута от одного дома к другому! — когда мы встречаемся с друзьями на веселой пирушке и проносим в честь друг друга бесконечные — искренние! — тосты, я понимаю, что Баку, как Москва или Париж, тоже мой родной город. Баку нужно увидеть сердцем! Тогда многое станет понятно...

Конечно, сейчас Баку немножко другой, чем был прежде. Война сде-

лала свое черное дело. Ее здесь проклинают все. О чем бы вы ни заговорили с бакинцем, речь тут же перейдет на Карабах. Но в общем-то жизнь продолжается. Цены в городе ниже, чем в Москве: каравай белого хлеба, например, стоит три рубля, проезд в метро — тридцать копеек...

Баку всегда был интернациональным городом. И по-прежнему здесь много армян, русских, лезгин... Живут. Нормально живут. Никто друг в друга не стреляет. Хотя, когда мы только собирались сюда, один наш знакомый сказал: «Куда вы лезете? Уже последнего русского выгнали из Азербайджана. Опасно там сейчас». Мы

все-таки рискнули. Прилетели. И не пожалели. Ибо увидели все своими глазами. Увидели множество русских. Которые уж никак здесь не чувствуют себя национальным меньшинством. Вот картинки из бакинской жизни: идет рука об руку две подруги, русская и азербайджанка, что-то мило обсуждают. Или: русский пожилой мужчина невозмутимо отчитывает продавщицу-аборигенку за то, что та недовесила ему халвы... Согласитесь, испуганный человек — некоренной-то национальности! — в спор с продавщицей вступать не будет.

У русских в Азербайджане нет панического страха.

У азербайджанцев нет шовинистического настроения. Когда мы спрашивали у прохожих что-то по-русски, нам всегда по-русски и отвечали. С русскими хотят дружить. И простые люди, и высокие чины. Первый заместитель председателя Совета Министров Азербайджана Фейруз Мустафаев (теперь уже, правда, бывший), когда мы заговорили с ним об интернационализме (помните еще такое слово?), так разволновался, что даже отложил все свои важные совещания, долго с нами беседовал.

— Мудрейший сын азербайджанского народа Нариман Нариманов сказал, что великое счастье азербайджанцев в том, что мы связаны с русскими, с Россией. Я уверен, что так будет вечно. Мы все едины. И мы, конечно, должны развивать с Россией, с другими странами СНГ и дружеские, и экономические отношения, а не ждать гуманитарной помощи от Запада. Когда я слышу про эту гуманитарную помощь, я очень переживаю, даже потею...

Любезно нас принял и президент государственного концерна «Азербайджаннефть» Санан Али-заде. Разговаривали тоже о российско-азербайджанских отношениях.

— Сейчас мы в Россию нефть не продаем, — грустно заметил Санан Али-заде, — увы, за рубли продавать никак не можем. Республика и отрасли крайне нуждаются в валюте. Однако возможны между нашими странами бартерные обмены. В подобные отношения мы сейчас вступаем, например, с прибалтийскими государствами. Хотели бы вступить и с вашей страной. Мы отдаем себе отчет в том, что Россия — великий сосед. И традиционно дружеские отношения между нашими государствами должны развиваться.

Приятно такое слышать? Лично мне приятно. Но еще приятнее было, когда рабочие с нефтеразработок говорили нам о том же. И не просто говорили. Угощали тем же, что ели сами. Приглашали в гости. Все было, как в

старые добрые «застойные» времена. Монтажники Юрий Данилов и Асад Асланов даже удивились нашему вопросу о национальных проблемах в бригаде.

— Что нам делить! — воскликнули они в один голос. — Железяки вот эти, что ли?!

Трогательным был рассказ Валерия Кузнецова (из той же бригады):

— Когда начались черные январские дни, наша соседка, азербайджанка, пришла к нам домой и сказала моей маме: «Лена, если вдруг у кого-то поднимется на тебя рука, если тебя начнут выселять — уедем из Баку вместе. Я тогда скажу, что я тоже русская!»

Люди остаются людьми. Даже в экстремальных условиях. И какая по большому счету разница — в Христа вы верите или в Магомета? В Баку так говорят: лучше спать в одном доме с иноверцем, нежели с неверующим. Главное, чтобы человек ВЕРИЛ. Верил в добро. Это главная человеческая вера. У бакинцев она есть. И ниточки дружбы не рвутся. Те же нефтяники Каспия, например, по-прежнему заключают договоры на поставку тракторов, запчастей с Щекинским, Челябинским заводами. Иначе нам всем не выжить. По одиночке-то. Вот еще конкретный пример. Не бакинский, правда, но все же... Наш товарищ Сахавад Джабраилов из Ленкорани. Это рядом с иранской границей. Сахавад — директор рыбоконсервного завода. Когда мы с ним встретились, он рассказал такую печальную историю:

— Еще несколько лет назад мы выпускали семнадцать видов продукции. Сейчас — только кильку в томатном соусе. И то с перебоями. У нас есть рыба, есть томатный соус.

И больше ничего. Дефицит — алюминиевая лента, крышка, подсолнечное масло. Все это раньше поставляла Россия. А теперь — нет. Конечно, нам не отказывают прямо. Но, скажем, Дмитровский завод так взвинчивает цены на алюминиевую ленту, что это воспринимается нами как вежливый отказ. И при такой цене на ленту кильку мы должны будем продавать по пятнадцать — двадцать рублей за банку. Разве это выгодно потребителю?

Конечно, это невыгодно ни азербайджанскому, ни российскому потребителю. Как невыгоден любой разрыв экономических и человеческих связей, как невыгодна вражда.

Нужно просто увидеть друг друга сердцем. Это же так просто!

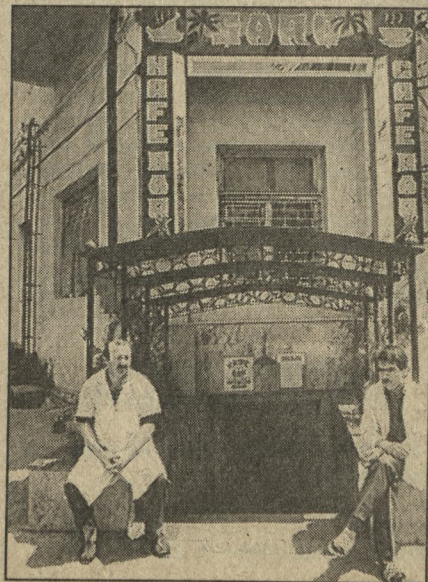
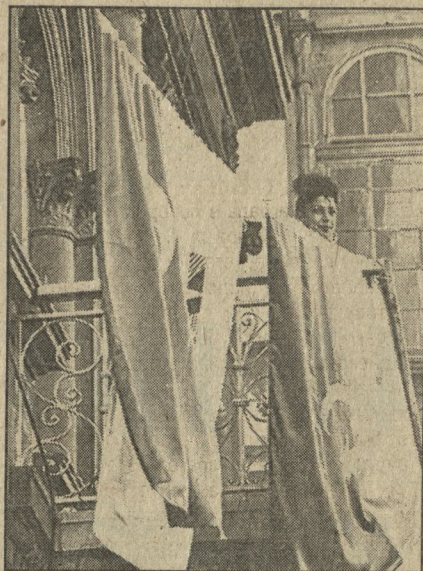

Фото И.Овича

Валерий КИЧИН

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

ПРОЛОГ: ДЕВУШКИНЫ СЛЕЗКИ И БАБУШКИНЫ ПРЕДРАССУДКИ

Люблю статьи критика Саши Киселева. Из них часто узнаешь что-нибудь интересное. На этот раз узнал, что нравственность — понятие возрастное*. Раз так, спорить не стану. Подрастет — поймет. Обидно только, что обозвал меня ни за что ни про что критиком. А я не критик, хотя и писал про кино и театр. Я журналист. Другая профессия.

Журналист в отличие от критика делает беглые и вполне тленные зарисовки быстрой действительности. И все, что себе позволяет, — это пригласить о них подумать. Любых читателей. Кроме, разумеется, критиков, которые все знают заранее и навсегда.

Впрочем, Саша Киселев — человек, безусловно, приличный. И за столом обаятельный. Он ко мне хорошо относится, и я к нему тоже. У нас просто вышла, как я узнал из его реплики-ответа, перепалка поколений. Бывает.

Эту версию, правда, нарушают многократно описанные девушкины слезки по поводу бабушкиных, казалось бы, предраассудков. Девушка почти ровесница Саше, но никак не поймет, почему он ей отказал в праве защищать свое достоинство. Наверное, возраст тут не главное. И даже профессия. Достоинство могут ненароком разменять, размыть, даже потерять и девушки, и бабушки, и большие таланты, и воинственные поклонники.

Как видите, дело идет к новым удивительным историям нашего удивительного времени.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ ТАЛАНТЫ В «БАЗАРЕ»

Это было зрелище, какого не знало мировое телевидение.

Это было наше открытие. Мы снова впереди.

Оно произошло в программе 1-го телеканала «Актёрская пасха».

В «Славянском базаре» — роскошном ресторане, где когда-то был зачат сам Художественный театр, — собрались наши кинозвезды. Им дали поесть и выпить. И они прочувствованно благодарили щедрых хозяев.

Хозяин — юный генеральный директор фирмы «Малка» — демократически сидел рядом с комедиантами. Он не держал длинных речей, не швырял тысячерублевки в камин. Он еще не чувствовал себя выше собравшихся, как полагалось бы патрицию, и пока привыкал к обществу знаменитостей, пришедших по его зову выпить за здоровье «Малки».

Кого здесь только не было! И Янковский. И Мордюкова. И Лидия Смирнова. И Майя Булгакова. Какие родные и какие забытые лица! Какие волшебные голоса, так давно не звучавшие нам с экранов. Какие имена, которые еще вчера гремели, а сегодня вспоминаются не без труда — а кто это? Ну да, тот самый, который играл в этом, как его... Знакомые все лица, но словно из другой жизни.

Жертвы кораблекрушения, наши бывлые кумиры, учителя высоких дум и чувств, были милостиво подняты на борт «Славянского базара» слегка подсушиться и обогреть душу. Но «Базар» — тот же рынок, здесь ничего не подают бесплатно. Нужно было отработать и тепло, и еду.

И напрасно всеми любимый Зиновий Гердт выразительно показывал телекамере, что икру он лично не употребляет. По глазам собравшихся, по их чуть несвязной речи и слегка потускневшей дикции было ясно, что им уже поднесли, и не единожды.

Как они благодарили! Как они кланялись в ответ! Как единодушно выражали трепетную надежду на то, что щедрые спонсоры будут и впредь так же «спонсировать» бедных деятелей искусства и не позволят им окончательно утонуть

вслед за развалившимся дредноутом совкино.

Звезды ни о чем другом не говорили, кроме как о нежно любимой ими «Малке». Было видно, что они и названия этой фирмы еще не выучили и чем она занимается — толком не знают. Они со вкусом артикулировали диковинное слово «спонсор». Они пришли, конечно, поесть и немного покалякать между собой, потому что реагировали с видимым равнодушием на самодельные концертные номера, выражавшие специфический «малкин» вкус, — но как высоко подняли одним своим присутствием реноме этих номеров и всего гей-ресторанного стиля этого удивительного шоу.

Удачно уехавший на «Свободу» Юлиан Панич призвал нарождающихся капиталистов его бывшей родины поддержать холодный очаг отечественного искусства. В его речи, в его полных муки глазах было достоинство независимого человека.

Над всем прочим реяла тень. Но не Мамонтова, а Шмаги.

Нет-нет, я не смею над печальными знаками национальной катастрофы. Катастрофа произошла не вчера. Но когда прославленные певцы и писатели вились восторженным роем вокруг руководителей родной и мудрой партии, когда «съезжались к загсу трамваи» на августейшие празднества, так хорошо впоследствии описанные Эренбургом и Тендряковым, когда повсеградно озкраненные имена украшали свадьбы партийных мафиози — мы хотя бы не видели в тот миг их лиц. Это было их интимное, их частное, не рассчитанное на созерцание. И сильные мира сего были еще достаточно целомудренны, чтобы не посвящать население в свои пиры Трималхиона.

Теперь из унижения цветов нации было сделано шикарное шоу. Олег Янковский для «Малки» был как престижный «мерседес», на котором приличествует ездить удачливому бизнесмену. Бизнесмена можно понять. Самое поразительное, что Янковский на это — пошел. И все — пошли. Говорят, Аллен Делон берет за исполь-

* См. «Столица», 1992, № 21

зование своего имени в коммерческой рекламе больше, чем за участие в фильме. Это, конечно, «их нравы». У нас, как нам теперь стало очевидно, достаточно поднести стопарик — и целое созвездие актеров первой руки будет наперебой восхвалять достоинства неведомой «Малки» с ее неясной куплей-продажей квартир. «Малке» действительно повезло: гильдия актеров Союза кинематографистов была уже давно готова на все, лишь бы кто-нибудь взял ее «в бизнес», — а «Малка» тут как тут. Честь ей и хвала. Она провернула сделку, равной которой не знают мировые акулы капитализма.

Звезды, конечно, вляпались. К сожалению, принародно. У них нет еще опыта в этом паническом движении без правил по кривым улицам нашего дикого бизнеса, и я думаю, если бы они знали, какого уровня зрелище будут являть собой на телеэкранах, наверное, благоразумно бы отказались.

Хотя это слабое утешение для профессионала. Мировое ТВ не знает прецедентов (за исключением скандальных), когда артист позволил бы себе на экране не работать, а вот так, без грима и под хмельком, публично расслабиться. Наверное, нашим кинозвездам критики слишком усердно внедряли в сознание идею максимального сближения искусства с жизнью. Они принялись и впрямь на экране — жить. И уже не впервые появляются так опасно разлученными с их возвышенным имиджем, что невольно приходит мысль о коллективном хакари.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ ПОКЛОННИКИ В СТАЕ

Коллективное хакари учинили над собою, почти одновременно, и критики. Причем тоже — вляпались, не предполагая, что станут зрелищем, колесиком и винтиком в механизме чьей-то политической игры. Что продемонстрируют разъярты на винтики и шпунтики «профессиональный процесс», отчего критика как некое священнодействие и как профессия в глазах миллионов телезрителей, я думаю, перестанет существовать.

История с запретом авторской передачи Никиты Михалкова «Перекресток» скандальна и широкоизвестна. Волею телекомпании «Останкино» она получила еще более скандальное продолжение, поставив и компанию, и втянутых ею в скандал критиков в положение целого гарнизона унтер-офицерских вдов.

И все потому, что компания больше всего боялась оскандалиться.

Погубила ее классическая ведомственная глупость, согласно которой политическое «как бы чего не вышло» необходимо камуфлировать под неустанную заботу о повышении художественного уровня. Повышение уровня — это само по себе и неплохо, но сразу возникает смешной воп-

рос о том, кому этот уровень поднять сподручнее — давно вошедшему в киноэнциклопедии режиссеру-практику или людям, пока в историю не попавшим и более знакомым с теорией, которая, мой друг, мертва. Михалков нам интересен, какой есть, — из него нет смысла делать ни критика Чекалову, ни критика Аронова. Но его обсуждали, его уравнивали с собою, его складывали по полочкам с той же ректорской дотошностью, как привыкли это делать с его фильмами. Его «прорабатывали» с упоением, какое характерно для социалистического, привыкшего к уравниловке сознания.

Критический педсовет, который был спешно создан руководством киностудии «Останкино», был, очевидно, предназначен оправдать действия компании по запрету передачи. И прежде всего — придать событию черты ЧП. Поставить зарвавшегося художника на место. Что и попытался сделать от имени компании Дмитрий Крылов; предваряя образцово-показательную порку провинившегося режиссера, он высказался в том смысле, что, если художник сам не боится вот так разоблачить свое мурло перед миллионными, пусть и берет на себя ответственность, а мы, мол, вынуждены передачу показать, ибо художник попался жутко скандальный.

Передачу показали. В издевательски позднее время: в полпервого ночи. И Дмитрий Крылова мне теперь искренне жаль: он доселе имел репутацию безупречную и в роли Стефанова (был такой бойкий репортер, властитель дум по принципу «чего изволите?») пока замечен не был.

Но еще больше жаль критиков, допустивших, изящно выражаясь, использование себя не по назначению.

Они пришли критиками, а ушли цензорами.

Собраться и обсудить передачу — это, конечно, их прямое дело — кто у нас передач не обсуждает! Но ведь заявила же Елена Чекалова, что она — профессионал и уже готова в «совете экспертов» решать, выпускать Никиту Михалкова к народу или нет. А так как, по мнению профессионала Чекаловой, Михалков сделал передачу ужасно непрофессионально, то, надо понимать, и выпускать ее — лишнее.

Комический эффект сказанного, похоже, не был достаточно прочувствован собравшимися. Когда-то я обидчиво поспорил с коллегой по перу Валерием Туровским, переадресовавшим чрезмерно самоуверенной критике знаменитое шварцевское «Тень, знай свое место!». Теперь вижу: кажется, он был прав.

Я говорю «критика», но не «критики». Критики работали добросовестно и говорили кто как умеет. Многие — умно и дельно. Многие походили на классных дам, проверяющих ошибки в диктанте. Разные были критики. Но они стали страшны, ибо здесь их согнали в стаю. Это

сделало наше многоопытное телевидение. И люди вдруг почувствовали азарт стаи, вкус того самого «гона», о котором только что горевал Никита Михалков. Они уже не слышали его, а слышали только себя, они распяляли друг друга и так славно поставили художника в угол, любо-дорого было смотреть.

Они токовали, не сознавая, что есть ситуации (как правило, официально обеспеченные и «спонсированные»), когда нормальная критическая работа невозможна и постыдна. Так, условно говоря, стыдно было анализировать несовершенства романной формы «Доктора Живаго» в момент, когда автора гнали взащей из благодарной страны.

Они говорили о недостатках и просчетах, отлично понимая, что запретили передачу вовсе не за это.

Так разворачивались события на телеэкране. Потом мне объясняли, как сноровисто выстригло ТВ все главное, что говорилось о постыдном факте запрета. И как бережно сохранило для вечности все, что было адресовано неумелому, непрофессиональному, заносчивому, только себя любящему Михалкову.

Критиков использовали, их снова использовали.

Но что ж это наших замечательных интеллигентов все время кто-нибудь использует не по назначению? То партия-правительство, государство в личных целях. То сильный мира сего чиновник. То рынок. По щучьему велению, по моему хотению — и вот они, как лист перед травой. Может, в нашей интеллигентности есть какой-то изъян?

Критики отработали свой хлеб, в экстазе учинив себе, на манер секты Мэнсона, коллективное самоубийство. Мир, праху, как говорится. От передачи уже та была польза, что она невероятно подняла авторитет Михалкова. Ибо, повторяю, слишком напоминала, если не повторяла, знаменитые «проработки», свойственные иным временам, да теперь уже и иной стране. Только повторяла на каком-то совсем убогом уровне.

Ну, никак не можем мы ухватить за хвост жар-птицу, о которой где-то читали, — птицу Достоинство. То числим ее по рангу мифа. То по разряду устаревшего излишества наподобие смешного и кокетливого архитектурного рококо.

Как ухватим — оттолкнемся от дна-трясины. А пока, вопреки названию замечательной пьесы о последних мучениях дедушки Ленина, получается: глубже, глубже, глубже...

Фото В. Кантора

А ДУШУ НЕЛЬЗЯ ЛИШИТЬ ДВИЖЕНИЯ...

«Благотворительность — мощь, лицемерно оказываемая представителями господствующих классов эксплуататорского общества некоторой части неимущего населения с целью обмана трудящихся и отвлечения их от классовой борьбы». Большая Советская Энциклопедия, издание второе, том 5. В третье издание БСЭ понятия «благотворительность», «милосердие» не входят. Отсутствуют они и в указателях произведений классиков марксизма-ленинизма, хотя, что по этому поводу думали классики, выяснить нетрудно — жалкая подачка, средство обмана и притупления классового сознания трудящихся. Возможно, они и изменили бы свое мнение, узнав, сколько теперь в стране людей, нуждающихся в «подачке», в помощи, в милосердии. Но что теперь делать нам, забывшим эти понятия? Учиться, учиться, учиться. И учат нас приезжающие из-за рубежа, те, для кого благотворительность — смысл жизни, профессия, судьба. Целую неделю провела в Москве удивительная женщина — Джони Эриксон-Тада.

Первое, на что обращаешь внимание в ее облике, — то, как прямо и гордо держит она голову. Двадцать пять лет назад Джони Эриксон, вчерашняя школьница из Мэриленда, сломала шейные позвонки. Неудачный прыжок в воду сделал ее, стремительную и спортивную, инвалидом — почти полностью лишил движения и руки, и ноги. Очевидно, только душу нельзя лишить движения. И эту истину американка несет по всему свету — в проповедях, книгах, картинах, которые она рисует, зажав зубами кисть или карандаш, в песнях, записанных на пластинки.

Девочку назвали Джоанной, но отец за неумный нрав и мужской характер прозвал ее Джони. Теперь это имя знает не

только Америка, где Эриксон-Тада входит в Национальный совет по делам инвалидов при президенте Буше и представляет свою страну в комиссии ООН. Существует общество «Джони и ее друзья», созданное в помощь тем, кто получил жестокую травму, их семьям. Джони слишком хорошо знает, что пережила ее семья, чуть не потерявшая дочь, помогавшая девушке вновь обрести себя в беспомощности. Об этом трудном пути снят фильм «Джони», в котором она согласилась сыграть саму себя. А сыграть это — все равно что вновь пережить. Премьера фильма состоялась недавно в Доме кино, одновременно в Большом и Белом залах, потому что в один зал не поместились все зрители. А теперь фильм вышел в широкий прокат.

Она считает, что обрести себя ей помог Бог. Она рассказывает о себе спокойно и твердо, не скрывая пережитого и чуть смягчая рассказ иронией. В наше время трудно ошеломить сенсацией, но простое повествование Джони способно привлечь внимание любой аудитории в залах любых масштабов — от дворца спорта «Динамо» до гостиничного холла. Конечно, прежде всего она обращается к инвалидам. «Когда все это случилось, мы были в шоке, и я, и моя семья. Так же, как все семьи пострадавших, с которыми я встречалась. Несчастье не знает дискриминации. И в наших больницах я видела людей после внезапной травмы и их родных, которые все время проводили рядом».

Она не говорит «мужайтесь», но облик, жестом, улыбкой, блеском глаз под-

тверждает: да, есть надежда. Возможно, потому ее хочется слушать. На пресс-конференции Джони едва справилась с волнением. Накануне она побывала в нашей больнице, но не делала выводов о российской бедности и неустроенности. Ее поразило другое: лицо парня с Кавказа, раненного в позвоночник на собственной свадьбе. «Я узнала себя, свое лицо». На секунду голос ее прервался.

Америка не всегда была милосердной — Джони напоминает об этом. Закон о защите инвалидов был принят лишь в 1990 году. Пятьдесят лет огромная страна шла к этому закону, и настаивали на его принятии прежде всего те, кто был в нем заинтересован. Объединяйтесь и учитесь защищать свои права, сказала Джони представителям ассоциаций инвалидов. Не ждите, что мир изменится в лучшую сторону моментально. Можно принять закон, защищающий права инвалидов, но нельзя научить любви и состраданию всех сразу.

А что с союзным законом о социальной защищенности инвалидов, принятым в конце 1990 года? Что-то не видно обещанных в нем пандусов и автобусов с подъемниками для коляски. Константин Лубенченко, руководитель Парламентского центра Российской Федерации, полагает, что опубликованный в 1990 году союзный закон можно взять за основу для разработки соответствующего закона России, и не отрицает, что инвалиды могли бы принять участие в его обсуждении. Должно быть лобби инвалидов в Верховном Совете, которое вместе с комиссией по правам человека преодолет дискриминацию людей с физическими недостатками в обществе. Когда президент Буш подписывал закон об инвалидах, рядом с его столом сидели в колясках люди, много сделавшие для принятия этого закона, а за спиной стояла миссис Пириня — мать двоих детей-инвалидов, возглавляющая ассоциацию родителей. Так будет и у нас? Возможно, если КЛубенченко и депутаты встречались с Джони Эриксон не из праздного любопытства.

...Она бесшумно подъезжает к микрофону... Немедленно рядом вырастает Кен Тада — муж и друг, к чьим моментальным появлениям за неделю привыкли все, кто окружал ее в эти дни. Джони благодарит миссию «Возрождение», пригласившую ее в нашу страну, благодарит министра социальной защиты населения Эллу Панфилову, пришедшую со словами приветствия. Она уезжает, оставляя фильм, картины — удивительно ясные, выпукло выписанные, свои слова. Пусть они приезжают как можно чаще и собирают полные аудитории, миссионеры с Запада, деятельные, уверенные, милосердные. Может быть, вспомним и мы, что когда-то было в нас национальной чертой, да оказалось забытым.

Ксения КЛИМОВА

Любые почтовые услуги! В любую точку мира!

ГПС «Московский почтамт» предоставит услуги по упаковке и отправке вашей продукции в неограниченном количестве.

Контактные телефоны: 925-46-71, 923-36-17, 925-23-16

Дорогие друзья!

Ассоциация молодых инвалидов России «Аппарель» и Международная организация помощи инвалидам «Мобилити Интернейшл» с 25 июля по 2 августа 1992 года проводят Первый международный фестиваль молодых инвалидов. В фестивале примут участие инвалиды из более чем 30 стран мира. Проведение фестиваля поддержано правительством России и Москвы. Мы будем рады рассмотреть любые предложения, связанные с проведением и участием в фестивале.

ГОСПОДА СПОНСОРЫ!

Вам предоставляется уникальная возможность проявить акт милосердия и благотворительности. Мы будем очень признательны за любое ваше участие в этом знаменательном форуме.

Телефон для справок: 157-73-27
Адрес: 125057, Москва, ул. Острякова, 3.

«МАЛЕКС»

Квартира или деньги?

Облигационные сертификаты «Малекс» — это и то и другое!

100% годовых и гарантия получения квартиры через 5 лет.

Кроме того, предприятиям, организациям и частным лицам предоставляем краткосрочный кредит.

Все подробности по телефону:
489-05-53

Звоните, господа!

Меняю комнату (15 кв.м, ст. м. «Чистые пруды») на однокомнатную квартиру.
Тел. 162-16-06, с 18.00 до 21.00, Лидия Павловна.

ВНИМАНИЕ — ИДЕТ ПОДПИСКА

Московское издательство «Аспект Пресс» приступило к выпуску факсимильного издания самого крупного биографического словаря России, основанного на кропотливых изысканиях ученых — Русского биографического словаря, его первое издание было осуществлено в период с 1896 по 1918 год под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. Издание включает более 40000 биографий российских государственных деятелей, ученых, инженеров, военных, врачей, путешественников, музыкантов, литераторов, художников, всех тех, кто возвел и прославил Россию с древнейших времен до начала XX века. Издание фактически является Историей Государства Российского. Будут изданы вышедшие ранее 25 томов и 2 дополнительных тома, оставшиеся в гранках. Объем томов 400—900 страниц энциклопедического формата. Стоимость одного тома 250—350 рублей (при получении книг в издательстве). Первые два тома уже вышли в свет. Издание распространяется только по подписке. Тираж ограничен. Для получения первых двух томов почтой необходимо перечислить соответственно 290 и 415 рублей (с почтовыми расходами) на р/с 1609298 в Куйбышевском филиале МИНБ г.Москвы МФО 201252 и направить свою заявку с указанием точного почтового адреса и квитанцией или копией почтового перевода по адресу: 111398, Москва, ул. Плеханова, дом 23, корп.3. Контактные телефоны: 309-47-15 и 309-36-00.

Продаю стекла «Хамелеон», очки женские (итал.) —1,5 D и —2,5 D.
Тел. 489-24-65

Уважаемые господа! Мы рады пригласить Вас в теннисный клуб «ЛИАНОЗОВО»!

В его составе: высококачественные корты с синтетическим покрытием, тренировочная стенка, комфортабельная сауна, массажный и косметический салоны, парикмахерская, кафе.

К Вашим услугам тренеры и спарринг-партнеры, прокат ракеток и мячей.

Звоните прямо сейчас, и Вам гарантирован великолепный отдых!

Тел. 909-30-11

Кадр из фильма

СЮЖЕТ ДЛЯ АМЕРИКАНЦЕВ

«Миф о Леониде»
«Ленфильм»,
реж. Д. Долинин

Лучше всего в этом фильме титр «Конец». Это единственное, от чего получаешь искреннее и долгожданное (полтора часа) удовольствие. Вождельный титр венчает безнадежно пресное, тягучее действо, в которое его авторы ухитрились превратить один из готовых супертриллеров отечественной истории — заговор, связанный с убийством Кирова. Какой захватывающий фильм сделали бы из таких исходных американцы! Представляете — черная ворожба, творящаяся вокруг маленького, обиженного на жизнь, закомплексованного человечка, которого заговорщики «втемную» выбирают на роль убийцы и расчетливо и цинично загоняют в угол, превращая из полусумасшедшего в сумасшедшего, так и не понявшего, что его использовали; уничтожение после убийства не только самого убийцы, но и его жены, родственников, знакомых, знакомых знакомых; уничтожение самих заговорщиков — из низшего звена; уничтожение вообще всех, кто что-то мог видеть или знать... Да, но то — американцы. Хорошая кухарка умеет приготовить вкусное блюдо и из средних продуктов. Но что сказать о той, которая имела первоклассные и превратила их в нечто вообще несъедобное?

Т.С.

ГАРМОНИЯ АЛГЕБРЫ

Ретроспективная выставка Э.Штейнберга
Третьяковская галерея

Скажи кому-нибудь лет 20 назад, что выставка работ Эдуарда Штейнберга пройдет в Третьяковской галерее, это было бы воспринято как жестокая шутка. Тогда, во времена бульдозерных экспозиций и тусовок в павильоне «Пчеловодство», его работы именовались, «с позволения сказать, произведениями искусства, не несущими изобразительного начала», автор которых «противопоставляет себя современности, ее морали и законам». Самое забавное, что тогдашние обличители были не так уж неправы. Конечно, Шварцман, Вейсберг, Соостер, Янкилевский, Краснопевцев, Рабин, Немухин, Харитонов и Штейнберг, которых принято называть «метафизическим направлением», и многие другие художники, заклеенные словом «авангардисты», противопоставляли себя тогдашней официальной нравственности, морали и законам, находились в оппозиции к злобе дня и духу времени. Их гораздо больше занимали вечные проблемы и углубление личного контекста. На сегодняшней выставке Штейнберга (которая была подготовлена с помощью галереи «Московская коллекция» и к которой была выпущена замечательная монография о художнике, наконец-то продолжающая русскую книгу длинный библиографический перечень названий почти сплошь на чужих языках)

Э.Штейнберг. Коллаж
с цифрами

представлена довольно полная ретроспектива его работ за 30 лет: периоды хаотичного метапейзажа, белой метагеометрии и деревенских числовых построений. И видно, как через алгебру просвечивает гармония, серебряный век русской философии, увиденный через «икону нашего времени» — великий квадрат К.Малевича. Все это замечательно, но не дает покоя одна мысль — первая государственная галерея наконец признала мэтров «другого искусства» (что, в общем-то, нетрудно сделать, когда они уже признаны официально), а вот сколько придется стоять в очереди на «персоналку» сегодняшним молодым и ни на кого не похожим?

Марина КАМИНАРСКАЯ

КВАЧИ — ЭТО НЕ ПТИЦЫ

«Здрасьте, на фиг!»
Передача на SNC-радио

Они работают на независимой музыкальной радиостанции SNC и дурят всем головы, давая слушателям отдых после многочисленных серьезных голосов в эфире. Они — это квачи: Акакий Назарович Зернбернштейн и Торвлябнор Петрович Луздой. К тому же они разрабатывают «мотологическую доктрину», только не надо спрашивать, что это такое. Еще они играют в рок-группе «Тайм-аут». А еще, между прочим, закончены работы по изготовлению огромной статуи из пластилина, изображающей Акакия. По идее, она должна быть установлена на крыше мавзолея... То, что квачи делают на радио, — это тоже огромный пласт их активной мозговой деятельности: издевательства над опостылевшей всем телерекламой, похрюкивание и попукивание на всю Москву, Санкт-Петербург и прилежащие к ним губернии, дурацкие загадки с не менее дурацкими отгадками и многое другое. Кто-то может подумать, что это глупо и никому не нужно. Однако у квачей, например, появились

«косари», то есть люди, использующие их шуточки как свои. В какой-то газете про них даже написали, что Квачи — это такие птицы (видимо, исходили из крылатой фразы: «Весна наступила — квачи прилетели»). А квач — это, между прочим, вовсе не птица и даже не человек, а... малярная кисть.

Максим ТУРОВСКИЙ

СРОК ДОЛОГ, ИСКУССТВО ВЕЧНО

«Право и беспредел в зеркале искусства»
ВДНХ, павильон
«Культура»

...Милиционеры, между прочим, тоже не прочь иной раз взять в руки кисти. А там, глядишь, и натюрморт выйдет. То есть непременно выйдет. Иначе что бы вывешивали на ВДНХ в павильоне «Культура»? Кроме «милицейской» живописи глаз радуют холсты прокуроров, адвокатов, судей и прочих сотрудников компетентных органов. (Сколько многообразна, однако, их компетентность.) Эски, как известно, тоже без дела не сидят: выпиливают, строгают, вырезают, рисуют опять-таки. Этот культурный пласт не обойден вниманием на выставке, потому экспозиция в целом получила название «Право и беспредел в зеркале искусства». Кстати, работы и тех и других здесь же продаются. Деньги пойдут, главным образом, в правоохранительные органы. Может, так и надо, но за уголовников-эстетов обидно — им достанутся крохи. Так, разве что на чифирь. ...На представлении (не презентации) выставки один из строителей поделился сокровенной своей мечтой: сколотить из эзков ансамбль и пустить его по концертным залам и стадионам, чтобы слушал народ тягостные песни, тюремный фольклор. А менеджером, продолжаю я чужую мысль, назначить преуспевающего Юрия Айзеншписа. Он сам срок мотал, дело знает.

Алексей БЕЛЯКОВ

УМИРАЯ — УМИРАЙ

**«Сирано де Бержерак»
«Сатирикон» и театр
Антон Чехова,
реж. Л.Трушкин**

Бедные мы бедные! Если так выглядит зрелище, о котором все знающий про чужие деньги «Коммерсантъ» важно сообщил, что это один из самых дорогих спектаклей последнего времени... Беда! Невозможно же предположить, что кургузое гипюровое платьишко с дешевыми блестками представляется постановщикам изысканным туалетом богатой молодой красавицы, каковой по пьесе является Роксана. А обувь, каждая пара которой, по «Коммерсанту», стоила 10 тысяч рублей?! Не знаю — то ли «Коммерсантъ» врет, то ли и за такие деньги ничего путного нынче нельзя сделать, но только вопиющая топорность этой «роскошной» обуви бросалась в глаза с моего шестого ряда. Ну а уж от бутафорских пирожков и обмотанных бечевкой бутылок (наивная домашняя хитрость, призванная скрыть их современное и

режиссерское решение, принято дипломатично говорить, что «постановщик умер в актерах»). Поначалу так кажется и в этом спектакле. Потом так уже совсем не кажется, но об этом после. «Смерть» режиссера явно идет на пользу К.Райкину, которому, по-моему, режиссер просто не нужен. Магнетически-притягательный, непредсказуемый, азартный, отточенно-пластичный, наконец, умный, что для роли Сирано, прямо скажем, немаловажно, он (но, увы, только он) играет на уровне умницы Ростана. Что же касается «смерти» постановщика, то — нет, весь он не умер: во-первых, не слабо укоротил пьеску (два часа без антракта), во-вторых, нисколько не слабее подработал сюжетец. Скажем, если по Ростану соперник Сирано, красавец Кристиан, погибал в бою, то по Трушкину он кончает с собой. В программе это обозначено как «версия». Таким образом, режиссер сначала было умер, потом ожил, но лишь для того, чтобы, как и Кристиан, в его версии, покончить с собой. Ибо что еще как не самоубийство — соревноваться с Ростаном, кто лучше сочинит? Если у Л.Трушкина есть сомнения в исходе этого поединка, то его совсем жаль: представляю, с каким сладострастным удовольствием литературоведы разъяснят ему его трагическое заблуждение.

Татьяна САВИЦКАЯ

ПОЭТОМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ?

**Журнал «Кастальский
ключ», № 1, 1992 г.**

Пока хламопотам Союза графоманов с типичным чайничником упорством обходит редакции, хлопоча об издании своего журнала и ища помощи и рекламы, нашлись другие люди, которые без шума, помпы и разговоров о тяжелой судьбе непризнанных талантов позаботились о всех самодеятельных поэтах. Под эгидой фирмы «Гольфстрим» выпущен

первый номер ежемесячного поэтического журнала «Кастальский ключ». Издатели воплотили в жизнь простую, но отличную — одновременно рыночную и гуманную — идею: печатать стихи желающих за их очень небольшие (5 рублей за строку — дешевле булки) деньги. Из Кастальского ключа — источника вдохновения, в котором, согласно мифу, жрицы Аполлона омывали свои власы, — утоляли поэтическую жажду многие, увы, мало из них оказались избранных. Кстати, не все избранные в профессионалы действительно того достойны, а у самодеятельных поэтов встречаются не только прекрасные строчки, но и целые стихи. Есть они и в первом номере «Кастальского ключа», который готов взять на себя фантастически тяжелую задачу — бесплатно издать первую книгу стихов победителя конкурса читательских симпатий. Хотя в большинстве вирши довольно слабые и удивительно похожие друг на друга. Конечно, первый выпуск не обошелся и без огрехов: менялось название издания и фирмы, росли цены, журнал искал свое оформление, и, к прискорбию, все метаморфозы нашли отражение на страницах номера (внутри и на обложке указаны разные стоимости, нет обещанной фотографии на второй полосе обложки и т.д.). Так бывает, когда журнал делает практически один человек и у него на все просто не хватает сил. Догадка подтверждается и единым тоном и стилем аннотаций и статей, на мой вкус, слегка слащавых и излишне восторженных. Впрочем, стилевое единство это на самом деле хорошо. Думаю, что со временем «ляпов» станет меньше, а тон — спокойнее просто от усталости: ведь людей, пишущих стихи, очень-очень много, и они должны обрадоваться журналу, где их не называют графоманами, даже разъясняя, что в этом слове нет ничего обидного. За свои деньги человек имеет право на уважение.

М.К.

P.S.

Больше полугодом с завидным постоянством в галерее в Трехпрудном переулке каждый (!) четверг проводятся акции и сейшены, живо доказывающие, что грань между искусством и жизнью весьма эфемерна. Кое-что объяснить в этом вопросе наверняка сможет акция искусствоведа М.Боде, так и называющаяся — «Об искусстве». Для пущей убедительности в галерею доставлен самогонный аппарат.

Как мы уже писали, известный режиссер К.Гинкас репетирует «Кастальского ключа», который готов взять на себя фантастически тяжелую задачу — бесплатно издать первую книгу стихов победителя конкурса читательских симпатий. Хотя в большинстве вирши довольно слабые и удивительно похожие друг на друга. Конечно, первый выпуск не обошелся и без огрехов: менялось название издания и фирмы, росли цены, журнал искал свое оформление, и, к прискорбию, все метаморфозы нашли отражение на страницах номера (внутри и на обложке указаны разные стоимости, нет обещанной фотографии на второй полосе обложки и т.д.). Так бывает, когда журнал делает практически один человек и у него на все просто не хватает сил. Догадка подтверждается и единым тоном и стилем аннотаций и статей, на мой вкус, слегка слащавых и излишне восторженных. Впрочем, стилевое единство это на самом деле хорошо. Думаю, что со временем «ляпов» станет меньше, а тон — спокойнее просто от усталости: ведь людей, пишущих стихи, очень-очень много, и они должны обрадоваться журналу, где их не называют графоманами, даже разъясняя, что в этом слове нет ничего обидного. За свои деньги человек имеет право на уважение.

Бывший тренер и пресс-секретарь В.Корчного Эдуард Штейн, теперь главный редактор нью-йоркского издательства «Антиквариат», разрабатывает проект совместного с Россией издания антологии эмигрантской культуры, где впервые в нашей стране собирается опубликовать фашистские стихи классика русской поэзии Арсения Несмелого.

Возможно, в следующем сезоне кинорежиссер Валерий Огородников («Бумажные глаза Пришвина» и др.) будет ставить оперу в Музыкальном театре им. Станиславского и Немировича-Данченко. А сейчас он репетирует собственную пьесу в театре Петера Штайна в Германии, где теперь живет, получив стипендию Института Гете.

Фото В.Баженова

**«Сирано де Бержерак»
Сирано — К.Райкин,
Роксана — А.Рапопорт**

отечественное происхождение) и вовсе слеза наворачивалась — отважная самостоятельность студенческих лет вспоминалась. Но Бог с ней, с бедностью — все-таки не порок, хотя, знаете ли, не очень способствует восприятию нарядного (по замыслу) спектакля. Когда отсутствует внятное

У драматургов, как известно, нет пространства для прямого высказывания в пьесах, и потому их часто, чаще, чем поэтов и прозаиков, путают с их персонажами. Как угодно можно относиться, например, к Максиму Горькому, но он не говорил: «Человек — это звучит гордо!», это пьяница Сатин резонерствовал...

Драматург Александр Галин дебютировал в конце 70-х и вскоре стал лидером театрального проката. Среди наиболее известных спектаклей по его пьесам — «Ретро» (реж. Л.Хейфец, Малый театр), «Стена» (реж. Р.Виктюк, «Современник»), «Тамада» (реж. К.Гинкас, МХАТ), «Звезды на утреннем небе» (реж. Л.Додин, Малый драматический театр, СПб).

Поводом для сегодняшней встречи с Галиным нашего корреспондента Марии СЕДЫХ послужили репетиции новой его пьесы «...Sorry», которую ставит Глеб Панфилов на сцене «Ленкома» с Инной Чуриковой и Николаем Караченцовым.

Александр ГАЛИН:

«СТАРАЯ ПЬЕСА КОНЧИЛАСЬ. А В НОВОЙ МНОГИМ РОЛЕЙ НЕ ДОСТАНЕТСЯ»

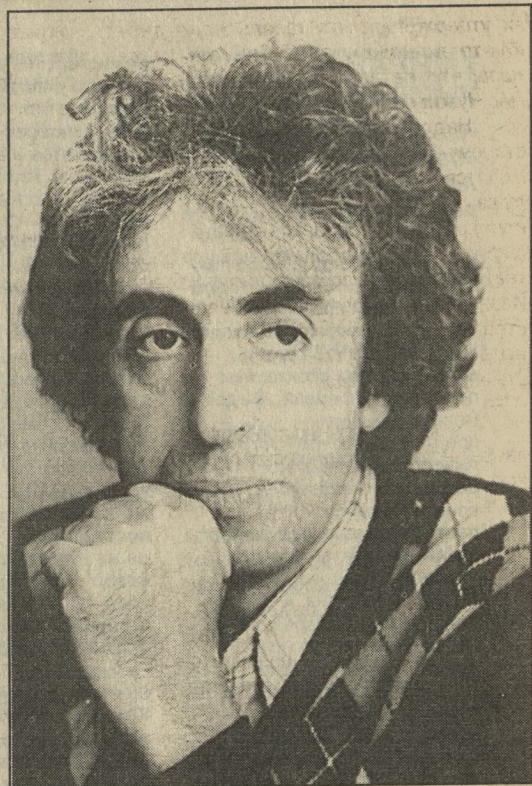

Фото В.Баженова

— Скажи, пожалуйста, Саша, для тебя принципиально то, что оба акта твоей новой пьесы начинаются сообщением русского по национальности героя: «Я — еврей»?

— Никакого «нажима» в этом нет, а просто такая история. Звонарев стал евреем, эмигрировав в Израиль. Вообще-то это герой трилогии. В первой пьесе, «Крыша», он учился в университете, рядом с ним был друг, самый честный, чистый из их компании, диссидентствовавший и погибший. Звонарев таким не был, он жил, выживал. В «Дыре» он стал учителем в маленьком районном городке и столкнулся с «застоем» во всей его красе «идиотизма провинциальной жизни». Звонарев эмигрировал, скитался по свету и через двадцать лет приехал сюда — это пьеса «...Sorry». Но за двадцать лет он стал... евреем. Как? У него появился шанс выгодно, очень выгодно жениться, получить миллионы — так выпало в его судьбе, но для этого надо было сделать обрезание, и он это сделал. Не я эту историю придумал — жизнь. Я только записал...

— Так эта пьеса о «забурной» жизни или о нашей?

— Ту жизнь я не знаю. В последние не-

сколько лет у меня было много премьер в разных странах, я много, конечно, увидел, но это «жизнь из окна отеля».

Месяц назад по приглашению секретаря правительства я был в Лиссабоне на премьере своей пьесы. Жил в отеле на высоком холме, подо мной сверкал огнями Лиссабон. Я спал в огромной старинной постели, среди зеркал. Обедал на берегу Атлантического океана в замечательном ресторане, ездил на автомобиле марки BMW, был окружен красивыми женщинами... А уже через несколько дней выносил ведро с мусором в свой московский двор, где все кругом облевано, где в помойке перемешаны обглоданные коровьи кости с волосами, потому что рядом, с улицы, столовая и салон красоты. Но я живу с обратной стороны и вижу только изнанку.

Все это безумное время я заставлял себя работать. Я знал, что сотни российских театров должны что-то ставить, должны жить. И, преодолевая публицистическую жажду, писал только пьесы. В самолетах, в поездах, в Москве, в Америке, в Курске, Италии, Запорожье. Правда, возвращаясь в Москву, на второй день привыкая к ее опустошенности и нищете, я уже

не могу выносить чувства несвободы и зависимости, не могу привыкнуть к постоянному присутствию каких-то сил, которые могут нами распорядиться по своему усмотрению. Француз или, например, итальянец, возвращаясь домой, не чувствует того, что все еще чувствуем мы: страна наша, нет, жизнь наша нам не принадлежит. Как будто я возвращаюсь в декорации, а не в реальность. История возвращения есть в «...Sorry», но это о том, что нам всем предстоит вернуться, нам некуда уйти от судьбы, от нашей истории, от любви, памяти, от всего того, что есть наша жизнь.

Замечательный художник Давид Боровский, оформивший почти все мои спектакли, и в этот раз словно воплотил душу пьесы. В его декорациях есть две двери: одна страшная, цинковая, которая ведет в морг, а другая — дверь лифта, который может вынести из больничного подвала наверх, туда, где свобода. В этой сценической метафоре — вся человеческая жизнь, с неизбежностью смерти и возможностью ее побороть «усильем воскресенья», как сказал Пастернак. Пьеса «...Sorry» — о том, что нам необходимо захотеть этого воскресенья.

— Многие молчат сейчас драматур-

ги утверждают, что теперь надо писать как-то по-новому — жизнь так изменилась, что ее не уложить в старые формы. Нужны новые формы?

— Надо писать не «по-новому» или «по-старому», не так, как «нужно», а так, как пишется, как умеешь, как чувствуют твоя душа и совесть. «Нужно» — это всегда идеология! Я вспомнил сейчас, как за ширмой Курского областного кукольного театра старая русская актриса Валентина Ивановна Михатова давала мне уроки мастерства. Мне кажется, эта история могла бы дать ответ на твой вопрос. Только она длинная, дослушаешь?

— Постараюсь.

— Свою театральную карьеру я начал со зверей и птиц — героев сказок. Играл волков, крокодилов, был, помню, исполнен мною и питон. И хоть юношеский свой голос я изменял до зверской хрипоты, рычал, выл, но волк мой был либерален, крокодил не агрессивен, а питон не пугал. Я не злой человек от рождения. В детстве обычно били меня. Я ненавижу жестокость. Я довольно рано понял, что мир устроен плохо, что сильные становятся сильнее, подчиняя слабых. Не важно при этом, чем они располагают: партиями, деньгами, танками, национальностью или мускулами... С первых своих робких театральных попыток я наивно верил в возможность изменить этот плохо устроенный мир с помощью искусства. И, как мог, очеловечивал своих волков и крокодилов — я не мог почему-то играть злодеев. Но в каждой сказке должны быть злодеи, и Валентина Ивановна долго мучилась со мной, пока, наконец, не нашла роль злодея, в которой я блеснул: Буржуин из героической сказки Аркадия Гайдара «Мальчиш-Кибальчиш».

«Художник-кукловед», фамилии его я уже не помню, был гордостью города — чемпионом России по городкам. Может быть, он получил должность главного художника кукольного театра за спортивные успехи, но ни рисовать, ни лепить этот городошник не мог. Куклы делал его ассистент. Однажды, в тяжелом запое, он нарисовал эскиз полюбившегося кукольного героя. Разве мог он пройти мимо куклы Буржуина?! Взяв мою фотографию из личного дела, собрав всю свою творческую волю, художник создал куклу, поразившую всех концентрацией отрицательных человеческих черт. Но... дети кричали от восторга, завидев ее над ширмой в курских и орловских деревнях, куда мы выезжали три раза в неделю. В нее бросали камни, стреляли из рогаток, но при этом — любили. Она была смешной и не страшной!

Сознаюсь, что у куклы было мое лицо с данным мне от Бога носом провинциального еврея, мое пролетарское лицо, в котором пьяный художник увидел все тяжкие пороки буржуазии. Мне тогда было всего семнадцать лет, и, держа над ширмой куклу Буржуина, вертя влево и вправо свое постаревшее лицо, я неожиданно за-

играл. Буржуин пил коньяк, ел ананас, который я тогда, в бутафорском исполнении, увидел впервые. Он курил сигары. В моей бедной рабочей семье никогда не курили сигар. Откуда, из какого далека пришла та буржуазная смачность, с которой я расправлялся с пирушественным столом Буржуина? Дети, помню, хохотали, стучали от восторга ногами — успех был полный. Я наполнил образ врага всеми приметами и импульсами жизни, и она победила! Он перестал быть врагом! Он любил жизнь и дарил детям радость! Чавкая и крикая, теряя сласлолюбивые слюни за ширмой, я тогда не знал, что побеждаю идеологию и защищаю человека, потому что Буржуин просто ел и пил, делал все то, что делают обычные люди, а следовательно, сам становился просто человеком, а не символом врага...

Я тогда любил театр наивной, детской, бесполезной любовью. Он был моей мечтой, моей тайной, моим окном в мир. Судьбе было угодно это окно распахнуть для меня, и я увидел мир и понял, какое сиротливое место отведено в нем театру, как мало он значит для жизни, как много людей живет на этой планете, даже не подозревая о театре. Поэтому, когда мы с тобой говорим о «пользе» театра, его «нужности», это выглядит немного абсурдно, скажем мягко, мы далеки от реальности.

Но есть «другая», художественная реальность, в которой живет театр. Есть гармония, вечность, красота. Для того театр и существует, чтобы напоминать о них, особенно в тяжелые времена. Гоголь, писавший «Мертвые души», глядя на Россию из «прекрасного далека», путешествовал по ее просторам на тройке своего великого замысла. Все зависит от огромности замысла. Недаром гоголевская поэма названа «Мертвые души». И для меня его живые, «реальные» герои менее реальны, чем мертвые души, души убиенные, отсылающиеся в живых. Это поэма о том времени, когда жизни как бы уже не было. Я бы и наше время назвал временем если еще не мертвых душ, то полуживых.

— Почему?

— Жизнь исчезает... Люди просыпаются, встают, передвигаются, что-то покупают... Но мыслями они далеко, в прошлом или в будущем. Сегодняшний день все хотят просто как-то пережить. Но из таких «сегодняшних дней» складывается человеческая жизнь, и неизвестно, сколько их придется переживать. Пьеса «...Sorry» о том, как люди пытаются собрать растерянную душу, из полуживой сделать ее живой. Об этом, мне кажется, ставит Глеб Панфилов свой спектакль вместе с блестящими актерами Инной Чуриковой и Николаем Караченцовым. И, видя, как они репетируют, я чувствую, что у русского театра есть силы не только выживать, но и жить.

...Если сравнить нашу жизнь с театром, то можно сказать, что раньше у людей были какие-то закрепленные за каждым

роли: этот — тиран, этот — жертва, эти — герой и антигерой. И множество других ролей в нашем исполнении. Потом эта пьеса кончилась. Прежних ролей нет, а есть только замысел, и то не очень ясный. Поэтому люди похожи на актеров, которым не досталось ролей в новой пьесе. Это трагическая ситуация для миллионов и миллионов. Я по-прежнему ищу человеческие истории, стараясь уловить в них движение человеческой души, ее беззащитность, ее опустошенность, ее одиночество. Вот, например, может быть, буду снимать фильм о...

— Ты — снимать фильм? Где? С кем?

— Это все случайно затеялось, но мне очень хочется, чтобы состоялось. В Италии шли четыре мои пьесы, и один молодой артист-итальянец просил меня написать и поставить для него что-нибудь. Неожиданно он заработал много денег и сказал мне: «Хочешь снять фильм?» — «Хочешь». На киностудии «Арк-фильм» меня поддержали, и Юлий Яковлевич Райзман готов доверить постановку. Надеюсь, это осуществится.

А история в фильме такая. Женщина лет сорока, переводчица, всю жизнь мечтала поехать в Италию. И вот наконец это удается. Там она встречает молодого, красивого, необыкновенного мужчину, влюбляется и проводит с ним несколько сказочных часов. А на прощание он... предъявляет ей счет: для него это была работа. Когда оказывается, что заплатить ей нечем, ее избивают. Потом она возвращается домой, в Россию. Вот и все. Это история про то, как мы все жили в выдуманном мире, надеясь и веря, что где-то есть другая жизнь, имея на черный день свой «запасной выход». Увы! Жизнь одна. А много — мифов, которые путешествуют, словно айсберги. Это красиво и безопасно на расстоянии. Но сталкиваясь с ними, люди гибнут, как корабли. Самое трудное — жить без иллюзий. У человека должно быть что-то, что давало бы ему энергию жить.

— Ну, тебе энергии не занимать. Слышала, ты и спектакль будешь ставить?

— Хочу. С продюсером Давидом Смелянским. Пьеса называется «Титул» — история про молодую девочку-княжну (ее будет играть Евдокия Германова) и ее маму-княгиню (эту роль должна сыграть Инна Чурикова), которые решили продать свой княжеский титул. Он очень высоко сейчас ценится на Западе... Когда я пишу свои пьесы, то хочу, чтобы меня услышали те, кто отчаялся и потерял веру. Кто озлобился и ожесточился. Что я могу им сказать? Я не знаю, каким будет наше будущее, но верю, что и на шестой части суши наступит, наконец, время человека, просто человека.

Рад бы ошибиться, но боюсь, что читателей у этой книги будет совсем немного. И дело не в тираже — тридцать тысяч хоть и не Бог весть какая цифра по российским масштабам, но и не так чтобы уж вовсе ничтожная: по доперестроечным дням каждый держит в памяти примеры, когда дельная, живая книга с тиражом несравненно более скромным облетала страну, делая имя никому ранее не ведомого автора значимым, а читательские умы — просвещенными.

Или, по крайней мере, просветляя их на время.

Книга, к рассказу о которой я издаю, подбираюсь, — из ненаперченных. В ее титульных данных нет решительно ничего, что предвещало бы ей судьбу бестселлера.

Издательство?

И не престижный (по инерции) «Советский писатель», и не рафинированное «Слово», и не на ходу подметки рвущий «Интербук», а какой-то, с позволения сказать, «Копирайт» — так что даже и опытному книгочею нужно сделать усилие, чтобы припомнить: за «Копирайтом» еще недавно числилось и кое-что путное, например, культурно подго-

ем варианте был закончен, оказывае-ся, еще в 1974 году.

Э, да вещичка-то, знать, с душком, с антисоветчинкой, потому, должно быть, и Юрий Осипович похвалил, и «Новый мир» своевременно не напечатал, сообразит читатель-дока, который четверть века назад действительно был крайне падок на аллюзии и подтексты, бегал за ними на Таганку и в «Современник», изводил ради них тысячи тонн словесной руды, а теперь, когда антисоветскость стала нормой жизни, сильно поостыл к манере говорить обиняками да намеками.

И правильно сделал, что поостыл. Но в том-то все и дело, что никаких конспиративных намеков на Софью Власьевну (а только так, помнится, в телефонных переизговорах величали мы во время оно родную советскую власть) нет в романе и следа. Нас словно бы предупреждают: любые совпадения давешних событий с нынешними, любые «смелые уроки», которые из этой книги можно по привычке вычитать, случайны, и никакой ответственности за читательскую догадливость автор явно не несет.

Дальше — больше. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что перед нами и не роман вовсе. А что? Да откуда же мне знать что — свободная, в точности именно под это авторское задание подогнанная форма; может быть, фрагмент — фрагмент обширного повествования, которое в принципе никогда не будет завершено, потому что никогда не будет исчерпано авторское задание. И фрагмент этот — при всей своей фактурности и проработанной детальности — отнюдь не биография Алексея Константиновича Толстого, как пообещал вроде бы автор. Какая биография, если взята не вся жизнь, а одно только десятилетие, притом не из самых выразительных — явные и пресные 1850-е годы, конец царствования Николая Павловича — начало царствования Александра Николаевича. Какое «проникновение в творческий мир выдающегося русского поэта, прозаика и драматурга», если о собственно писательской деятельности А.К.Толстого в книге упоминается по большей части мельком, невзначай, и хорошо, что мельком, нераскадровано, поскольку лишь абзацы, живописующие, как Алексей Константинович в задумчивости слагает что-либо вроде «Средь шумного бала...», я могу отнести в этой книге к числу безусловно слабых, сочиненных будто по прискорбной обязанности штатного биографа.

Ну вот, скажут с понятным неудовольствием, того нет, сего нет, а что же все-таки живет под пером Вячеслава Кабанова?

Живет дух времени. Вернее, не дух даже, а вкус времени, его тон и аромат. Живет человек, не просто положительно прекрасный, достойный во всех

Сергей ЧУПРИНИН

СТЫДНО, БРАТЦЫ, ЖИТЬ БЕЗДАРНО!

Вдохнут: так то в доперестроечные, когда и живые книги были наперечет и когда читать — главное — еще хотелось. Сейчас же... «Независимая газета», вон, даже и рубрику особую завела — «Алексия», где Владимир Новиков умно, блестяще, раздраженно объясняет, почему и он, и другие интеллектуалы охладели к чтению и почему, следовательно, самым лучшим было бы сжечь все книги разом — да и сжечь...

Я тоже готов вздохнуть. Сейчас и в самом деле неизвестно, что уж такое надо написать, что уж такое напечатать, чтобы тебя захотели прочесть. Читательский вкус перебалован — до ошеломления — лавиной неоспоримых шедевров, которые в год-два (если помните д-ей Михайловых прекрасное начало) сплющили хрупкий костяк современной словесности, ибо, что уж темнить, редко какой из нынешних текстов сумеет сохранить достоинство в соседстве с «Подвигом» и «Доктором Живаго», с «Четвертой прозой» и «Факультетом ненужных вещей». Это раз. И два: читательский вкус измучен, изранен за годы гласности таким количеством сенсаций и скандалов, таким обилием грубой, острой и пахучей духовной пищи, что не вдруг отличит слово застенчивое, потому что талантливое, от слова застенчивого, потому что заурядного. Хоть и стыдно, может быть, признаваться, даже и лучших из нас впечатляет нынче только то, что позабористее, ненаперченнее...

товленные сборники стихов А.Аронова и В.Долиной, первый однотомник эффектной прозы А.Кабакова, еще, кажется, что-то.

Название или, иными словами, тема книги, ее жанр?

«Судьба даров, или Жизнь Алексея Константиновича Толстого» — тоже по теперешним временам звучит не Бог весть как соблазнительно. Оно приятно, конечно, что появился наконец роман и об авторе «Князя Серебряного», но мода на биографический жанр схлынула, так больше и не поднявшись, за долго до начала перестройки — вместе с отъездом в эмиграцию В.Аксенова, И.Ефимова, А.Гладилина, В.Войновича, других авторов серии «Пламенные революционеры», одновременно с переходом серии «Жизнь замечательных людей» в загребующие руки бездарных компатриотов.

Автор?

Автора зовут Вячеслав Кабанов. Имя новое, и это-то переборчивого да осторожничавшего читателя смутит, пожалуй, более всего, поскольку на диалог с незнакомцем (а что есть чтение, как не диалог?) сил сейчас почти что ни у кого не хватает. Кто такой, почему раньше никогда не слыхал? — аргумент в пользу отказа от чтения весомый. Его не перешибить ни одобрительной «внутренней» рецензией Юрия Домбровского (она предпослана книге в качестве вступительной статьи), ни ссылкой на то, что роман в первом сво-

проявлениях своей богатой природы, но еще и устроенный так счастливо, что любая преснятина и скукотища, любая пошлость в соприкосновении с ним вспыхивают нежданной радугой, взрываются фейерверком, видятся — хотя бы только видятся, этого тоже много — праздником, который всегда с нами.

Не самый крупный, не самый великий из русских писателей, Алексей Константинович Толстой открывается в книге Вячеслава Кабанова как самый, может быть, счастливый из всех, кто составил славу Отечества. И не потому, что судьба ему мирволила, хоть она ему действительно мирволила, а потому, что и радость, и беда в равной, может быть, степени переживались им как дар бесценный, дар случайный.

Времена не выбирают, сказал Александр Кушнер. Зато выбирают свое отношение к ним, мог бы добавить Вячеслав Кабанов. Его книга — не столько о жизни, сколько о стиле жизни Алексея Константиновича Толстого. И читаешь ее поэтому не только как рассказ о человеке, талантливо, вкусно, с ребяческим азартом прожившем свой век, но еще и как напоминание, всегда не лишнее, потому что пристыжающее: братцы, да нам-то с вами кто велит жить бездарно, то тупо прозябая, то вяло бунтуя, — будто не живем, а срок отбываем, никак не отбудем, по приговору районного суда?!

Недаром же «Судьба даров» посвящена памяти Юрия Павловича Тимофеева, который, в отличие от А.К.Толстого, не был ни графом, ни писаным красавцем, который, опять-таки в отличие от А.К.Толстого, не сочинил решительно ничего выдающегося, достойного внимания потомков, но вошел в изустные старомосковские предания, запечатлелся в мемуарах, в письмах, в поэме Давида Самойлова «Юлий Кломпус» как человек, перед чьим обаянием не сумела устоять ни одна женщина, как тот, кому был отпущен один лишь талант, но талант великий — жить вкусно, жить артистично, жить празднично.

Вот почему я думаю, что у книги В.Кабанова на самом деле два героя: титульный, явный, Алексей Константинович, и потайной, теневой — Юрий Павлович. Их примеру можно было соответствовать единственным образом — написать о них столь же празднично, как они и жили.

Вячеслав Кабанов поступил именно так, и мне действительно жаль, что познакомившись с «Судьбой даров» не многие: алексия, жить не хочется, не то что уж читать. А зря: тонизирует, устыжает и приободряет, как мало что из ныне пишущегося и ныне печатающегося.

Зуфар ГАРЕЕВ

КАК НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

О прозе Владимира СОРОКИНА

Ихоть ныне нашей «самой читающей в мире» державе уже давненько нет дела до журналов и книг, литературная жизнь движется своим чередом, будто из соображений «есть-пить не просит». На ней сегодня не заработаешь — как некогда, на сегодняшний день имеем мы чистоту и бескорыстность литературного опыта. Не томим нынче читатель «духовной жаждой». Иные стали пьяны от фрейторов перестройки — и дальше ни в какую; вторые дошли-доехали до «другой» прозы, и тут их вконец заел рынок; и лишь горстка третьих (число чуть поболее числа оставшихся реально действующих писателей) зачем-то имеет еще охоту к чтению. Думают, что дальше будет легче? Легче не будет. Все «возвращаемое» вернулось со всех концов света. Начинаем возвращать свое родное зарубежье, монстров, выращенных в темных, крепких подвалах андерграунда. Делаем это, разумеется, с неохотой, с какой-то тягостью в душе, с той редкостью и случайностью публикаций, что шаг, предпринятый издательством «Русслит», можно считать и сенсацией, и крупным запланированным весенним выступлением андерграунда одновременно — книга Владимира Сорокина! Издание беспрецедентное, тиражом, который для такого рода книг можно толковать как бестселлерский — двадцать пять тысяч! Названа книга в рекламных проспектах более чем бесцветно даже с точки зрения районно-областного вкуса — «Рассказы». И только эстет, только читатель подготовленный (например, Д.А.Пригов, с удовольствием представляющий автора) поймет, что уже с этой нарочитой незатейливости начинается знаковый сорокинский концепт, подобно тому, как театр начинае-

тся с вешалки. О перформансе, однако, чуть ниже; откроем собственно тексты.

На сегодняшний день проза В.Сорокина является самым глубоким, самым шокирующим откровением андерграунда. Мне лично, во всяком случае, трудно представить, какого рода еще жестокость можно учинить над читателем после его прозы, когда даже цитирование этих шоковых мест превращается в проблему: и для лексикона прессы, ее понятийного ряда, и для меня собственно. Как вам, к примеру, понравится рассказ, три четверти которого выполнены в стиле и духе школьно-романтических повестей 60-х, но финал его венчает сцена, когда любимый ученик, подсмотревший в ночном лесу любимого учителя, «присевшего на корточки», крадучись возвращается на поляну, где облегчился учитель, — и элементарно, простите, поедает его шлаки? Или вот такой типовой «городской» рассказ с жутким финалом: «Шота положил пустой шприц на краешек стола, нагнулся, открыл чемоданчик. Внутри он был бархатный, черный, с двумя округлыми полостями. Верхняя была пуста, в нижней лежал упакованный в целлофан топор. Шота распечатал пакет, освободил топор: «Вот, он стерильный, совершенно...» Рая, пошевеливаясь и прикрыв глаза, покачивалась на стуле: «Ой, не могу... ха, ха, ха... Вась... ой, лечу... хорошо-то как...» Шота размахнулся, топор сверкнул у него над головой: «Хах...» Топор стремительно опустился, лезвие отсекло руку, со стуком вошло в стол... Георгий быстро подхватил обрубок, понес в ванную. (...) Из ванной вернулся Георгий, осторожно неся перед собой обмытую руку. Шота взял ее, упаковал в целлофан и вместе с топором убрал в чемоданчик».

Или вот еще, от чего волосы дыбом: «Лозовина, знамо дело... — крикнул Лохов, становясь рядом. Он сильнее прижал к ручке рычажок акселератора, быстро перекинул пилу влево и всадил полотно в шею склонившегося Будзюка. Темная кровь полетела из-под зубчатой ленты, голова вместе с потерянной кепкой отделилась от шеи, упала в кусты. Ноги Будзюка подогнулись, пила врезалась в землю. Он повалился на пилу, суча ногами. Лохов оглянулся, вытащил из-под безглавого тела пилу, подхватил свою очередь, хотя и то и другое иной пристрастный глаз обнаружит формально легко — особенно первое. Увидим же пока вещи, различные глазами простым, просто человеческим. Если так убедительно легко, как бы естественно вытекающая из милой дремы и плавности соцреалистического повествования, каждый рассказ Сорокина завершается гнетущей картиной угодления героев клиническим ли идиотам, поедающим кал, каннибалам ли, занятым разделкой человеческого трупа («Открытие сезона»), или же картиной пьяного соития с разложившимся трупом любимой девушки, для чего герою пришлось разрыть могилу и вскрыть гроб (рассказ «Санькина любовь», не вошедший почему-то в сборник), или еще какой-нибудь «гадостью» — читатель, это еще не самое потрясающее! Самое потрясающее здесь то, что речь не идет (вот она, святость, непогрешимость соцреализма!) ни о клинических идиотах, ни о каннибализме, ни о некрофилии или копрофагии. Всего лишь перед нами обычный советский школьник, обычный областной функционер, обычные мужики, обычный деревенский паренек, обычные заводчане, в общем, герои, которых много гуляет до сих пор (а сколько гуляло!) по страницам «деревенской», «бытовой», «городской», «военной» прозы. Обычное население соцреализма — обычные люди обычной нашей жизни, которым почему-то ничто не мешает превращаться в такого рода особей, — вот что потрясающе больше всего! Так вот кого плодит система! Так вот что является логическим завершением «коммунистического воспитания человека!»

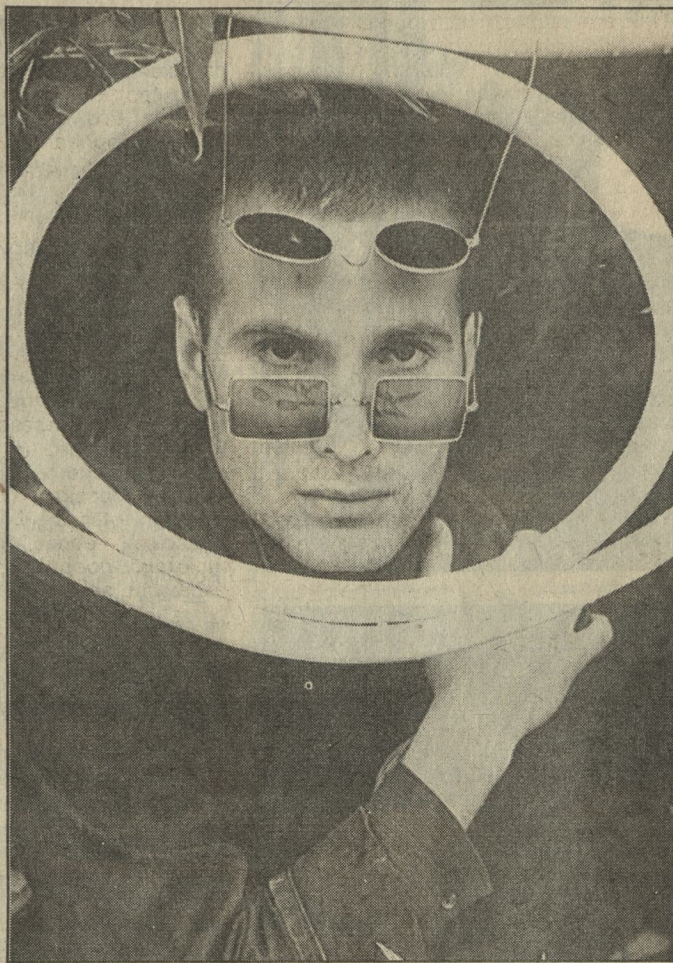
Впрочем, завершением ли? Завершение, развязка — это ведь всего лишь литературный прием. Ничто — в том тоже кошмар — не указывает на то, что рассказы Сорокина завершены. С беспощадностью рассказывает нам писатель эти истории, словно бы ничего не имея в виду — даже нашего ужаса, когда мы вдруг думаем: а может ли это случиться, в сущности, с каждым из нас где угодно и когда угодно? И будет ли это алогично: знаем ли мы в полной мере каждый о себе, насколько мы (уже или еще) превращены, простите, в со-

рокинских героев? Люди ли мы? Повторю для «фрейдистского» читателя — с этой точки зрения творчество В.Сорокина глубоко морально, хотя сам он поставлен в ситуацию просто дикую. В сущности, он изгой, а на самом деле просто мужественный человек, делающий в кругу непонимания свое дело, вопреки тому, что типографии отказываются набирать, критики отказываются размышлять, книготорговцы отказываются распространять, а покупатель — покупать и читать. За чем тогда он нужен, такой писатель? Не знаю — он просто есть. Все отказываются, и только он один ни от чего не отказывается — не отказывается писать. Конечно, иной неглупый человек сообразит, что Сорокин знает про неотразимое обаяние андерграунда, при всей его «непристойности». В самом деле, это такая лукавая штука: механика ненависти-любви общества к своим изгоям! Не любви или ненависти, а именно ненависти-любви. Оно возносит своих кумиров, безусловно, для того, чтобы боготворить. Однако на постамент, быть может, еще более высокий, оно возносит и отверженных, с тем чтобы ненавидеть. Это лукавство уже происходит с Сорокиным. При том, что у нас в издательствах смачно плюются при одном упоминании его имени, русистский культурный Запад не знает другого более благодатного имени для интерпретаций, более очевидного повода для смерти соцреализма.

Будем, читатель, и мы если не восхищены, то спокойны. Будем верить в то, что наши сердца добры. Не будем бояться монстров андерграунда, а на лукавство посмотрим с другой стороны, пожалуй, даже с грустной. В обществе (в любом обществе) существование изгоев закономерно — они наш больной нерв, они мужественные жертвы издержек развития. Блеск рецензий, первый блеск признания, которым начинает устлаться путь Сорокина в литературе, — о, разве он награда за ту драму души, которую мы должны подозревать в каждом серьезном писателе?! Кто знает глубину этой драмы? Кто знает число иллюзий, идеалов, милых грез детства, юности или даже зрелой жизни, с которыми ему пришлось проститься навсегда, прежде чем предстал перед ним его изуродованный мир как последняя реальность, прежде чем из сердца его ушло все, осталась лишь беспощадность зрения, холод ума, одиночество души — души, не нашедшей в этом мире веры, хоть какой-нибудь, хоть во что-нибудь.

Кто знает это все или хотя бы малую часть этого всего — тот, возможно, поблагодарит судьбу, что не ему выпал этот крест...

ПОРТРЕТ ПОРТРЕТИСТА, ИЛИ О ВРЕДЕ ТАБАКА

Валерий Плотников — личность легендарная во всех отношениях.

Если сказать, что его работы известны всем, то это не будет большим преувеличением. Надо только отбросить, во-первых, неграмотных, во-вторых, тех, кто не читает прессу, потом — всех, кто не был ни в одном советском офисе, где на стенах обязательно висят календари с артистами, и наконец — принципиальных противников фотографии как рода человеческой деятельности.

Для остальных Плотников — мастер фотопортрета «номер раз», и два, и три, с ярко выраженным стилем и манерой, слегка граничащей с манерностью. По дороге я, кажется, придумала хороший вопрос для начала:

— Валера, как дела?

— Телефон, конечно, по-прежнему не умолкает, и опять не удаётся выкроить хотя бы месяц, как говорится, жизни для себя. Но фотография, как любое искусство, сегодня большого спроса не имеет. Обидно, ведь по сравнению с временами, когда никого никуда «не пуцали», душили искусство и заставляли поступаться принципами, сейчас вроде бы жить, радоваться и работать.

— Радоваться отсутствию проблем нам не скоро придется.

— Речь не об их отсутствии, а о том, что они, как и раньше, надуманные. Жизненные проблемы — дрова, порубить или хороший интерьер найти для съемки — это нормально, а искусственные, честно говоря, надоели.

— Но в этом есть странное, как и все у нас, преимущество: на Западе классных фотографов полно, а у нас — по пальцам перечесть.

— Да, в этом смысле ситуация выгодная. Но, знаешь, ведь никто не хотел быть мне конкурентом, когда я начинал. Большинство рассуждало так: зачем я буду суетиться, расходовать пленку, если фотографию никто не опубликует? Кто из профессионалов в конце 70-х снимал Любимова, Высоцкого, Аксенова или тот же «Метрополь»? А я, собственно, и занялся фотографией, чтобы бороться с забвением. Звучит слишком эпихально, зато — правда: я снимаю не для того, чтобы показать миру свою особость или возможности широкоугольного объектива, просто есть люди, которые мне дороги. Если я

встречал интересного человека, то не ждал, пока ему дадут звание, и свое отношение к нему ни с кем не согласовывал.

— **А с чего началась борьба с забвением?**

— Еще в юности мне стало ужасно обидно, что практически не существует достойных фотографий Пастернака, Ахматовой, Булгакова. Есть снимки в юности и в старости, а вся жизнь этих великих людей, в общем-то, никак не зафиксирована. Тот же Напелбаум быстро сориентировался и перешел на наркомов и лауреатов Сталинской премии, хотя и среди них были замечательные люди. Я ему, конечно, не судья в этом, но сам решил работать иначе. Кстати, семь-восемь имен у нас пересеклись: он начал, а я еще успел застать Кабалевский, Хачатурян, Уланова, Рихтер, Плятт, не помню, кто еще...

— **Вы ни одного «наркома» так и не сняли?**

— Ни одного. Правда, предлагали. Ты-то, наверное, этого человека и не вспомнишь... Кирпиченко... нет, Кириленко.

— **Константин Устиныч?**

— Нет, тот Черненко. А Кириленко — эх, молодежь! — был членом политбюро, причем из первой пятерки. Мне позвонили из комиссии по его юбилею и попросили сделать погрудное (говорит с партийно-хозяйственным «х» вместо «г»). — И.Л.) изображение, но я посоветовал им растить свои кадры фотографов. Кстати, кого из политиков я хотел бы снять, так это Горбачева. Именно сейчас. Можно его принимать или не принимать как политика, но отдавать должное, считаю, необходимо. В брани его критиков я вижу нашу вечную неинтеллигентность и отсутствие мужества признать чужие достоинства. Прожить по большевистским принципам семьдесят лет, а потом все списать на Горбачева и успокоиться...

— **Ну, это обычная плебейская привычка ненавидеть того, кто наверху.**

— А мне не нравятся плебейские привычки. Я и в фотографиях хотел сконструировать мир, где все были бы интеллигентны, вежливы, говорили друг другу «будьте любезны». Как у Жванецкого: мир, где убедительно звучит «мне в Париж по делу срочно!».

— **А герои ваших портретов принимали этот мир?**

— До конца, по-моему, нет. Я за всю жизнь так и не понял, почему человек, если я ему смоделировал образ и он ему понравился, дальше сам его достраивать не хочет. Вот и выходит: фотография отдельно, а человек — отдельно.

— **Отсюда пошла легенда, что Плотников — лакировщик.**

— Я мечтаю о гармонии, создаю несуществующий мир, который мне очень нравится. Там все красиво — и люди, и отношения, и одежда, и жилье... Сам я поздно получил отдельную квартиру — в 43 года. До этого жил в коммуналке. Потом нам с мамой дали еще одну комнату из так называемого маневренного фонда, чуть ниже первого этажа: ветер по ногам, вечная петербургская сырость, под полом — животные всякие. Это теперь моя мастерская.

— **А ведь легенда гласит, что у Плотникова давным-давно все в порядке: двухэтажная мастерская и все прочее.**

— А-а, да. В том, что внешность обманчива, я убедился на собственном примере. Первые полтора года, когда я начинал заниматься фотографией, были просто страшные. Если у Пикассо были голубые-розовые периоды, то у меня — голодный. Утром я не знал, буду ли есть вечером, и одевался плохо, тем не менее все были уверены, что я просто хиппию. И иностранцы, когда в ответ на их вопрос, где же моя лаборатория, я показывал три банки с растворами на окне, тоже думали, что это советское кокетство.

— **Да, соц-арт такой.**

— Но все эти легенды о преуспевании даже греют душу: пусть хотя бы на словах моя жизнь будет лучше, чем она есть. Ведь вплоть до самого последнего времени было сложно даже приодеть человека, которого я снимаю. Особенно наших обогранных актеров. А если иметь в виду, что бытовой вкус у них не часто встречается... Первым актером, который снимался в чем пришел, был Олег Янковский — я ему только галстук поменял. Или Наташа Гундарева: на серии фотографий, где она напоминает Айседору Дункан, — вальсяжная, царственная. А в это время она делала ремонт, была простужена, ходила, как героиня производственных фильмов, в ватнике и резиновых сапогах. На снимке же от сброшенного ватника и следа нет — это самое дорогое.

— **Как вам удалось обойтись без вмешательства государственных структур в вашу работу? Вы состоите, наверное, во всех творческих союзах?**

— Ни в одном. Особенно кинематографисты поражаются и сразу кричать начинают: мы тебя завтра же примем!.. В свое время, с точки зрения жэка или милиции, я был тунеядцем, несмотря на все публикации. Помню, милая женщина, начальник паспортного стола, меня уговаривала хотя бы на полставки куда-то устроиться.

— **У вас есть трудовая книжка?**

— Нет.

— **А как же вы собираетесь уходить на заслуженный отдых?**

— А я не собираюсь никуда уходить. Я живу по западным законам: работаю хорошо — есть заработок, плохо — нет его. Я же не могу кого-нибудь заставить публиковать мои снимки.

— **Одна из легенд о Плотникове такова: он имеет монополию, у него все схвачено.**

— Интересно слушать рассказы о себе. Но я же у дверей актеров или, там, музыкантов не выставляю охрану. Пленок тоже не засвечиваю, объективов не выкручиваю.

— **Но знаменитости предпочитают сниматься у вас.**

— В общем, да. Это, кажется, ужасно нескромно звучит?

— **Правду говорить легко и приятно. Вы больше не подписываетесь Петербургским?**

— Нет. В свое время я поступил, как Фидель Кастро, который решил не брить бороду, пока не построит социализм: взял псевдоним, пока мой город не станет называться Петербургом. Но все слишком поздно у меня сбылось — в этом городе осталось десятка два людей, кому подходит такое имя... Я же застал еще то время, когда мужчины на улице раскланивались с дамами и целовали им руку. Мне это тогда казалось жеманным. А потом пришла простота жизни, обращения «старик-старуха», курящие женщины на улице...

— **Валера, вам же не сто лет!**

— Я понимаю — так теперь принято, но у меня в подсознании заложено, что женщина, курящая на Невском, — это... ну, эта самая. Обидно видеть, как город мельчает, разрушается на глазах.

— **Но иностранцы много зданий отреставрировали.**

— Разве это много! И все упирается опять в публику. Вместо спасибо — в зеркальную витрину булыжником. Мол, покажу тебе, как напоминать, что я уже почти на четвереньках хожу. Могу себе представить, как эти фирмы отлакируют город, а жители разнесут все вдребезги. Ну что говорить, мой город — моя боль...

— **Отчего же вы в Москве?**

— Это просто: все печатные издания здесь. Там я не только не смог бы реализоваться, но даже прокормить себя. А теперь в Петербурге и снимать некого — всего несколько имен на пятимиллионный город.

— **Не преувеличиваете? На одном «Ленфильме» пять—семь хороших режиссеров.**

— Да, уровень кинематографа там высокий, но люди, которые его делают... Никого из них я не видел в филар-

монии или на открытии выставки в Эрмитаже. Поражаюсь такой простоте жизненных запросов. Вообще у меня много претензий к человечеству...

— **Прямо-таки к человечеству?**

— А люди везде предпочитают вести односложную жизнь. Почему?

— **Чтобы она незаметно проходила.**

— Да, что-то вроде курения... И в искусстве, к сожалению, то же тиражирование примитивных отношений: все нормально, не бери в голову, в правой руке бифштекс, в левой — сигарета. Я понимаю, что мясо надежнее хватать рукой, чем отрезать по кусочку, а чашку с кофе брать пятерней. Но когда я вижу на телеэкране этих интеллектуалов, рассуждающих о судьбах страны, зажав чашку в кулак... Ну что ты смеешься? Ведь эти люди для миллионов изображают и воплощают цвет нации! Мне кажется, что, когда-то отказавшись от вилки с ножом в пользу алюминиевой ложки, мы и пришли к нынешнему состоянию бесконечного депутатского съезда...

Биографию я должен тебе рассказать?

— **А она большая?**

— Знаешь, я иногда вздрагиваю — так много застал и помню.

— **И как Сталина хоронили и все плакали?**

— Конечно. Я не плакал, но, помню, удивился, что солнце светит и небо голубое — ведь вождь умер.

— **А что еще?**

— Песен много помню. Когда я рос, было доступно только радио, и оно целыми днями пело в доме. Люди гораздо старше меня удивляются, откуда я их песни знаю, а я же был их младшим современником.

— **А Чехова и Толстого помните?**

— Не смейся, это обычная aberrация: если в подборке идут архивные фотографии и мои, то обязательно кто-то спросит — и этого вы снимали? До Достоевского, правда, дело не доходило, а про Чехова спрашивали. Я снимал, например, то ли Глорию Свенсон, то ли Лилиан Гиш — теперь мне не вспомнить, кто из них приезжал тогда, — а ведь это современницы Чаплина. С Лилечкой Брик был дружен. Она даже считала, что я снял ее лучше, чем Родченко. Такие слова мне за всю жизнь не отработать.

— **Кто еще о вас хорошо говорил?**

— Хочешь, чтобы я хвастался? Многие. Последняя статья Григория Козинцева была о моих работах. Это тоже еще отрабатывать надо.

— **В художественной школе вы учились вместе с Михаилом Шемякиным и Олегом Григорьевым. А с кем дружили во ВГИКе?**

— Ну, с Сережей Соловьевым мы с

детства знакомы, из-за него я и пошел во ВГИК: мы собирались вместе работать, как Эйзенштейн и Тиссэ, Пудовкин и Головня, Ромм и Волчек... А первую камеру мне купил Андрон Кончаловский. На его картине «Дворянское гнездо» я проходил практику — сам попросился, чтобы поработать с оператором Георгием Рербергом. Был фотографом на «Агонии» Элема Климова.

— **А еще с кем работали?**

— Чувствую, что получится хлестаковщина. У меня есть грустная страница в биографии — я убежал от Тарковского.

— **Почему?**

— К сожалению, это был «Солярис». Нельзя делать то, что тебе не близко, профессионализм тут не выручит. Вот «Зеркало» я бы снимал запойно. Великий фильм, а материалы по нему почти не осталось. Но не сложилось — Тарковский очень обиделся на меня. Потом Рерберг звал меня поработать уже на «Сталкере», но Андрей ему на это что-то резкое сказал. Лет пять-шесть он со мной даже не здоровался — потом отошло.

— **Да, Валера, чистая хлестаковщина. Кто следующий?**

— Я сам не очень верю тому, что говорю. После института меня пригласил к себе оператором Урусевский — царь и бог среди операторов. А у меня ведь даже диплома нет, я не стал его защищать. Но это был вариант «Соляриса»...

— **Новая легенда: Плотников — отказник советского кино.**

— Да, я уверен, что надо уметь не только снимать, но и не снимать. Дисгармония между тем, что делаешь и что думаешь, обязательно скажется на результате. Для меня такие слова, как ответственность перед изображением, не пустой звук. Можно пленки наэкспонировать на десять фильмов или бумаги на десять книг извести, а все равно не будет ни фильмов, ни книг.

— **Вы никого своей профессии не учите?**

— Нет. Во-первых, для этого надо иметь помещение, а мне, наверное,

мастерскую уже никогда не потянуть — очень дорого. Во-вторых, не хочу я убеждать кого-то, что надо знать историю искусства, книжки читать, на концерты ходить, что надо вилку с ножом правильно держать и не дымить в лицо собеседнику... Сил жалко. Да и моя профессия в том виде, в каком я ее хочу видеть, сейчас не востребована.

— **Вы, наконец, жалуетесь на обстоятельство?**

— Нет. Я своей жизнью почти доволен. Сейчас многие хотят буквально за месяц получить то, что за всю жизнь недополучили. Но этот спор, кто в неоплатном долгу — искусство или народ, — бессмыслен. За все надо платить самому.

— **Обидно?**

— Отчасти, да. Ведь земную жизнь пройдя до половины, я очутился черт знает где.

— **Может, надо все-таки стать проще и не брать в голову?**

— Не могу. Жизнь должна быть сложной. Это нас отличает от четвероногих, которые на улице ножку задирают и еду берут прямо с земли. По-моему, любой Чернобыль начинается с того, что человек переходит улицу на красный свет — ведь быстрее и проще. А надо жить по человеческим законам, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прокуранные годы...

Плотникову около пятидесяти, выглядит он не больше чем на сорок, а держится — на тридцать. Он красив, подтянут, строен, играет в теннис, любит порубить дрова на даче, имеет взрослых детей, а его семейная жизнь — это отдельная легенда, которая не нашего ума дело. Оставляю эти темы для Андрея Караулова. Плотников корректен и непроницаем. Сказать, что знаешь, какой это человек, про него нельзя. Автопортрет, который он сделал в юности, соответствует ему и сейчас. Наверное, очень цельная натура.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

На снимках: С.Рихтер, М.Ростропович, Е.Евтушенко, К.Райкин, Л.Ярмольник, А.Демидова

Поэту Иосифу Бродскому в Америке славы не занимать. Дважды я присутствовал на вечерах, героем которых был Бродский, оба проходили при переполненных залах, один — в Гарварде, другой — в Бостонском университете. Едва ли есть в США серьезный любитель поэзии, который не ценит бы творчество этого крупнейшего русского поэта. Вопрос, однако, в том, сколько же их, серьезных любителей поэзии, в Америке? Кембридж, Бостон, те центры культуры, где сосредоточена интеллектуальная элита, — это, увы, лишь верхушка айсберга. Прагматичные американцы, которых принято называть «средними», живущие в «средней» Америке и занятые вполне земными заботами, интересуются предметами вполне земными, но уж никак не поэтическими абстракциями. Ну а как студенчество, эта традиционно самая живая и бескорыстная часть общества? То, что произошло недавно с Бродским в типичной американской «глубинке», в Университете Западной Вирджинии в Моргантауне, никак не поставишь этой стране в актив. Впрочем, не буду пересказывать то, что я сам узнал из присланной мне вырезки из заметки в маленькой местной газете, и лучше приведу целиком текст колонки, которую я написал по-английски и перевел на русский. Ее опубликовали «Лос-Анджелес таймс», одна из ведущих газет в США, и ряд других изданий.

Паркет штучный высшего качества из твердых лиственных и ценных пород древесины за наличный и безналичный расчет, по желанию с укладкой.

Тел. 298-35-02
Факс: 298-56-77

ГЛАС ВОПИЮЩЕГО...

*Университет американского штата Западная Вирджиния
не захотел слушать Иосифа Бродского*

На моей родине принято считать поэзию высшим пределом человеческого дерзновения. Александр Пушкин сравнил роль поэта с миссией библейского Пророка: «глаголом жечь сердца людей», жечь словом, дарованным от Бога.

В обществах, где властвует тирания, слово может угрожать правителю даже больше, чем дело. На протяжении веков в России, где не могла существовать независимая политика и независимые политики, писатели и поэты вынуждены были принимать на себя роль политической оппозиции, становиться героями-жертвами, не склоняющими головы. Они рисковали жизнью за право говорить честно и откровенно, их бросали в тюрьмы, посылали на казнь, высылали и ссылали, подвергали публичному поношению, иногда они кончали жизнь самоубийством, но практически никогда не умирали тихо в постели, в почтенном возрасте, увитые лаврами «отставников».

Два самых выдающихся русских автора сегодня, Александр Солженицын и Иосиф Бродский, нашли прибежище в Америке, когда их насильственно «выдворили» из своей страны. Оба они — лауреаты Нобелевской премии.

Америка приняла их в свое лоно. Солженицын — единственный человек в истории, не считая сэра Уинстона Черчилля, удостоенный почетного гражданства США. Бродский удостоен звания национального поэта Америки, высшей почести для литератора, какую могли оказать Соединенные Штаты.

В начале апреля Бродского пригласил к себе Университет Западной Вирджинии. Поводом послужила намеченная дискуссия о роли поэзии в

жизни общества, а самой дискуссии должна была предшествовать пресс-конференция, организованная Союзом студентов.

Не думаю, что писатели — лауреаты Нобелевской премии частые гости в Университете Западной Вирджинии. Более того, сомневаюсь, чтобы жители Моргантауна, городка, где расположен университет, часто встречались с героями сопротивления тирании из великой страны, России. Для молодых людей встреча с таким поэтом, как Бродский, могла бы послужить поворотным пунктом в их жизни. Самый крупный из ныне живущих поэтов России, он охотно делится добытыми им истинами с новым поколением. Его английский — само совершенство, и он провел здесь, в Америке, годы, преподавая в студенческой аудитории.

Легко было предположить, что все без исключения студенты университета, и отнюдь не только они, придут на эту встречу, переполнят зал так, что сотням страждущих не достанется места и уж придется им постоять за дверями.

Что же было в действительности? Согласно сообщению местной газеты, «кроме горстки преподавателей и студентов, которые должны были потом отвести Бродского к ланчу, в зал не явился ни один человек. В примыкающей гостиной было полно студентов, читавших газеты и болтавших». Но гостя они игнорировали. Ни один из них и не подумал переступить порог зала.

«Не скажу, что я счастлив быть здесь», — сказал с трибуны Бродский, ни к кому конкретно не обращаясь. «Мне что, надо пробубнить что-то или хватит?» — спросил он, а потом сошел со сцены. Намеченная дис-

куссия о роли поэтов в жизни общества так и не состоялась.

В своем эссе «Меньше, чем единица» Бродский писал: «Искусство есть альтернативная форма существования, (где) цивилизация есть нечто большее, чем ежедневный хлеб и еженощное объятие».

Поймут ли когда-нибудь это американцы?

Наверное, можно было по этому поводу высказаться еще более резко, но американский стиль журналистики суше и «холоднее» нашего, не допускает чрезмерностей. Однако газета «Лос-Анджелес таймс» снабдила материал заголовком таким, который не оставляет сомнения в ее позиции, самокритичным и сильным: «ГЛАС ВОПИЮЩЕГО В АМЕРИКАНСКОЙ ПУСТЫНЕ». Да еще и подзаголовок дала вполне страстный: «Поэзия: в России ее считают высшим проявлением человеческого дерзновения, у нас же она — развлечение в гостини».

И еще. После появления в печати этой заметки раздалась телефонные звонки, читатели со стыдом говорили мне, что далеко не все в их стране столь примитивны, тупы и бесчувственны. Один любитель стихов (и сам поэт) попросил меня переслать Иосифу Бродскому письмо в том же духе. К письму он прибавил собственное стихотворение, на которое его вдохновили книга русского поэта и вечер балета, вечер Михаила Барышникова. Стихотворение, кажется, хорошее (судить об этом не мне, но адресату), и я с удовольствием переслал его Иосифу Бродскому.

Владимир ВОЙНА,
Лос-Анджелес спецкор «Столицы»

Юрий ДАВЫДОВ

ДОРОГА НА ГОЛОДАЙ

Из «Лефортовских зарисовок»

В ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ НОЧИ ВЕРХОВНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД ИМЕЛ ЗАСЕДАНИЕ В КРЕПОСТИ ПЕТРА И ПАВЛА, ГДЕ ПРИЗЫВАЛ К СЕБЕ ПРЕСТУПНИКОВ И ОБЪЯВЛЯЛ ИМ ПРИГОВОР.

...Кажись, уж все воспеты? И гусары, и уланы, и драгуны. Поручик, разливающий вино, и корнет, раздающий патроны. И пунша пламень голубой, и черный ус, им опаленный. А я хочу воспеть фельдъегерей.

О, багровый кант на темно-серых рейтузах и эти короткие сапоги с прибивными, незвучными шпорами. О, гоньба по дорогам России — стоя, с крепким упором на саблю, кулак над ямским загорбком. О, ранец! Не заспанный, нет, на груди — стучит ретивое в пакет высочайших повелений. «Малейшая медленность будет взыскана по всей строгости». Гони!

При Павле возили опальных в кибитке, плотно обшитой рогожками, сиди и ни слова, ни вздоха. Все донесения, армейские и флотские, приказал Павел Петрович доставлять не нарочным-офицером, армейским или флотским, нет, только офицером корпуса фельдъегерей. Ветер ключьями!

При Александре, круто осадив у Казанского собора, они сдавали на хранение ключи и знамена павших крепостей: звезда Наполеона багрово меркла. После войны летели упреждая: «Ура! В Россию скачет...» Потом, когда кочующий деспот коченел в Таганроге, фельдъегерские тройки бурно роняли мыло: кому царствовать? Константин — в Варшаве, Николай — в Петербурге. Кому корона? Мчат в снежном облаке; глядь, уж и нет снежного облака. «Уф!» — скажет станционный смотритель и перекрестится... В Зимнем — без задержки — в кабинет Николая — небритые, губы в трещинах, шинель сбрасывали на руки камер-лакеев, пахли шинели зыбью белых равнин, потом запаленных коней...

О, жизнь фельдъегеря, версты и вести, дни отъезда и дни приезда. И каждому аттестация, «основанная на строжайшей справедливости». У, строжайшая справедливость в сумрачном доме фельдъегерского корпуса на Невском, близ Знаменской церкви. В статское переодеться с дороги? Не смей. На Островах прогуляться — особое разрешение, не позднее десяти вечера — рапорту: вот он я. На ночь не отлучайся к мамзели — хромой майор не терпит амуров. Будто не в ногу ранен, а промеж ног. Э, господа, поручиком он брал Париж, там патриотки... откусят.

Вольно фельдъегерям трунить над старым егерем, но вот и проглотили языки, все как один норовят попасть майору на глаза. Все как один! Ну-с, понятно, случай редкостный. Это тебе не дежурство при особах наиважнейших. Хорошо, конечно, в столице, в Петергофе хорошо и в Царском, да бабушка надвое сказала: нынче потрафишь, а завтра в штрафе. В закордонные командировки, известно, навывередки рвутся. А там щучки зубастые — один жеребчик завел сношения с мадамочкой, чем и подверг опасности секретные депеши. Ну-с, где он? — в солдаты разжалован... А нынче дело чрезвычайной важности, случай редчайший.

Майор и кавалер, хромой старик Васильев, командир корпуса, по-

лучил приказание дислоцировать в крепости Петра и Павла отборных фельдъегерей, дабы каждый четверть часа отправлялись в Царское, извещая государя об исполнении приговора над злоумышленниками. Четверть часа — гонец. Четверть часа — гонец. И не бойся загнать коня. Не взыщут, как обычно, полтора рубликов. А родившемуся в рубашке — высочайшая награда: перстень с бриллиантом или золотая табакерка. За что? Черт дерн, за то, что извещит о победе: повешенные повешены. И государь спокойно вернется из Царского в Зимний.

Призывая офицеров, майор прицеливался: «Здоров ли?» Ответили на выдохе: «В совершенном здравии, господин майор!» Молодец к молодцу. Не все ладно скроены, зато все крепко шиты, мордасы заветрены.

Трудную думу думал майор, победитель Наполеона. Ошибиться выбором нельзя. Давно пора в подполковники, а там и в отставку полковником. Нельзя промазать, семь раз отмерь.

Эстафетных кандидатов помечал майор на большом листе бумаги. Вычеркивал, вписывал, рисовал шляпу с плюмажем, шпагу кавалерийского образца, хорошо получалось, опять писал и опять вычеркивал, оставляя благодарным потомкам след нелегких забот победителя Наполеона.

Вижу в черновике Петрушу Подгорного. Уже пять лет отслужил. Минет год с небольшим, представит донесение — дескать, на станции Залазы к преступнику Кюхельбекеру бросился с объятиями «некто г. Пушкин», но он, Подгорный, не допустил.

А вот и Вельш, взор соколиный, этот в корпусе позже Подгорного, но раньше, чем Подгорного, его, Вельша, узнал «некто г. Пушкин». Это ж он, Вельш Иван, вихрем домчал Пушкина из сельца Михайловского в Москву, к государю.

Жалдыбина-то как не помянуть? Несправедливо не помянуть Жалдыбина!.. Вот скоро достанется фельдъегерям возить декабристов во глубину сибирских руд. Трех Жалдыбин повезет. На первой от Питера станции, в Мурзинках, каторжан ждали родственники. Тоже, как Пушкин с Кюхельбекером, проститься желали. Жалдыбин, не оплошав, запретно раскинул руки: «Нельзя!» Они ему — ни много ни мало — три с половиной тысячи. Нет, не взял! Робеспьер — неподкупный? Вздор! Жалдыбин Неподкупный. И пусть клеветники России брызжут слюной: дескать, в нашей аркадии повальное взяточничество.

Из черновика этого и другие оригинальные физиогномии выглядывали. Последним, скромно потупив взор, прапорщик Чаусов, известный всему корпусу подлипала. Последним. Но ему-то и назначила судьба...

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО! ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ ЧИЖОВ ДОСТАВИТ ВАМ ДОНЕСЕНИЕ ОБ ОКОНЧАНИИ ПРИГОВОРА НАД ЗЛОДЕЯМИ.

Чижев? Второпях да на радостях вышла описка. Нет, нет. Чаусов! Ему и был наградой перстень как гонцу Победы с театра военных действий. О, Вася-подлипала, ты не в повседневной фуражке, а в шляпе с белым султаном. И при шпаге парадной, кавалерийского образца.

Но мне уж неохота петь фельдъегерей.

В оформлении
использованы
иллюстрации
Александра Бенюа
к поэме А.С. Пушкина
«Медный всадник»

Дворцовые часы — напольные, настольные, каминные — одни басом, другие дискантом, одни резвым звоном, другие меланхолическим — возвестили три пополудни.

Государь был в Зимнем.

Иван Григорьевич, офицер маленький, но полицейский, отметил про себя, но с точностью протокольной: «У всех языки вылезли, предлиннные языки, а лица синие, почти черные».

Нагие трупы лежали в ряд: Пестель, Рылеев, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский. В каменном, давно брошенном, мерзостно запустелом помещении пахло мышиным пометом. Но беготни и писка не слышать. Сальцем потянет, они и набегут, подумал Иван Григорьевич. Нет, подумал он, не набегут. Это те веревки осалили, которые лопнули, а другие, которые взамен, эти не осалили, некогда было, скорей, скорей.

Приволакивая ногу, вышел он на воздух, увидел рассохлый бочонок, сел и разул сапог. Ступню саднило, Иван Григорьевич осторожно пошевелил пальцами.

Дробина, что ли, попала, черт знает. Ему бы, дураку, вытряхнуть еще там, в Кирпичном переулке, в трактире. Они там, помощники квартальных надзирателей, в крепость идучи, там они, в трактире, пропустили по рюмке анисовой, а Дубинкин с Богдановым успели на биллиарде стук-стук. Там бы и вытряхнуть. Нет, авось да небось. В крепость пришли, тут уж обряд смертной казни без кровопролития начался, ни минуты. Полицейстер, махина страшная, приказывает: «Покажите, господа, шпаги». У Ивана Григорьевича отродясь в деле не была, ржавенькая, конец обломан. Полковник хохочет, брюхо ходуном: «Аника-воин! Такой небось и крысу не заколешь». Крысами, ваше высокоблагородие, у меня на Галерной кот занимается, а этой вот уголья в печке ворошу...

Иван Григорьевич, офицерик Управы благочиния, сидел на бочонке, ворочал стертой ступней, шевелил пальцами. Вышли они, думал о тех, что лежали в ряд посреди мерзости запустения, из казематов вышли на казнь, а видом так, будто трубочку покурить. А ему мука мученическая, хоть плачь... Ну, день-то выдался, думал он, ощущая ступней ласковый пригрев солнца, погожий день, на Каменном острове шампанское брызнет пуще петергофских водометов. Цветы, то, се, музыка военная, у кавалергардов трубы георгиевские, литавры серебряные.

И верно, на Каменном острове кавалергарды давали нынче бал. Ждали государя. Хлопот, забот, как бы чего не забыть, как бы чего не упустить, и чтобы еще один оркестр, капельмейстера пригласить, фейерверк непременно... Братья повешенного, ликом почти черно-

го, братья полковника Пестеля — движенья быстры, кровь горяча, энергия через край. Один с пылу с жару жалован флигель-адъютантом его величества, другому от его величества ежегодное пособие в три тысячи. Честь имеют, за царем служба не пропадет. Быстры движенья, горяча кровь, энергии через край — как бы чего не забыть, как бы чего не упустить. Вперед, кавалергарды, и запиру-ем на просторе.

А ты, Иван Григорьевич, карауль упокойников. На замок бы, и амба, не отлетят — курлы, курлы — в сторону Каменного острова. Нет, жди сменщика Богданова, придет, биллиард потерпит.

Ступня, подсыхая, все еще точила сукровицу. О-ох, взвыл бы Иван Григорьевич, если бы повешенных сразу после казни повезли хоронить. Ненароком выручил штабс-капитан Матушкин: Качель эта, виселица, на сборке заупрямилась, долго не слаживалась. Потом веревки — кряк! — оборвались. Генерал-губернатор дергался, как в падучей, гарнизонный инженер трепетал как лист осиновый. Теперича его, думал Иван Григорьевич, от службы прочь. И поделом! Хоть и злодеи, а дважды на шею петлю-удавку, это тебе как? Ну и проваландались, зарывать не повезешь, везде народ, а зарывать надо секретно, без ротозеев...

Сидел, ждал сменщика. Сапог тоже ждал. Замечательные ботфорты, рублей во ста, теперь они князю ни к чему, зачем они теперь его сиятельству?

В фатере своей, на Галерной улице, помощник квартального надзирателя перекусил наскоро, испил ковш воды и уснул.

И вот они с Варенькой шли, шли, шли. А куда? Может, к месту его службы, в квартал, в съезжий дом с пожарной каланчой, что рядом с Адмиралтейской канавой? Галстук а ля Вальтер Скотт повязал Иван Григорьевич на шитый ворот мундира — смех. На Вареньке платье шелковое, берет алый бархатный, сережки модные, с резными камешками, хорошенькая, шельма. Может, они под венец шли? Или к ее маменьке, здесь же, в Галерной, ремесло беловшейное. А Варенька вдруг спрашивает, смеется: «Чего это вы, Иван Григорьевич, в полушубок нарядились?» — «Потом объясню, сударыня», — смутился Иван Григорьевич, а ноги-то в княжеских ботфортах далеко выставляет, так и прыщут блеском, хоть жмурься, но она не жмурится, она хмурится: «Не стыдно ль, Иван Григорьевич?» — «Чего ж стыдно, сударыня, ежели они князю Одуевскому ни к чему-с...» И тут все смешалось, кричат, бегут, лицо у Вареньки стало синее, почти черное, Иван Григорьевич проснулся.

Вообще-то, правду сказать, сновидения, как и видения спяну, сочинители придумывают, рассказ же Ивана Григорьевича, дав-

ним-давно записанный, — вот он, передо мной. Но подлинная его фамилия не указана.

Сослуживцев могу назвать. И полицмейстеров тоже. А Ивана Григорьевича чаще всего называли Певчим. Певчий да Певчий. И квартальный надзиратель так, и унтеры, и медик полицейского лазарета, и пожарные, и фонарщики, и повивальные бабки; короче, весь штат съезжего дома у Адмиралтейской канавки.

Но почему, по какой причине — Певчий? — понял я именно в тот день, 14-го июля 1826 года, когда Иван Григорьевич проснулся со вторыми петухами и, несмотря на ужас пробуждения, задрал ногу и пальпировал несчастную ступню. Эва, пришла в себя.

Он, однако, обул не ботфорты, а сапоги, в ходу испытанные.

Телега была крепкая, просторная, с высокими бортами. Владелец телеги, фурман-мясник, был кражистый, крепкий, степенный. Ему велели нишкнуть в сторонке, за углом каменного строения. «А поп-то где?» — спросил мясник. «Ты мне не мяскай, кошка услышит», — погрозились Певчий не без некоторого смущения.

Два длинных ящика — пять трупов, забеленных, как порошей, негашеной известью-кипелкой — положили на фуру и позвали хозяина. Мясник взял вожжи, шевельнул, передумал и легонько похлопал лошадь по крупу. Лошадь, оглянувшись, мотнула головой. Фурман, слово извиняясь, развел руками, и она, милая, пошла, пошла.

Шла медленно, фурман не торопил. Певчий, недовольный медлительностью, хмурился. Когда кладь пристукивала, у него слабели колена, и он сам себе повторял, что этих, которые в ящиках, ни на понох табаку не жаль — из-за них-то и остался как перст.

В прошлом декабре грянул понедельник, не приведи господи. Одни кричали: «Ура, Николай!» Другие кричали: «Ура, Константин!» И каждый: «Это по закону». Дураки, закон в Сенате. А беззаконие — на Сенатской.

Народ повалил, глотку драли, квартальный приказ дал: «Унять!». Народ заорал: «А-а, кварташки! Бей их! Бей!» Враз остервенился. Это ж, может, раз в жизни, чтобы не полиция тебя, а ты — полицию, ну и остервенились.

Казалось бы, все наскрозь знал, где лаз, где перелаз, где тупик, где пес злющий, а подвал-то, куда с перепугу забился, впервые. Смяд, бочки, рогожа прелая, долго ль хоронился, не угадаешь, а душа, как стрельнула в пятки, так обратно и не выстреливала. Стало быть, в нетчиках, в дезертирах, срам эдакий. Ну, вылез, весь мундир перегадил, срам эдакий. В дворницкой хватать нагольный полушубок, потом, мол, отдам, потом, и, в рукава не попадая, долгой со двора — к

Сенатской, к съезжему, небось в полушубке не опознают, что ты из полиции.

Народ все валил, прибывал, волнами захлестывал, как в то наводнение, водоворотами. Вдруг, глядь, Варенька! Смеется: «Чего это вы, Иван Григорьевич, в полушубок нарядились?» Н-да, пассаж. Шуры-муры, любовь, со дня на день предложение. А тут... Смутишься «А что это, — спрашивает, — происходит?» — «А это, — говорю, — государь смотр делает, войско по тревоге вывел». — «Ах, по трево-о-ге, ах, интересно, жаль не посмотрю, не протолкаешься». — «Это со мной-то не протолкаешься? Да я вас, сударыня, в самый что ни на есть партер проведу». — «Ах, как интересно, Иван Григорьевич». — «Я, Варвара Григорьевна, мигом, вот только по службе взгляну, как там у нас, и тотчас к вам». — «Ах, сделайте одолжение»... Хорошенькая такая, щечки пылают, глазоньки аметистовые... Прибежал к своим, дух не успел перевести — «Бум! Бум!» И началось, началось. Мрак, крик, визг, стон, картечь бьет, кавалерия скачет, ужас... Мрак огустил, все это продолжалось... Потом по вся ночи костры горели, большую приборку на Сенатской устроили. Убитые, раненые, кому руку, кому ногу, кишки вон, на Сенате, где закон, кровь намерзла гроздьями. Которое трупье ближе к Неве, то в черные проруби, так и чавкуют. А которое трупье у Адмиралтейской канавки, то в порожние баржи-дровяники, стук, бряк. Таскал, таскал, а сам думал, что Варенька домой убежала, какой уж там «партер»... Нет, не спас Господь, лежит истерзанная, затоптанная, лицом черная, нету глазенок аметистовых, нету...

Фура с мертвой кладью поворотила на Тучков мост.

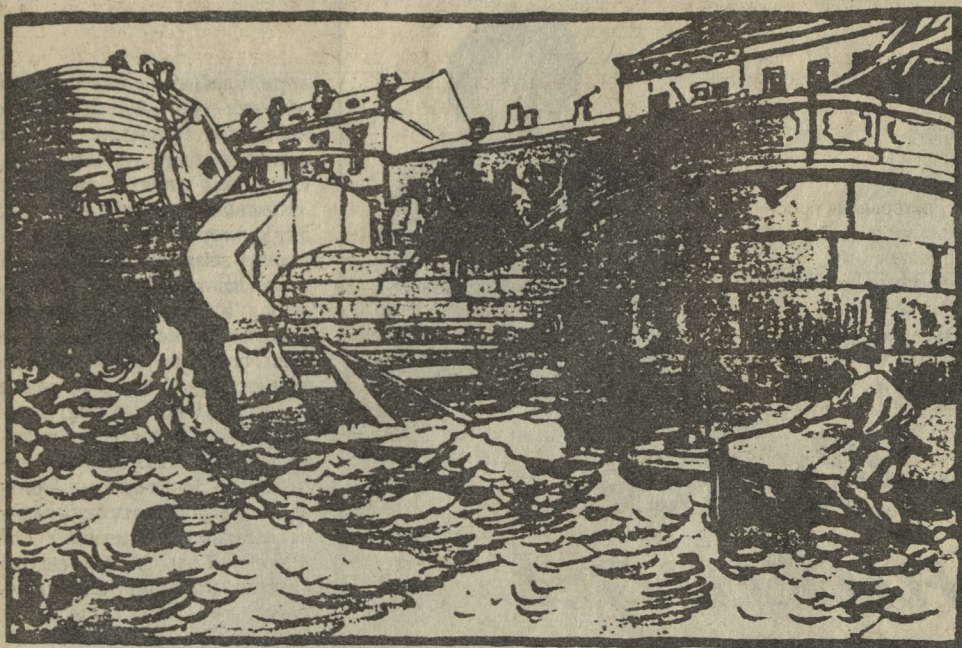
На Малой Неве ни морщинки, вся матовая. Небо мглистое, но по раннему часу еще высокое.

По ту сторону моста ждали солдаты. Вышли из будки, на ящики с мертвецами не смотрят. Фурману сказали: здесь обжидай, корыто твое невдолге вернем. Ражий мясник снял шапку да и перекрестил ящики. Один и другой перекрестил. Иван Григорьевич строго засопел, однако возражений на крестное знамение не нашел.

Потянулась дорога кромкой Васильевского острова. В эдаком захопустае даже и в царские дни не обуешь княжеские ботфорты. Варенька за них стыдила, но это ж во сне, а наяву-то, голубушка, не видела, потому что трофей достался после ее страшной гибели.

Когда с бунтом управились, Певчий в большие начальники вышел. Дали ему девять нижних чинов и в засаду посадили. На Большой Морской, в доме корнета-бунтовщика князя Одоевского. Для задержания каждого, любого звания, кто бы ни спросил Одоевского. А

сам князь как в воду канул. Иван Григорьевич все ж надежду не терял — авось, заглянет. Брови у него темнорусые, над левой бровью у него шрам. Примета... А князя, черт его догадал, он возьми да явись на Мещанскую, в Управу благочиния, там и сдался полицмейстеру. Обманул!

Досадуя, злясь, Певчий и приметил корнетовы ботфорты на колodkaх. Ой-ой-ой! Черным блеском пышут, ненадеванные, сторублевые. Иван Григорьевич, борясь с искушением, глаза в сторону откатывал. А глаза вроде бы сами собой опять на ботфорты накатывали. Тыфу ты, пропасть! Он их, крадучись, примерил. Ах, боже ж мой, по ноге. И калитулировал. Зачем они теперь князю, путь кандалный, не наденешь. А ему, Ивану Григорьевичу, трофей первый сорт...

Тому уж полгода минуло. Не думал Певчий ни о доме на Морской, ни о том, что корнет его обманул, но именно вчера, в день казни, хозяин ботфортвов дал о себе знать чувствительно и мстительно.

В Алексеевском равелине стали отворять казематы: «Пожалуйте, господа!» Пятеро помощников квартального, все из разных кварталов, ждали тут же, в коридоре, чтобы уж потом со своими шпагами следовать впереди осужденных к эшафоту. Из номера 17-го вышел, из номера 18-го вышел, ну, право, словно бы трубочку покурить. А посерединке — номер 16-й, как раз напротив места, где стоял Иван Григорьевич. Оттуда, из 16-го, никто не вышел, там князь Одоевский каторги ждал, он и не вышел, однако именно в эту минуту Иван Григорьевич и ощутил нестерпимую боль ступни. Будто адское пламя лило.

Фура с мертвой кладью была уже на узеньком мосту через Смоленку.

За вялой, в жухлых камышах речонкой гластался Голодай, остров кочковатый, с невзрачными кладбищенскими рощами и словно бы ничейными сторожками, сеновалами, сараями.

Тут начиналось взморье, но большой и свежей водой, как на других островах неевского устья, не пахло — пахло нежитью, глушью, гнилушками, по ночам они мерцали. После великого наводнения сюда, на Голодай, тащили со всего города утопший скот. Валили в ямины с гашеной известью. Или жгли, ветер взморья, изнемогая, задыхался от смрада.

Почва эта принимала нынче полковника Пестеля, подполковника Муравьева-Апостола, подпоручика Бестужева-Рюмина, отставных поручиков Рылеева и Каховского. Известь негашеную-кипелку залили водой, известь гашеная-пушонка шибала густой тухлой теплыню.

Пять трупов принял Голодай.

Возвращайтесь, служивые. Нет, медлили, мешкали, будто в растерянности. Лошадь, стоя поодаль, низко нагнала голову, но траву не чипала, а только фыркала. Лошадь выпрягли, животине тоже роздых нужен. Ишь, куликов-то вспугнула. Да нет, не вспугнула, кулики на Голодае ученые, ружейных охотников боятся, а лошадей не боятся.

Несмотря на сушь, куликов на Голодае гнездились, как всегда, множество. Едва фура и конвойные пересекли Смоленку-речку, они взлетели, затряслись низко, протягивая вперед ноги, как бы ввинчиваясь в воздух. Но теперь, когда солдаты, рассупонившись, прилегали, кто ничком, кто навзничь, кто боком, птицы спокойно занялись своими выводками, лишь некоторые, забирая высоко, куликали протяжно и чисто. Иван Григорьевич, смежив веки, тихо улыбался. «Блаженни людие, ведущие воскликновение», — пели певчие. И он, Ваня, тоже пел «Блаженни людие, ведущие воскликновение...» Своего учителя, Бортнянского, певчие звали отцом, и он, Ваня, тоже звал Бортнянского отцом. Умирал отец прошлой осенью, все выученики пришли в дом на Миллионной, и он, Ваня, тоже пришел в мундиришке своем полицейском, и все они, стоя у смертного одра, пели «Вскую прискорбна еси, душе моя».

Куликали кулики протяжно, чисто. Певчий думал грустно, что нынче помянет и отца, и Вареньку, и тех, которых зарыли, Бог им судья... Кто-то из конвойных солдат вздохнул: «Об эту пору бывают большие росы». А другой сказал: «И рожь начинают жать».

ВОЙСКАМ БЫТЬ НА МЕСТЕ В ПОЛОВИНЕ СЕДЬМОГО.

Государь приехал на Сенатскую верхом, государыня — в карете.

На Сенатской служили очистительный молебен. Митрополит читал проповедь, утвержденную государем. Диакон басил: «Вонмем». Певчие пели «Многая лета». Войска преклоняли колена.

Тянуло гарью — окрест Города тлели болота, курились леса.

На молебен не явился отец Петр Мысловский, протоиерей Казанского собора.

Духовник мятежников служил в этот час панихиду, поименно называя погребенных на Голодае.

С Робертом Максимовичем, отцом Вити, я познакомилась на новогоднем вечере, он был с гитарой. В результате возникла новая семья, и гитара так и вошла в наш дом. Через полтора года после свадьбы у нас появился ребенок. Витя родился рядом с московским парком Победы, в маленьком двухэтажном здании, там сейчас база какая-то, а был родильный дом. В этом же парке позже работал спасателем на лодочной станции. Рядом этот дом, где он жил с 12 до 20 лет. Здесь же школа, которую окончил.

Когда он родился, Роберт Максимович пришел в роддом и говорит мне: «Назови его Виктором!» Уж не знаю, какая его муха укусила. Я хотела Димой назвать, как-то вроде мягче имя. Ну, Виктор так Виктор, я уступила. Виктор означает «победитель», но он не был победителем в жизни, вперед никогда не лез, был очень спокойный.

Он не болезненным рос. С мальчишками лазал по помойкам, приходил грязный. Для мальчишек двор — это романтика, а ничего, кроме помойки, у нас во

Валентина
Васильевна
Цой:

«Витя
никогда
не был
одинок»

дворе нет. Я никогда не ругала его, мне легче было выстирать одежду, чем портить с ним отношения. А потом, знаете, мне чистюли не нравятся. В школе, где он учился, была очень

сильная библиотекарша, которая любила литературу, по-настоящему понимала ее. С первого по шестой класс она давала Вите книги, советовала, что почитать. В общем, она привила ему вкус к чтению, и это было очень важно для его души. Он много читал. Особенно любил серию «Жизнь замечательных людей» — про художников, путешественников, писателей, артистов... В быту был пассивным, мог лежать часами. Я попрошу: «Витя, сходи в магазин». Молчит — не хочет. Я не настаивала. Потом, на пятый день, скажет: «Мама, ну давай схожу, чего надо-то?» Не помогал по дому, оставлял грязную посуду после еды. А мне как-то проще было самой все убрать, чем сцены устраивать.

Спортивные передачи для него не существовали. Мне еще в детском саду го-

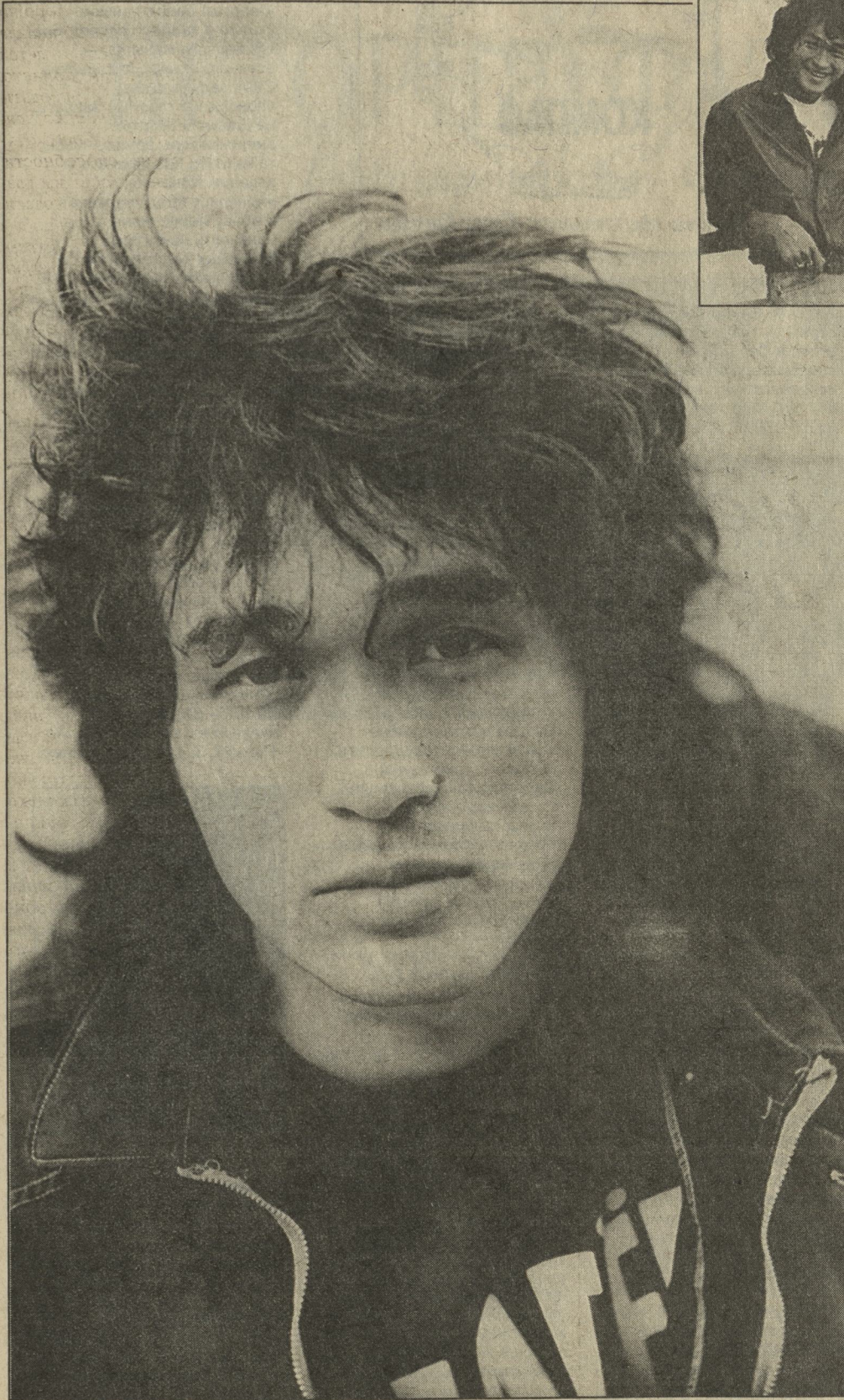
ворили: «Витя у вас хорошо рисует». Я не обращала внимания, думала: детей всегда хвалят, так принято. Он любил лепить, рисовать. Тихонько, смиренно сидит и рисует. Раз у него открылись такие способности, я все делала, чтобы их развить. Карандаши, краски, пластилин всегда были у него под рукой. В четвертом классе он уже сам ездил на занятия во Дворец пионеров, а потом и в художественную школу. Как я гордилась, когда его композиция заняла второе место на городской выставке! Он хотел быть художником! После восьмилетки поступил в художественное училище имени Серова. А потом организовал в этом училище рок-группу. Это не понравилось администрации, и в один день весь их ансамбль из училища выгнали. И постепенно все художественное в его жизни заглохло, на первый план вышло увлечение музыкой. В то время я на эту музыку его вообще — ноль внимания. Какая там могла быть музыка, ведь он же нигде не учился, только отец показал ему несколько аккордов и все. Воспринимать его серьезно как музыканта я начала тогда, когда пошли публикации. До 85-го года на эту рок-музыку были гонения страшные, но про Витю почему-то все время писали, что он талантлив, музыкален.

Потом он вдруг ушел в кочегары, в сторожа, работал банщиком, спасателем. Конечно, это меня настораживало, но и как-то объясняло его поведение. Ему нужно было свободное время для подпольных концертов.

Курить он начал в восьмом классе. Я не ругалась и даже покупала ему хорошие сигареты, чтобы он здоровье не портил. Но он почему-то переключился на «Беломор». Это страшные папиросы. Я ему говорю: «Витя, не кури ты их». Поухмыляется — и все... У нас

Виктор Цой
во время съемок
фильма «Игла»

Участники фильма
«Игла»:
режиссер
Рашид Нугманов,
Виктор Цой и актриса
Нина Ильина

обыкновенная семья, мы не относимся к абсолютным трезвенникам. Витя тоже пробовал спиртное, случалось, и напивался по молодости, когда собирались с друзьями. Но я не могу сказать, что у него были серьезные проблемы с алкоголем. Он был достаточно цельной натурой, чтобы все поставить на свое место. Насколько я знаю, не был он и наркоманом.

На выходные мы уезжали на Карельский перешеек ловить рыбу, а ему разрешили приводить домой друзей, развлекаться. Двое суток он что хотел, то и делал, кого хотел, того и приглашал. Мы его абсолютно не контролировали. Когда приезжали, тут, конечно, был полный беспорядок, полно грязной посуды, что-то побито... Но это мелочи, на которые я не обращала внимания. Хорошо, что у него была такая отдушина. Витя никогда не был одинок. А образ романтического героя — это уже эстрадный имидж, который ему придумали. И он к нему очень подошел...

КРОТОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЯ ВИДЕО

Известный советский комедиограф Эльдар Рязанов как-то сочинил песню, слова из которой, несмотря на известную спорность, стали популярны: «У природы нет плохой погоды...» С этой точки зрения можно утверждать, что в видеопрокате и фильмов плохих нет — следует только воспитать в себе особый вид смирения и кротости.

Вот, к примеру, ремейк фильма 65-го года, который из-за превосходного качества воспринимается как открытие: «УЗКАЯ ГРАНЬ», «ЧУТЬ-ЧУТЬ», «ЕЛЕ-ЕЛЕ» — таковы

Кадр из фильма «Узкая грань»

варианты перевода на русский его названия (реж. Питер Хаймс, США). Сюжет фильма незатейлив, что вообще характерно для американского кино — там предпочитают затеи на уровне фактуры — автомобиль расстреливают с вертолета, мерзавца скидывают с поезда в пропасть, а то — отшибают голову в мизансцене: девушка-убийца стоит на крыше вагона несущегося экспресса и собирается совершить свое черное дело. «Знаешь, что мне в тебе нравится больше всего?» — спрашивает предполагаемый труп. «Что?» — любопытствует девушка-убийца. «Твой высокий рост» — тут поезд влетает в тоннель, спасающий героя от неминуемой смерти эффективно и эффектно. А в завязке этого же фильма другая девушка случайно становится свидетелем убийства, но, не желая становиться очередной

жертвой, бежит из города в глушь — только что не к тетке в Саратове. Но следователь прокуратуры в исполнении Джина Хэкмена находит ее и там, правда, попутно наводя на ее след

мафию. Им удается сесть в поезд, который, как оказывается, буквально набит убийцами, у которых только одна проблема — они знают следователя в лицо, а девушку — нет. Смотрится лента на одном дыхании. Тем более, что Хэкмен исполняет не просто набор трюков, но и рефлексировать, попав в ситуацию экзистенциального выбора, когда убийцы предлагают ему указать девушку и отвернуться. Особенно завораживает простота одного фокуса, повторяемого в фильме бесконечно: все, кого мы подозреваем, оказываются вне подозрений, а самые невинные на первый взгляд персонажи — убийцами. В абсурдистском идеале все пассажиры поезда должны оказаться мафиози с пистолетами. Но это уже комедия. И она называется «СПЛОШНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ» (реж. Дэн Экройд, США). Довольно средний, с моей точки

зрения, комик Чеву Чейз тут преуспевающий издатель финансового журнала. После удачной вечеринки наутро он с компанией отправляется не то по делам, не то на пикник. И все было бы хорошо, если бы шикарный BMW не занесло на проселок, где похмельный водитель не заметил знака обязательной остановки на перекрестке. Далее все разворачивается по принципу «кашу маслом не испортишь» — туповатый полицейский, район, не отмеченный на картах, дебилы, сумасшедший судья... И полное беспривие попавших в беду. Группа активных сумасшедших, построивших у себя в городке некое подобие тоталитарного государства с центром в доме судьи, предлагает «нарушителям» то «костедробилку» — гибрид «американских горок» с пыточной камерой, то «супергильотину» с четырьмя ножами по типу пугала... Героям удается вырваться, но выясняется, что ФБР — часть сумасшедшей общины. И вообще — все только притворяются нормальными, а на самом деле опасные психи. Прелестная комедия для тех, кто убежден в обратном. На мой вкус, она слишком реалистична, да и тезис о «психах, притворяющихся нормальными», недостаточно абсурден — сходите в метро. Мне предпочтительнее простота жанра. Такая, как в фильме «ВЕРСИЯ», который снят с такой аптекарской точностью следования стандартам, что временами делается удивительно (реж. Мэнни Кото, США—Израиль). Вот сюжет: теракт, похищение нового отравляющего газа неизвестно кем с военной

базы США в Израиле. Журналист, в прошлом «зеленый берет», пишет статью и заодно спасает мир от опасного маньяка — военного атташе посольства США, задумавшего провокацию с целью зазвать на Ближний Восток американскую армию, чтобы та наконец разобралась с арабами. Конечно, журналист предотвращает поправу Иерусалима. Наивность некоторых сюжетных ходов (колба со сжиженным газом привязана к колоколу, и, когда тот зазвонит, ка-к!), призрачность интриги и средняя игра актеров только идут на пользу фильму, желающему соответствовать невзыскательным вкусам. А обильные цитаты из Ланга, Хичкока смотрятся в подобном контексте как «бенгальский огонь гениальности». Заблуждение ничуть не хуже всякого другого. Но просто для того, чтобы отдавать себе отчет в «заблужденности», не побрезгуйте черно-белым изображением, попытайтесь достать где-нибудь более чем тридцатилетней давности фильм Хичкока «ПСИХО» (США). Но не покупайтесь на «номера» — «Психо-2, 3, 4...» — всю серию

«Психо», реж. А.Хичкок

в целом можно смотреть только как пример постепенной девальвации темы и способов. Аннотировать Хичкока как-то глупо. Могут только сказать, что все ванны, в которых происходят убийства, в современном кинематографе целиком произрастают из центрального эпизода этой ленты.

Аркадий ИППОЛИТОВ

ИСТОРИЯ ФАЭТОНА

(«Метаморфозы» Овидия)

Г. Гольциус. Фаэтон в чертогах Феба

Между двумя благородными юношами — Эпафом, сыном Юпитера и Ио, и Фаэтоном, сыном Феба и Климены, — разгорелся спор. Эпаф обвинил Фаэтона, что тот напрасно похваляется своим происхождением от бессмертного. Обиженный Фаэтон бросился к Климене, умоляя ее доказать, что он «сотворен от небесного корня». Климена, воздев руки к небу, поклялась: «Фебом рожден ты!» Фаэтон, услышав клятву матери, отправился в гости к отцу — его чертоги находились где-то на Востоке, судя по тому, что Фаэтон прошел Эфиопию и Индию.

Ласково принятый отцом, Фаэтон попросил Феба позволить ему прокатиться на солнечной колеснице, чтобы все убедились в его солнечном происхождении. Связанный необдуманным обещанием, Феб, хотя и предвидя пе-

чальный исход, позволил Фаэтону занять свое место. Как он и предполагал, все кончилось трагедией. Фаэтон не удержал вожжи, огненная колесница приблизилась к земле и зажгла ее поверхность. Огромный пожар, из-за которого страдали даже морские боги, грозил уничтожить всю Вселенную. Тогда стали черны эфиопы и высохла Ливия, тогда же испуганный Нил спрятал свою голову — и донине неизвестны его истоки. Сама Мать-Земля взмолилась пересохшей от жара гортанью, и Юпитер, вняв ее мольбам, обрушил свои молнии на Фаэтона. Фаэтон погиб, ввергнутый в бездну.

Миф о Фаэтоне стал символом наказанного дерзкого самолюбия. В то же время дерзость смертного, попытавшегося стать солнцем, необычайно привлекательна. Уже в XX веке этот подвиг в подра-

жание Фаэтону совершил Маяковский, но его разговор с Солнцем не имел таких трагических последствий.

Сплетение дерзости и обреченности в мифе о Фаэтоне привлекало множество авторов, по-разному трактовавших эту историю. Условно можно выделить две основные интерпретации: натуралистическую и аллегорическую. Натурализмом страдают в основном современные мифологические справочники, утверждающие, что спор божественных bastardов здесь ни при чем, а дело в том, что в древности была какая-то космическая катастрофа, запечатлевшаяся в памяти народов, а народная фантазия создала сказку о падении объятая огнем мальчика.

Аллегорические трактовки принадлежат в основном средневековым авторам. Фаэтона сравнивали с невежественным философом, дерзнувшим при-

близиться к солнцу божественной мудрости (параллель с падением Симона Мага).

Судьбу Фаэтона также сравнивали с судьбой Содома, и бедный сын Феба становился аллегорией человеческих пороков. В «Комментариях» Ландино к Данте Фаэтон и Икар означали всех, кто в своей гордыне слишком заносится, и попадали в ряд «низвергнутых» вместе с Иксионом, Танталом и грешными ангелами.

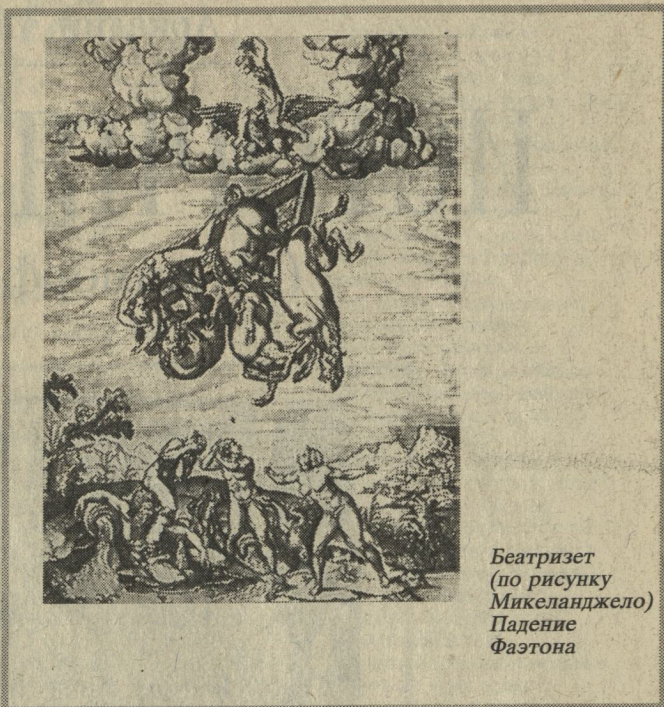
Защитником Фаэтона выступил Микеланджело. Он создал несколько рисунков на этот сюжет, один из которых подарил Томмазо Кавальери. На рисунке изображен несчастный Фаэтон, сбрасываемый Зевсом с колесницы. Рисунок находит объяснение в письмах Микеланджело к Томмазо Кавальери, где он трактует сущность неоплато-

нической любви. Человеческая душа, объятая любовью к неземному совершенству, опалена пламенем, как Фазтон молниями Зевса. Любить совершенство столь же естественно, сколь естественно желать приблизиться к нему, хотя это приближение грозит неминуемой гибелью. Фазтон стал символом любви неоплатоников, любви, сжигающей не только любящего, но и весь мир. Фазтон «мчится, подобно тому, как звезда из прозрачного неба//Падает...», и как поэтический образ остается во всей мировой литературе вплоть до Мальчика-Звезды Оскара Уайльда, поздней вариации неоплатонической любви, несколько снижающей катастрофичность микеланджеловского чувства до уровня светского морализаторства.

Внизу, на Земле, мечутся испуганные женские фигуры. Это сестры Фазтона, чей плач о погибшем брате был столь горестен, что боги превратили их в деревья. С ними друг Фазтона, Кикн, превращенный в лебедя. Микеланджело, дабы не мешали детали, опускает подробности превращений, вызванных падением Фазтона. Но именно на них сосредоточен флорентийский художник конца XVI века Мазо да Сан-Фриано. Его «Падение Фазтона» сделано как странная и забавная сказка для услады придворных знатоков античности. Столь же повествователен и Генрик Гольциус, сделавший рисунки для серии «Падение Фазтона». Один из них — уникальное в истории искусства дословное изображение чертогов Феба, как они описаны у Овидия:

*...Сидел перед ним, пурпурной окутан одеждой,
Феб на престоле своем, сиявшем игрою смарагдов.
С правой и левой руки там Дни стояли, за ними
Месяцы, Годы, Века и Часы в расстояниях равных;
И молодая Весна, венком цветущим венчанна;
Голое Лето за ней в повязке из спелых колосьев;
Тут же стояла, грязна от раздавленных гроздьев и Осень;
И ледяная Зима с взлохмаченным волосом белым.*

Столь насыщенная всевозможными аллегориями сцена была лучшим сюжетом для прихотливого вкуса маньеризма. Барокко больше любило изображать мчащегося Фазтона на вздыбленных лошадях. Сюжет освобождался от многозначности ренессансной трактовки, главным в истории Фазтона стала абс-

Беатрицет
(по рисунку
Микеланджело)
Падение
Фазтона

Г.Рени
Падение
Фазтона

трактная динамика. Юноша на фреске Гвидо Рени мог бы стать любим другим богом или героем, не обязательно Фазтоном. Ведь для него в мифе самое главное — возможность показать отпрянувших в разные стороны лошадей.

Еще более условен Фазтон Одилона Редона. Упоенный красотой и мощью небесных лошадей, художник почти не обращает внимания на бедного мальчика, обреченного на гибель среди восхитительного и враждебного небосвода. Миф превращается в декоративную абстракцию, напоминая о той вселенской катастрофе, что произошла в прошлом и — не дай Бог — ожидает нас в будущем. ■

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

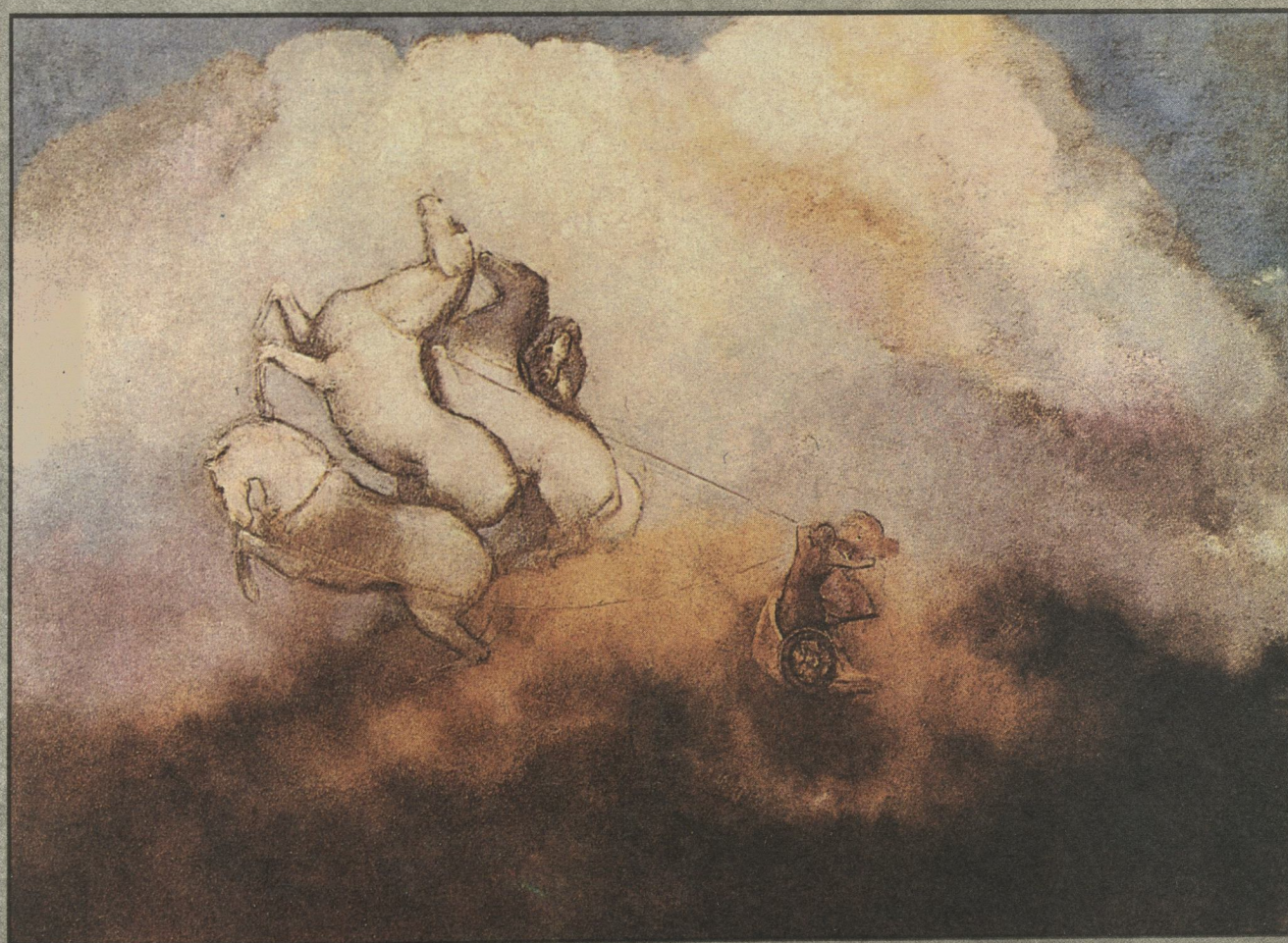
«Пока правительство играет в футбол» — размышления Леонида Баткина о нас и власти, которую мы так долго поддерживаем.

Экономика посткоммунистических стран: хочется рынка и всего побольше.

Светские хроники: Настоящие имена звезд эстрады.

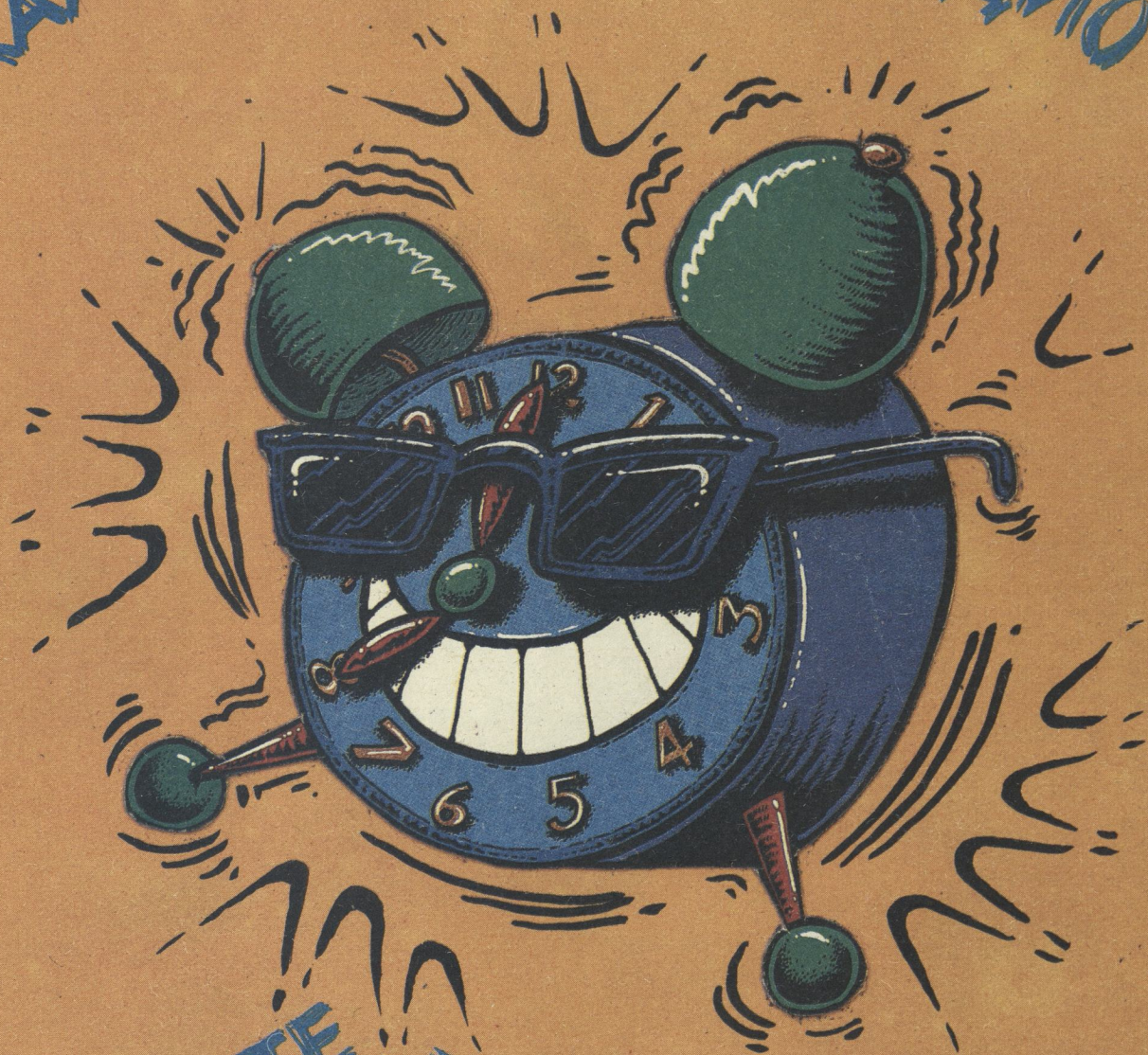
Санти ди Тито. Сестры Фаэтона превращаются в тополя

О. Редон. Фаэтон

КОНСТАНТИН-БУДИЛЬНИК

КАЖДОЕ УТРО НА М-РАДИО

**ВХОДИТЕ
БЕЗ СТУКА**

127427, Москва,
ул. Академика Королева, 15
тел. 283-24-32